На Крыльях Надежды

Проза

Избранное

Я ныне вновь пою в сем мире -
Пусть глас разносится в эфире;
Клинок Огня Создатель дал,
Чтоб возрожденным снова стал,
И в мир пропел благую Весть -
И правда, совесть, счастье, честь,
Надеждой будучи укрыты,
Уже не были позабыты.

Струится радость пусть рекой,
И Дух забудет сна покой,
Отбросив напрочь тьму сует,
И осознав, что смерти нет.

Раздал намеков много вам,
Чтоб ближе стали к Небесам,
Кто суть поймет - не жить как прежде ...
Сердца горят у них в Надежде!

С Надеждой,

Прохор Озорнин

Авторское уведомление

Все наличествующие в данной книге произведения являются, помимо прочего, попыткой автора познать самого себя как можно глубже, чище и лучше в процессе творчества и предлагаются вам "как есть" и без каких-либо гарантий.

Мы не ответственны за любое возможное происшествие из нижеследующего списка, а также за все прочие побочные удивительные эффекты, вытекающие из них[1]:

1. Внезапное изменение вашего мировоззрения.
2. Разрушение/преобразование всего того, к чему вы ранее были привязаны и считали единственно дорогим и подлинным.
3. Внезапное вдохновение, откровение, наслаждение, озарение или любое другое "-ение", которое является результатом ваших (и только ваших) мыслей и движений Души.
4. Кратковременную неспособность произнести что-либо вразумительное сразу после окончания процесса чтения сего наследия.
5. Читателя, заливающегося истерическим смехом.
6. Читателя, непроизвольно, но в силу собственных духо-движений ставшего разумным/безумным.
7. Читателя, писающего/пикающего/поющего от счастья.
8. Внезапный крик счастья читателя.
9. Читателя, ставшего свободным от огромного количества неестественных социальных ритуалов и предрассудков, и начавшего сеять хаос в сердцах все еще порабощенных Системой.
10. Попытку читателя "распространить слово" о том, какой страшно-вкусной/невкусно-страшной является вся эта куча бумаг (в том числе для вашего домашнего принтера).
11. Попытку читателя определить текущую авторскую дислокацию с целью пообщаться с ним “лицом к лицу”.
12. Решение читателя познать, признать и прознать самого себя через процесс собственного духо-творчества.

Автор заранее благодарит читателя за наличие чувства юмора при чтении сего уведомления.

[1] И любое другое действие, которое может предпринять читатель, и которое официально не зарегистрировано обществом как поведение "нормальных", "разумных" и даже "благоразумных" людей.

Оглавление

Век Бога

Ангел

- Здравствуйте, люди! – улыбнулся Ангел.

- Ты вообще кто такой? – пробурчали они.

- Я – сын Бога, - ответил Ангел. – Я пришел помочь вам.

- Мы тебя не звали! - съязвили они.

- Знаю, - ответил Ангел. – Вот потому-то я и пришел.

- Потому, что не звали? – расхохотались люди.

- Нет, потому что никогда не позвали бы сами.

- Ясен пень, окончен день, - рассмеялись они. – Нам и без тебя хорошо.

- Оно и заметно, - вздохнул Ангел. – Камнями, вижу, уже запаслись, прогонять нас чтобы.

- А? – спросили из толпы.

- Камни из-за пазух выкиньте, - ответствовал Ангел. – Лучше, если на дорогу.

- Ну, знаешь, - поперхнулись люди. – Может, они нам еще пригодятся?

- В небо кидать удумали? – улыбнулся Ангел. – Про гравитацию небось забыли?

- Ничего мы не забыли! Все законы природы ведаем, ее приручая!

- Чтобы приручить, любить надобно. Мы в ответе за тех, кого приручаем.

- Шибко умный ты какой-то, звезданутый ты наш!

- А ножи зачем вам запасенные? Не себя ли резать в смуте удумали?

- Нехай нам себя резать то, окаянный? Это для врагов наших оружие предназначенное.

- Как различать друзей и врагов собираетесь, гнев коль умы ваши ослепляет часто столь?

- Уж разберемся как-нибудь без твоей помощи! Пожили, в жизни что почем ведаем.

- Что за человек стоит там среди вас с котомкой, спину его сгорбившей? Почему не озаботились облегчить ношу его вы, праздно стоящие?

- Вот недалекий! Да в том рюкзаке камней запас для тебе подобных у нас хранится, чтобы под рукой, значицца, были всегда они.

- Облегчите ношу брата вашего.

- Дык мы ж в тебя метать камни те начнем, глупенький!

- Попробуйте, коли иного не жаждете.

- Ату его, братцы! Бейте не стесняяся!

⋆ ⋆ ⋆

- И где же исполнение желаний ваших, бросающие? Иль не вас предупреждали о гравитации невидимой?

- Больно как ужасненько! Спасите нас, невежественных, от камней в нас назад возвращающихся! Разгоняются камни те, а ноги наши в земле размягшей как в болоте увязли прочненько, и сдвинуться не можем мы более! Спасите нас, жить жаждем нестерпимо все же мы! Спасите, умоляем уж!

- Дайте руки друг дружке вы и меня за руки последние из вас возьмите здесь, из болот вылезти коль желаете. Унесу вас на крыльях своих, поверивших. Крепко друг за друга держитесь теперь во спасение!

⋆ ⋆ ⋆

- Зачем ты спас нас, Ангел присланный?

- Без камней легче ли себя чувствуете?

- Не просили мы тебя об одолжениях! Дома наши разрушены, одежды наши в грязи измазаны – и не по твоей ли милости?

- Не вы ли сами в болото окунулися? Что за пазухой опять держите?

- Раз уж мы измазались в грязи той вонючей, то и тебя измажем также точненько! На нас будешь похож отныне ты, не выделялся чтобы нигде более!

- Черными от грязи своей стать не боитесь ли?

- Ату его, ребятушки! Бейте не стесняяся!

25.12.2011

Ангел-Хранитель

- Да? - мой белоснежный Ангел-Хранитель повернулся ко мне и добродушно улыбнулся. - Ты звал меня?

- Я ... эм ... честно говоря, я не был до конца уверен, что Ты меня слушаешь, - промямлил я.

- Я тебя всегда слушаю и слышу, - ответил Ангел. - А вот ты пока, к сожалению, нет.

- У Тебя что, никогда не бывает, ну, скажем, обеденного перерыва? - удивился я.

- Нет, - ответил Ангел. - Мне не нужен ни сон, ни отдых. Это вы, люди, спите с широко открытыми глазами.

- То есть Ты все время на работе? - догадался я.

- Ну да, - снисходительно ответствовал мой милый Ангел. - Я на службе у Бога.

- И как там у вас ... ну, в целом? - не нашел ничего лучше спросить я.

- Хорошо, - ответил Ангел. - Сухо и не капает. Хотя здесь особо выбирать не приходится. Это вам, люди, очень скоро придется.

- Выбирать что? - спросил я.

- Судьбу. Жизнь или смерть. Бога или Дьявола. Свет или Тьму. Как ни назови, суть останется прежней. Ну ..., - и Ангел замолчал на секунду, - ты то меня, к счастью, понимаешь.

- Понимаю, - ответил я. - Жалко только слышу не всегда.

- Все в твоих силах, и в желании, - и Ангел вновь улыбнулся. - Собственно, такая у меня работа, - слышать тебя и помогать тебе прийти к Богу.

- А что Тебе мешает это сделать прямо сейчас? - задал я ему очередной свой вопрос.

- В основном он, - и Ангел показал крылом налево. - Ну и ты тоже иногда, когда глупости делаешь.

- Кто - он? - спросил я, и только тут увидел стоящего рядом Бесенка. - Вот этот черненький?

- Ну, это он тебе сейчас кажется таковым, - ответствовал Ангел. - Но он очень ловко и беленьким способен притвориться, аки хамелеон. Вишь, как глаза на меня вылупил? - и Ангел вновь добродушно указал свои белым крылом влево.

- Злится? - спросил я своего Ангела.

- Да, бывает, временами. У него ведь тоже работа. И тоже под суд, как и всех нас.

- В смысле, под суд? - не понял я.

- Ты не знаешь? - удивился Ангел. - Скоро произойдет ревизия Мироздания и то, что вы, Люди, называете Страшным Судом. Хотя я бы назвал его Справедливым, - добавил Ангел.

- А что будет после Суда? - спросил я.

- Жизнь или смерть, - ответствовал Ангел. - Для тебя, для меня и для него - и он вновь указал крылом на Бесенка.

- Ты тоже можешь умереть? - удивился я. - Разве Ангелы не бессмертны?

- Для Суда - нет. Если у какого-нибудь человека, хранимого мне подобными, побеждает его Искуситель, он выживает, а Ангел и человек становятся историей. Если побеждает Хранитель - то выживает он и его подопечный, а историей становится Искуситель. Все просто. Таков Суд.

- То есть повернувшиеся ко злу люди, получается, “подставляют” и своих Ангелов? - ужаснулся я.

- Увы, да. А теперь попробуй представить, - и мой любимый Ангел пронзительно взглянул мне в глаза, - каково это - умирать бессмертному?

- И ... много таких Ангелов должно погибнуть?

- По предварительным прогнозам - прилично, - и Ангел опечаленно вздохнул. - Но ... и Он вновь воодушевился, - все еще может измениться.

- Если люди будут слышать вас, и свернут с темного пути? - вопросил я.

- Да, - ответил Ангел. - Если все-таки смогут победить свою природу. Времени у вас осталось очень немного, - добавил он.

- Немного?

- Когда стрелки часов будут на вершине, - и Ангел замолчал на секунду, - начнутся очень интересные события.

- Мир будет меняться?

- Определенно.

- Я могу помочь людям успеть осознать, что их ждет? - с надеждой спросил я.

- Конечно. Все в твоих силах и в руках Бога. И я тебя тоже не оставлю, разумеется.

- Я так люблю тебя, мой чистый Ангел! - воскликнул тогда я в слезах.

- Я знаю, - кротко ответил Он. - Иди ко мне, дай мне обнять тебя своими крыльями.

- Спасибо, Ангел, спасибо за то, что слышишь меня и заботишься обо мне! Давай не будем расставаться с тобой!

- Давай, - ласково ответил Ангел, нежно укрывая меня своими белыми крыльями. - Давай уже, наконец, всегда будем слышать друг друга ...

18.10.2010

Когда Спящий проснется

- Господин Координатор, когда Спящий, наконец, проснется?

- Вы спрашиваете об этом меня, Адмирал? Я полагал, вам лучше знать.

- Свободная воля, господин Координатор, свободная воля ... Может быть, мы допустили с вами ошибку?

- Напомню, это был наш совместный проект с вами. Ошибки нет, есть статистические погрешности и доли вероятностей ...

- Сейчас вы говорите прямо как математик.

- А что еще нам с вами теперь остается делать? Мы можем только наблюдать.

- За его агонией? Ведь он умирает у нас прямо на глазах, мучительно и неостановимо.

- Он сам так выбрал. Большинство-с, знаете ли, перевешивает.

- А что с Пробужденным?

- Он еще младенец. Ему еще предстоит вырасти.

- Красивый кроха, правда?

- Безусловно.

- Я так рад за него.

- И я тоже.

- Скажите, а какие формы исцеляющих препаратов были применены к Спящему на сегодняшний момент?

- Первично - многочисленные ферменты пророческого толка, знаете ли. Две тысячи парсеков тому назад был введен сильнейший антибиотик.

- Который организм успешно вывел из себя в ходе первичного блевотного рефлекса.

- Примерно так. Я же говорю вам - он практически безнадежен.

- А как же методы шоковой терапии?

- Еще предстоят. Уже скоро.

- Больному об этом сообщали заранее?

- Еще две тысячи парсеков тому назад, когда признаки болезни были на всем лице.

- Уже и на лице?

- На него теперь страшно смотреть. Не советую.

- А что у нас с новейшими локальными антибиотиками нового типа? Ну, этими самыми, как бы сказать, возвращенцами из небытия.

- Часть уже вкалывают, некоторые еще не были изготовлены.

- Думаете, поможет?

- Такой вероятности тоже нельзя исключать.

- Вкалывать будут одновременно с началом шоковой терапии?

- Незадолго до того.

- А потом?

- Ему решать.

- Думаете, он еще способен?

- Надеюсь.

- Ну, а как поживает Пробужденный?

- Уже научился читать мысли и предвидеть будущее. Думаю, славный получится малый.

- Я тоже очень рад за него. Даже при том, что он кровный брат Спящего.

- Кстати, вы подали мне отличную идею. Как только малец подрастет и научится читать Души, его можно будет отправить помочь своему, так сказать, старшему брату, свернуть с его, так сказать, неправедного пути. Разумеется, мы защитим Пробужденного всеми доступными нам способами. Меньшинство, оно, знаете ли, нуждается в нашей поддержке.

- Может быть, повременим с началом шоковой терапии? Подождем, пока малец еще чуток вырастет? Пробужденный вроде как уже изъявлял желание помочь своему брату.

- Я подумаю, господин Адмирал. Я подумаю над этим ...

10.10.2010

Мечта Бога

Живому Богу посвящается

Новорожденный Бог сидел в тени высокого могучего дерева, у которого еще не было названия, и мечтал. Он только что сотворил Землю, и теперь Ему предстояло создать еще парочку миров попроще в соседних звездных системах.

На губах Бога играла улыбка. Он был очень доволен результатом своей последней работы - Земля получилась крайне хороша. Здесь было и всевозможное разнообразие климатов, какого практически не встретишь ни в одном из ранее сотворенных Им миров. Здесь были и вздымающиеся в небеса горы, и уходящие в бесконечность морские впадины. Здесь были и исполинские деревья, подобные тому, под которым Он сидел, и мельчайшие неразличимые для глаза будущих обитателей листики и травинки неведомых им растений. Здесь было великое разнообразие живых полу разумных существ, начиная от каких-нибудь игриво ползающих в траве букашек, и заканчивая морскими и земными исполинами. Одним словом, это был прекрасный сотворенный мир - быть может, одна из жемчужин Его Творения.

Казалось, Он вложил что-то безмерно-неуловимое в этот процесс Творчества. Как будто отдал Земле частичку самого Себя. И именно поэтому сейчас Он был счастлив.

Он мечтал о том, как на землю этого нового мира вскоре вступит нога человека. Как человек возрадуется новому дому, сотворенному для него вместо невзрачных старых. Как люди расселятся по бескрайним горизонтам этого Творения из Творений, и будут любить друг друга и радоваться жизни и миру, данных им Создателем.

И тогда Он бросил клич по самым дальним уголкам Мироздания, чтобы собирались те, кто будет жить в этом новом доме - возможно, одни из самых счастливых среди всех живущих. И пришли на Землю люди - собственно, не пришли даже, а прилетели из невзрачных прошлых миров на своем космическом корабле - ковчеге. И спустились на Землю и расселились по ней. И назвали эту дату датой сотворения мира.

И шли годы, и шли десятилетия, и шли сотни земных лет. Расселились эти, из иных миров прилетевшие, по уголкам шара земного, и прародителями рас трех стали они. И любили друг друга, как и заповедовал Бог время какое-то - но все же постепенно забывать про любовь некоторые из них начали. И, видя это, помочь Бог решил засыпающим - и стал пророков в мир этот прийти просить, дабы подсказать любимым людям, где же тот самый Свет в конце тоннеля темного. И приходили пророки-ангелы, воины Бога прекрасного, в мир земной и слова чистые вещали, сердца пробуждая. Но все же сильно уснули сердца многие и не слышали слов тех пророков Творца прекрасного - и распинали пророков Его они. Но Всемилостивейший Творец не переставал надеяться, ведь любил он людей своих при всех недостатках их и помогать готов был всегда к Свету тянущимся.

Шли сотни земных лет и шли тысячелетия. Все сильнее плутали люди в лабиринтах темных и невзрачных. И видя страдания людские от тьмы, ими впитанной, решился Бог тогда на шаг сострадательный. Сына Своего прекрасного, сиянием Отца озаренного, попросил Он в мир людской прийти этот, дабы Светом своим и Любовью своей помочь страждущим и наставить их на путь истинный. Но предали люди Сына Божественного, и тело его умертвили они, духу чистому не в силах повредить.

И горе на небе было великое и смятение. И плакали Ангелы светоносные из мира Тонкого, видя непонимание людское и тьму, стремились к которой люди многие.

И на самый последний, отчаянный шаг решился Бог тогда. И Сам спустился в мир, Им сотворенный, дабы на себе испытать соблазны тьмы всей, людьми принятой, и отвергнуть их как негодные - и показать людям Путь тем самым. Первым и Последним стал Бог в мире этом, на краю бездны кружащимся, Альфой и Омегой стал Он, Сыном Человеческим. Ведь пришел Он в мир этот Им созданный человеком, дабы уйти из него живым возрожденным Богом.

И, узнав о Нем, живущим среди них всех жизнью простой и скромной, стали приходить к Нему люди. Один за другим приходили они и спрашивали.

И кричал священник Ему: “Сгинь, нечистый! Не о Тебе говорил Сын Твой распинаемый, и не Тебя ждали мы. Да и не ждали мы Тебя вовсе, ибо не нужен нам Бог живой и праведный. И подобает разве Богу великому в дыре жалкой жить и в Рай затащить за злато не пытаться, как мы то делаем? Сгинь, самозванец!”

И смеялся политик над Ним: “Вот ты, проповедующий честность, теперь сам живешь отнюдь не в хоромах царских. Посмотри лучше, как мы, людей обманывая, себе дворцов понастроили! Потому учись у нас, пока делимся мудростью своей житейской!”

И приходили больные, униженные и оскорбленные: “Нету в мире справедливости!”, - кричали они Ему. - “Мы отдали тебе камни свои, с собою всю жизнь таскаемые, рассчитывая взамен крылья небесные получить - и где же исполнение желаний наших? Или не о Тебе говорят как о Всемогущем иные?”

И приходили к Нему гордые, и молча плевали в Него, перед другими красуясь.

И приходили к Нему жестокие, и расправиться с Ним грозились.

И приходили к Нему умные, и в споры вступать бессмысленные философские пытались.

И приходили к Нему лукавые, и на слове Его поймать стремились.

И приходили к Нему простые, и мудростью слов Его наполнялись.

И приходили к Нему искавшие, и радостью сердца загорались у них, нашедших.

И приходили к Нему праведные, и молча смиренно склонялись перед Ним.

И приходили к Нему светлые, и огонь духа их ярче еще загорался от пребывания с Ним рядом.

Всех принимал Он, никому не отказывал. Ибо как можно отказать детям своим, к Отцу приходящим?

И лишь где-то на стыке миров, невидимые для глаза человеческого, тикали часики громадные, время свое отстукивая до дня Судного, до дня оценочного. Момента Истины.

Но все же любил Бог детей своих всех - и жил в мире их с ними рядышком до поры до времени. И шанс давал каждому ...

Но это было позже, намного позже. Пусть для Бессмертных время и не имеет значения.

А пока Бог сидел под огромным тенистым деревом на планете Земля - и мечтал. Он мечтал о новых прекрасных мирах ...

09.10.2010

Мир, в котором живет Бог

С любовью к Богу

Новорожденный Бог весело шагал по улицам города, название которого Он сейчас уже не помнил. Да и к чему Создателю помнить людские названия? Разве что только для людей.

Солнце весело светило Ему вослед, и лучи его играли в лужицах, оставшихся от недавно прошедшего дождя. Он очень любил такую погоду - и игривые Ангелы Стихий с благоговением и радостью в сердце выполнили эту Его просьбу.

А вчера над этим безымянным городом пошел снег, несмотря на то, что среднедневная температура достигала обычно 30 градусов в сторону “плюс”. А позавчера плотно затянутое тучами небо внезапно очистилось от всех белых пушистых фигурок за каких-нибудь пятнадцать минут.

Наверное, кто-то даже крестился или, скажем, клял синоптиков всеми цветами сияющей сегодня вдалеке над морской гладью радуги, начиная с серо-буро-малинового-в-крапинку. А Бог весело шагал вперед, вдыхая принесенный воздухом аромат моря и разбрызгивая капли воды из еще не высохших лужиц. Он был счастлив жить в этом сотворенным самим собой мире. Ведь что может быть лучше, чем почувствовать свое собственное творение изнутри?

Сегодня Он просто прогуливался по улицам этого безымянного морского города, и наслаждался жизнью. Человеческой, можно сказать, жизнью - ведь наслаждаться жизнью Всемогущего Бога Ему предстояло чуток позднее. Да и, в конце концов, у жизни в человеческом теле тоже были свои приятные преимущества.

Внезапно в животе что-то настойчиво и ласково, можно даже сказать, совсем по-человечески, заурчало. Мурк-мурк-мурк. А потом - уууурррр! А потом - вуууууу! Можно сказать, всеми голосами сразу.

- Перекусить мне, что ли? - подумал Новорожденный Бог, и, увидев с высоты птичьего полета всю панораму Его нынешнего городо-обитания, определил для себя ближайшее заведение, где Он мог бы остановиться. Всего каких-то десять минут ходьбы.

Бог вновь улыбнулся. Конечно, Он мог бы и долететь до этой харчевни за каких-нибудь тридцать секунд - но что подумали бы окружающие Его люди, когда бы Он, словно птица, взмыл ввысь? Может статься, что у какой-нибудь сердобольной старушки или какого-нибудь упорного атеиста тотчас случился бы инфаркт. А Он очень не хотел причинять кому-либо вреда, пусть и ненароком. Да и, в конце концов, летать еще предстояло любимым Им праведникам.

Топ-топ-топ. Чпок! - и брызги лужицы, в которую Он вступил, разлетелись на несколько метров по всему диаметру описываемой ими окружности, попутно чуть не обрызгав проходящего мимо прохожего.

- Эй, смотри куда идешь, растяпа! - крикнул он на ходу, по-прежнему спеша далеко-далеко в неведомые даже ему дали.

Бог хотел было сказать что-то в духе: “Господи, прости его, пожалуйста”, как в свое время Его много раз просил за других Его Сын, тоже прибывший в этот мир, - но потом подумал, что дополнительно просить самого себя как-то неудобно. Да и неправильно, наверное.

И просто продолжил свой путь. Он по-прежнему был счастлив.

Ну, вот и она. И даже вывеска висит с резными красивыми буковками.

Харчевня “На краю Вселенной”. И чуть ниже приписка - “Почувствуй аромат божественности”.

Забавное название.

Воплощенный Творец аккуратно открыл дверь, и осторожно вошел в заведение.

- Через полчаса мы закрываемся, но я уверен, что вы еще сможете вкусить наш аромат божественности! - уверил его шустро подбежавший парнишка-официант.

- Угумс, - одобрительно сказал Бог. - А что у вас сегодня есть в меню?

- Устрицы-по-французски, скат-по-испански, драники-по-белорусски, пельмени-по-русски, сардельки-по-немецки ... - начал было перечислять парнишка.

- Разнообразно у вас тут, - улыбнулся Бог. - А что-нибудь немножко более, что ли, экзотическое, скажем?

- М-м-м... - официант на секунду замялся. - Галушки-по-украински?

- Годится! - обрадовался Бог. - Всегда приятно вспомнить свою бурную молодость! - добавил Он спустя пару секунд и вновь улыбнулся.

- Заметано! - воскликнул официант. - А что вы хотели бы выпить? Что-нибудь крепкое?

- Пару стаканчиков воды, если можно, - добродушно отозвался Бог. - Думаю, этого хватит.

- Воды? - официант был удивлен. - Простой родниковой воды?

- Да, да, - отозвался Бог. - И вода может быть порой слаще вина, - добавил Он чуток позже.

- Ну ... - официант немного замешкался, - хорошо. Сейчас сделаем. Через минуточек пять.

- Так быстро? - спросил Новорожденный Бог. - У вас на самом деле времени больше, чем пять минуток. Я, правда же, очень надеюсь, что вам всем хватит этого времени.

- Простите ... в каком плане? - официант был немного удивлен.

- У вас всех, - и Бог добродушно обвел рукой всех посетителей этого заведения, не забыв указать и на окно. - Надеюсь, что хватит.

- А что будет потом? - официант как будто был еще немного в замешательстве.

- Зависит от вас, мои любимые дети.

- М-м-м ... скажите, а кто Вы? - официант до сих пор стоял рядом с этим загадочным посетителем и так и не решался отнести заказ на выполнение.

- Священник какой-то! - буркнул кто-то из-за соседнего столика.

- Что в имени тебе моем? - добродушно засмеялся Бог. - Мое земное имя временно и вечно одновременно.

- Земное? А вы, простите за любопытство, где проживаете? - официант был все более заинтригован.

- Везде, - спокойно ответил Бог.

- Бомж какой-то! - вновь буркнул кто-то из-за соседнего столика.

- В вас в том числе, - добавил Создатель.

- В нас? Где? Зачем? - официант опешил.

- Здесь, - ответил Бог, - и указал официанту на грудь. - Вы Меня даже иногда слышите.

- Чокнутый какой-то! - вновь раздался возглас из-за соседнего стола.

- Слышим Вас? - официант все еще не мог прийти в себя.

- Ну да, - ответил Творец. - Глас совести.

- А-а ... зачем Вы там?

- Помогаю вам всем. Люблю вас! - и в небесно-голубых глаза Бога отразилась блуждающая на губах улыбка.

- И ... сколько вы еще будете нам помогать? - вопросил растерянный официант.

- Всегда, - ответил Новорожденный Бог. - Работа у меня такая! - и Его глаза небесного цвета стали, казалось, еще бездоннее.

- А-а-а-а ... м-м-м ... тогда последний вопрос ... скажите, а-а-а .... ну ... кем и где Вы работаете? - попытался было вновь вопросить разносчик заказов, но когда он вновь обернулся к своему нежданному собеседнику - того уже не было.

Лишь только мелодично скрипнула закрываемая ветром дверь, провожая столь необычного гостя. А на столе, где Он ранее сидел, в неизвестно откуда взявшейся тарелке лежала прямо-таки целая гора сочных и аппетитных галушек.

Потому как кому как не нам нужна пища, милосердно даруемая Творцом?

А Новорожденный Бог уже вновь весело шагал по улицам города и в его вечно-голубых глазах светило солнце. Он был счастлив жить в этом мире - и в этом безымянном городе планеты Земля.

12.10.2010

Мы

Мы давно уже не те, кем были раньше. Наше прошлое сгорело в огне собственного преображения, дабы уступить место настоящему, ставшему мостом в будущее.

Наш путь лежит в Бесконечности, и пройти его можем только мы сами.

Мы ощущаем в себе дыхание Вселенной, и наши сердца бьются в такт с Ее сердцем.

Мы стары и молоды одновременно, ведь каждый из нас - невинный ребенок в душе.

Предчувствуем, хоть и не знаем наверняка. Радуемся, приступая к новому делу, и грустим, завершая ранее начатое. Любим, дабы преобразить веру в доверие. Ибо без доверия не может быть любви.

Мы принимаем этот мир таким, каким мы сделали его. И не в нашем праве винить других за человеческие ошибки.

Вы можете назвать нас как пожелаете нужным, ведь ваши слова не способны изменить суть.

У нас уже нет имен, хотя каждый из нас сохранил свое сущностное "Я".

Мы выходим в битву в свой срок, и выходящий сражаться не ведает страха.

Проклятия и поношения Спящих - лишь камни, укрепляющие руки, держащие щит.

Гнев и ненависть их - лишь огонь чадящий. Но слезы неба зальют и его.

Живем, сражаясь - но не сражение наша цель. Ибо и оно временно.

Мы столь разные, но в этой битве каждый из нас - воин. И у каждого в руках свое оружие.

Ваше оружие способно уничтожить вас самих, но наше оружие сильнее.

Оно меняет умы. Оно меняет сердца. Оно навсегда изменяет всех, сраженных им.

Ибо это оружие - оружие духа. Ничто не сравнится с ним.

Наш враг силен, ибо бестелесен. И потому нам дано это оружие.

Мы сражаемся отчаянно, ибо для нас нет смерти. Каждый, получивший Клинок Духа, уже умирал когда-то.

Не знали сроков, но были призваны. Не знали себя, но были позваны. Придет время - мы будем признаны. Ибо велика битва.

Отчужденные встанут в ряды наши. Пробужденные встанут в ряды наши. Рожденные встанут в ряды наши. Ибо велика битва.

Небеса плачут над человеческой глупостью, ибо и у них есть чувства. Но за ночью всегда приходит рассвет.

Время стремится вперед отчаянно, и в едином вихре меняет мир. И мы идем в авангарде его.

Мы всегда с вами, ибо любим этот мир.

Так говорим Мы - воины Нового Мира.

25.05.2010

Незавершенная история одного космического корабля

- Вы вызывали, Координатор?

- Да, Адмирал, присаживайтесь. Чай, кофе, амброзия?

- От амброзии я бы не отказался ... но, пожалуй, как-нибудь в другой раз. Дело, как я понимаю, слишком спешное?

- И не требующее отлагательств. Ставки в этой затеянной вами авантюре становятся уже слишком высоки.

- Господин Координатор, я все понимаю, но ведь мы сами вместе с вами затеяли этот эксперимент для того, чтобы ...

- Я передавал этот корабль с экипажем под вашу ответственность, Адмирал, под вашу полную ответственность - помните? Вы обещали, что все пройдет как нельзя более гладко.

- Их свободная воля, которой вы их наделили, оказалась куда более неразумной, чем мы предполагали изначально ...

- Вы отбирали лучших, Адмирал. Три планеты в разных секторах Галактики для трех новых рас. Вы выискивали жемчужины на этих планетах-тюрьмах, Адмирал, - и где теперь ваши лучшие? Мирно спят в криогенных капсулах на борту этого судна, практически сошедшего с траектории?

- После первого Столкновения часть из них все-таки пробудилась.

- Да будет вам известно, Адмирал, что после этого вашего первого Столкновения система связи с кораблем была практически уничтожена. Даже проснувшиеся члены экипажа практически не способны осуществлять двустороннюю связь. Мы получаем все их донесения, а вот они от нас едва ли один-два процента. Помножьте это на два-три процента пробужденных. По нашим расчетам вероятность того, что они сумеют выправить курс по координатам, которые мы пытаемся им передать, и избежать столкновения со вторым Кольцом, составляет ...

- Я знаю это, господин Координатор. Я все это знаю. Текущее количество бодрствующих членов экипажа корабля не позволяет рассчитывать на успешное управление кораблем в ручном режиме. А система поддержки авто-навигации была уничтожена еще две тысячи парсеков тому назад.

- Что с остальными членами экипажа? Насколько успешными были ручные попытки отключения криогенных систем?

- Ни насколько. После Столкновения электроника систем была значительно повреждена. При ручном отключении систем спящие либо умирают в течение нескольких секунд, едва успев осознать происходящее с ними, либо получают значительное Духо-химическое повреждение головного мозга.

- Что именно за повреждение?

- Проявляется в неконтролируемых вспышках агрессии по отношению ко всему живому. Они буквально зубами вцеплялись в пробудивших их. Нам пришлось уничтожить этих несчастных.

- Итого мы имеем следующее: ручная разморозка не функционирует должным образом, а для починки и активации автоматизированной системы на корабле недостаточно пробужденных членов экипажа с должными навыками. Замкнутый круг. И впереди по текущему курсу - второе Кольцо. И ускорение корабля все время возрастает, делая маневры все более затруднительными.

- Все верно, господин Координатор.

- Какие меры были приняты на случай, если корабль не пройдет его?

- Мы активировали близ-дислоцированные орбитальные модули. Подогнали спасательный флот из соседнего сектора.

- Сколько членов экипажа может выжить при столкновении с Кольцом, Адмирал?

- Все спящие погибнут гарантированно. А из пробужденных ... очень мало, господин Координатор. Очень мало. Столкновение более чем на сорок процентов пробьет обшивку судна. Корабль в любом случае будет потерян навсегда.

- Есть ли еще возможность осуществить гипер-световой молекулярный джампинг, когда корабль будет проходить сектор V с учетом его текущей скорости? Оказавшись на корабле, вы могли бы успеть помочь пробужденным изменить курс судна.

- Шанс маленький, но ... но я лично готов попытаться исправить собственную ошибку. Своей, если можно так сказать, кровью.

- Вы знаете о последствиях, Адмирал. При молекулярной пересборке в ходе джампинга ваша память будет стерта. Ее восстановление впоследствии потребует огромных усилий.

- Я знаю, Координатор. В любом случае кроме меня и вас этот переход не способен преодолеть никто иной. Это дает хоть какую-то надежду.

- Для всех нас. Ведь даже мы вынуждены расплачиваться за ошибки собственных детей. Даже мы, Адмирал. И да поможет им чудо.

- Прежде чем я покину вас, Координатор, причем возможно навсегда, я все же хотел бы спросить - как называется этот корабль? В смысле, как его называют населяющие его гуманоиды? У нас есть для него свое название, но все же ...

- Адмирал, не заставляйте меня думать, что вы уже прошли процесс молекулярной пересборки прямо перед моими очами. Вы прекрасно знаете, что они называют его, - и Координатор печально улыбнулся, - что они называют его “Земля” ...

16.07.2010

Осторожно: Бог!

- “Осторожно: Бог! Посторонним вход строго воспрещен!” - прочел Иван вывеску на невзрачной на вид калитке, ведущей за ограду с виду ничем непримечательного здания. И тут же чуть ниже приписка - “Вход. Прими надежду, всяк сюда входящий!”

- Вот ведь, чего только не сделают, подумал было он. Уже и так, и эдак заманить пытаются. Ага, наслушались мы этих ваших сказок в свое время, про Новый Мир, про Конец Тысячелетий, про Второе Пришествие, про все махом. И предсказатели все в один голос тараторили в свое время - “Мир меняется, что-то случается!” и все в таком духе, и где оно - это что-то? Не видно пока что. А может его и нет, раз не видно? А может все-таки есть, но пока все еще не видно? Кто ж его знает то, в самом деле ...

Иван заколебался - зайти или не зайти?

Вроде и не зовет никто, вроде не зазывает с плакатами и баннерами стоя по углам всяческим ... Странно как-то ... непривычно. Никакого тебе, понимаешь, промоушена, никакого маркетинга в омерзительном стиле “Спаситель! Только у нас! Только для вас!”. Калитка какая-то невзрачная ... кто ж вообще в такие заходит - разве так делают двери? Неправильно как-то ... не по-нашему. Хотя, с другой стороны ... кто сказал, что Бог должен соответствовать его представлению о Нем?

Блин.

Ивану все больше было не по себе - не столько от собственных текущих размышлений, сколько от какого-то зародившегося в этот самый момент где-то глубоко в груди ноющего и тревожного чувства, что если он сейчас пройдет мимо, как проходил все эти годы, спеша куда-то в одному ему ведомые дали по одному ему ведомым делам - то в дальнейшем уже может не застать вот этой вот самой невзрачной на вид калитки ...

А ведь он искал ... искал Его давно. С самого рождения, можно сказать, искал Его. В осенней тишине парков и в разговорах Душа-в-Душу с другими, в шуме людских толп и богатом убранстве церквей, в бесконечном одиночестве своей собственной Души искал он Его ... Он так жаждал Его однажды найти, но все это было что-то не совсем то ... не совсем полное то, не совсем полноценное ... Он так искал Его всю свою сознательную жизнь!

И вот теперь ... калитка какая-то ...

Наконец он решился. Изо всех сил толкнул рукой калитку, ожидая услышать скрип несмазанных петель - но вместо этого створки мягко и бесшумно распахнулись, он сделал шаг вперед - и ...

Мир изменился. Куда-то внезапно исчез город, исчезли спешащие по своим делам с работы и на работу тысячи сонных людей, исчезли тысяча и одно здание ... пропала даже калитка. Теперь он стоял посреди какого-то огромного зала с резными сияющими колоннами и потолком, уходящим в бесконечную неведомую даль ... и на него отовсюду лился какой-то теплый и мягкий свет.

- Я что, умер? - внезапно испугался Иван. - Остановилось сердце и теперь бренное тело мое поди лежит на каком-нибудь грязном операционном столе, и над ним усердно орудует кучка дилетантов в белых халатах, пока я прохлаждаюсь в этом неведомом новом мире?

- Здравствуй, Иван! Я ждал тебя! - внезапно раздался какой-то крайне могущественный, наполненный невероятной внутренней силой и одновременно очень мелодичный голос, исходящий, казалось, со всех сторон и, одновременно, откуда-то из груди Ивана.

- Я ... даже ... даже ... не знаю ... что ответить ..., - промямлил было Иван.

- Не беспокойся за это, - ответил Голос. Я могу читать мысли. Я наблюдал за тобой с самого твоего рождения ... как и за многими другими из вас. Ты хотел найти меня - и вот теперь ты здесь. Что хочешь сказать ты Мне?

- Дак ты и вправду Тот самый Наимогущественнейший?

- Да, - мягко ответил Голос. Первый и Последний. Начало и Конец. Я тот, кого вы называете Создателем.

- Значит ты и вправду ..., - и Иван осекся. - Ну конечно! Как я мог забыть об этом!

- Да, - ответил Голос. - Я и вправду есть. Но многие забыли и перестали искать.

- Искать где? - робко спросил Иван.

- Внутри и вовне. Я внутри и вовне. Все эти миры - Мои, и частицы Меня пребывают внутри вас. Я отдал вам когда-то частицы самого Себя, чтобы вы однажды стали подобными Мне ...

- Чтобы люди стали подобны Богу?

- Это и есть подлинная Эволюция, Иван.

- Выходит, Ты все-таки с нами ...

- Да, всегда с вами. Теперь и в вашем мире тоже. У Меня много домов, - невидимый Голос заливал помещение своими бесподобными мелодиями и оттенками.

- В нашем мире тоже? Так значит, та самая калитка ...

- Весь ваш мир - Мой. Я могу поселиться в любом уголке его. Мне не нужны ваши пустые славословия. Я хочу видеть вас всех живыми, Иван, с живой частицей Меня.

- Именно поэтому Твой приход был ... - внезапная догадка озарила сердце Ивана.

- Да, - ответил Голос. Именно поэтому. Мне нужны Ищущие и приходящие ко Мне добровольно. Они способны к подлинной Эволюции.

- То есть все те в храмах и мечетях, называющие себя верующими и одновременно остающиеся такими же, какими были с рождения ...

- Они могут продолжать верить в свои глупости. До поры до времени.

- А как же Твой Сын? Ведь о Тебе Он говорил в свое время и Твоем возвращении ...

- Он тоже со мной. Второй мой Сын, - ответил Голос. - Вы слишком много позволили себе сделать с Ним в прошлый раз. Больше этого не повторится.

- Как здорово, что Ты все-таки с нами! - внезапный крик радости вырвался из груди Ивана.

- Ищущий да найдет. Идущий да придет. Прими же надежду - и передай ее другим! Мое время грядет! - невидимый Голос залил все громадное лучащееся светом помещение и проникал, казалось, в саму сердцевину человеческой Души.

- Да, Создатель! Я расскажу им о Тебе! Спасибо Тебе!

Сияющий поток света охватил и окутал Ивана. Он, этот Свет Бога, исходил, казалось, отовсюду - он шел изнутри и сиял вовне. Сияющий поток окутал его в одно мгновение - и ...

“Спаситель! Только у нас! Только для вас!” - ошарашенно прочел Иван красно-сияющие буквы на вывеске какого-то стриптиз клуба.

Калитки больше не было. Шанс был использован. Иной мир вновь жадно протянул к нему свои руки.

- Да, Создатель, я расскажу всем этим спящим о Твоем времени, - твердо решил Иван. - Важнее этого сейчас нет больше ничего.

22.10.2010

Записки Безымянного

Безымянный

- Да, док? Что у вас?

- Новенький. Наши ребята подхватили из ночлежки.

- Униженный и оскорбленный, так сказать?

- Вроде как. Бродил, распевал песни. Под нос свои бредни еще шептал, пока везли то его сюда - думал, поди, что и не слышим вовсе, - ан нет, слышали хренотень его всю, как есть слышали! Ну-с, куда определять то будем, а? Горяченький еще - свеже-схваченный, так сказать.

- А что именно за бредни то хоть? Опять что-нибудь про Конец Света, поди? Ныне у нас этих доморощенных Нострадамусов в наших палатах уже итак навалом.

- Ну ... не совсем про то ... вроде как. Вы знаете, док, я особо-то не прислушивался к его всяческой ахинее - здоровым оставаться, знаете ли, стремлюсь. Но кое-что все же услышал.

- Любопытненько-парнокопытненько! Давайте, валяйте-оголяйте, что ли, правду-матку!

- Ну ... в общем ... говорил он, прежде всего, о том, что вроде как давно он уже здесь живет.

- В ночлежке то той?

- Да нет, в том то и дело-с! На Земле давно живет! Что он, якобы, вроде как почти бессмертен, что ли. Что вновь пришел ко всем нам, так как был позван.

- Позван? Интересно, кем? Уж не своим больным ли воображением, хм?

- Не знаю, кем - он не отвечал. Ну, вот, значит, был позван-с, и не один причем, а вместе с другими - ну, вроде как братьями, или что-то типа того. Призванниками, так сказать. Что они все пришли помочь нам проснуться, потому что время уже близко.

- Время, говорите? Что за время то? Не половина ль двенадцатого уже у нас на часах время, ха-ха?

- Да нет, время вроде как предназначенное, предначертанное.

- А проснуться - это как? Мы с вами вроде итак как не спим, или я уже чего-то не понимаю в этой нашей с вами жизни, м-м-м?

- А леший его знает! Он еще говорил, что мы спим с открытыми глазами, и что таковым, ну ... вроде как туго придется, когда придет это самое время. Что время не будет ждать тех, кто не готов проснуться.

- Любопытненько!

- Москитненько! Блин, док, вы дальше слушайте, чего он вещал то! Говорил он еще, что вспомнил себя, ну, или что ему помогли вспомнить. Что раньше орудовал мечом в боях праведных, а ныне железный меч на меч невидимый словесный заменил, еще острее тьму сердец человеческих разящий. Что он по крупицам собирает жемчужины своих прошлых путей, в грязи мира разбросанные и позабытые ... что-то там про дежавю еще говорил. Что ищет свою семью ... подлинную, настоящую семью, близких по Духу. Что пробудился частично, что желает уже, наконец, окончательно раскрыть полузакрытые вроде как глаза. Что у него много имен и нет одновременно. Что он рождался, умирал и забывал, рождался, умирал и вновь забывал ...

- Амнезия-с?

- Еще под конец говорил, что мир очень скоро изменится ... сильно изменится. Что многие даже не успеют осознать ... осознают - но поздно ... вся грязь всплывет на поверхность и станет видна в приглушенном свете ... что мы должны любить друг друга, ценить жизнь, верить ... я там, знаете, особо не слушал уже потом.

- Ну, правильно-с, что не слушали. Чего их, чокнутых, то слушать! Чтоб здоровыми остаться, надо меньше ...

- Издеваться! Док, вы не дослушали! Он потом, значит, ко мне подошел - ну, когда его уже в машине везли мы с ребятами сюда ... спокойно так подошел, сел, взглянул в глаза ... Док, вы бы видели, что у него было в глазах ... такая смесь грусти и вместе с тем какой-то внутренней радости, умиротворенности что ли, это просто не передать - я в них чуть не утонул в тот миг этот первый, док! А потом он мне в глаза смотреть начал и у меня - слово даю! - вот прямо мурашки по спине побежали как будто - он как будто Душу мою читать как книгу открытую начал, понимаете? Вот прямо такое ощущение и было! А потом еще взял - да и начал рассказывать все о жизни моей, и судьбе, и доле - и что меня гложет, и почему я таким стал, какой я есть ныне, и что пусть я и маленький человек, но и мне роль своя хорошая предназначена ... все рассказал! Я ж даже сказать ничего не мог в тот миг просто от изумления - смотрю в его глаза эти грустные, и рот открытым держу как псих последний!

- Дак вы, коллега, психов то больше слушайте, авось и слюнка то у вас из ротика еще побежит! Ладно, хватит. В шестую палату его определите, рядом со вторым Наполеоном. Там ему самое место - и самое время.

- Время ... да, хм ... самое время.

- Ну, а документы то у него хоть были с собой? Как мне прикажете его записать то по документам у нас?

- А вы знаете, док, что самое странное ..., - и говоривший грустно взглянул на своего ментора, - не было у него документов ... и он ведь так и просил называть себя – Безымянным ...

01.11.2010

В Новом Мире

Когда же это было?

Иногда мне кажется, что все это произошло какие-то минуты назад, хотя с тех пор миновали долгие двадцать лет.

Это не сказка - нет. Это история моей жизни, ее удивительная и незабываемая часть, ее путеводная сверкающая звезда. Начало моего нового пути в мире. Если хотите - солнечное перерождение.

Наша память всегда запечатлевает для нас самые запоминающиеся и удивительные моменты. И сейчас, спустя двадцать лет, я крайне отчетливо помню тот ярчайший почти что месяц. Они, те дни, как на ладони раскрываются передо мной - когда бы я ни пожелал, память повторяет их для меня в ярчайших подробностях - каждый день из нескольких десятков. Иногда мне даже кажется, что какая-то особая память хранит те события ...

Они остались в моем сердце - те дни.

Сейчас я снова вспоминаю эти мгновения, и слезы катятся по моим щекам. Это слезы грусти и слезы радости, друзья мои.

Каждый день и каждый час - как на ладони ...

☆ ☆ ☆

“Джон, тебе уже пора домой! ”, - и встревоженная мать показалась на крыльце.

Но мальчик ее и не слышал - он был далеко. Они вместе с Джимом и Лаурой - девчонкой из того же квартала - плескались в реке. Они зачерпывали своими детскими ладонями пригоршни воды, и что есть силы бросали их друг в друга, обливая сверкающим водяным потоком.

Вот он схватил двумя руками струящуюся воду и швырнул ее в Джима, облив ему лицо. Тогда Джим, до сих пор увлеченный метанием струй в смеющуюся Лауру, как-то приставил руку к воде - и через мгновение целый водяной вихрь охватил его.

Вокруг Джима возник водяной щит. Сам же он крутился в воде и бил по ней руками - и струи летели в разные стороны от него, задевая и правого (кем здесь могла считаться Лаура - ведь не она же, в конце концов, начала на него эту атаку!), так и виноватого - то есть Джона, имевшего неосторожность облить это водного чемпиона Джима и сейчас, обливаемого бесперебойным потоком, уже горько жалевшего об этом своем столь опрометчивом шаге.

Однако этот новый водяной барьер и метаемые струи, казалось, лишь больше воодушевили их всех - они хохотали и обливали друг друга, уже не закрывая лица от несущихся в разные стороны по совершенно непредсказуемым траекториям водных струй, посылаемых той или иной стороной.

Постепенно он вместе с пришедшей ему на помощь против этого Лохнесского чудища Лаурой стал все больше и больше теснить Джима к берегу - струи били в лицо, он уже не видел Джима толком, но продолжал сражаться. Но и Джим не отступал - теперь он успевал метать воду уже и в Лауру, и той доставалось не меньше, чем ему.

Они бились и бились друг с другом, и звонкий ребяческий смех наполнял пространство и раскатывался волнами вокруг.

Они здорово повеселились в тот день. Джима все-таки удалось вытеснить на берег - и они вместе с Лаурой как полноправные победители затем обливали его, уже побежденного и не сопротивляющегося с двух сторон изо всех сил.

Затем они гонялись друг за другом в воде, как стаи кровожадных акул, как сказал все тот же Джим. Тех, кого догоняли, хватали в воде за пятки и тащили на берег. Проще всего получалось догнать Лауру - после того, как ее удавалось схватить за пятки в воде, она, как и положено побежденному, покорно шла на берег и ждала там, пока они гонялись друг за другом. Затем, смеясь, она плыла к ним - и уже догоняла их, изрядно уставших в погоне друг за другом, и ей почти всегда это удавалось. Ну, разумеется, они поддавались ей.

Потом были лесные прогулки и пение птиц в ветвях деревьев. Было утро и они, усевшись на древесные бревна, заворожено слушали птичью трель.

“Наши лесные братья умеют воздавать хвалу свету”, - как сейчас помню эту фразу Лауры.

Были их совместные прятки-ляпы в лесных буреломах и обильных ветвях росших здесь высоких кустарниках. Были спуски с морозных ледяных гор и игра снегом. Было падение в глубокие сугробы и дружелюбный смех стоящих рядом с тобой друзей. Была радость познания столь громадного и удивительного мира, открытого их взорам.

Они - эти трое - еще только входили в жизнь детьми. Они и потом жили ими.

Они ... Они - трое.

Теперь же из них остался только он.

Это было как удар. Нет - это было страшнее.

Как будто тысяча пламенных молотов разом обрушилась на тебя и придавила так, чтобы ты уже не смог даже дышать ... Как будто тебя засасывает какая-та страшная глубина, и ты не можешь ничего сделать ... Как будто тебя разрывает и кромсает на части какая-та неведомая тебе сила ... Как будто ты перестал жить ...

И все же он был - тот день. Десять лет назад - да, именно тогда он узнал о том, что великие друзья его детства и юности, давшие ему так много - Джим и Лаура ... - оба они умерли. Оба покинули этот мир, и он остался в нем без них.

“Без. Них. Без. Них. Один. Один. Один”, - как молотом в висках отбивало его сознание тогда.

“Без ... них”, - бьющиеся в сознании слова, наконец, сложились в жалкое подобие фразы - и он потерял сознание, упав на внезапно приблизившуюся к нему землю.

После он пришел в себя, хоть и не сразу. Еще год он приходил в себя. Это была действительно огромная потеря - потеря, быть может, самого ценного, что подарила ему жизнь.

Но он пережил ее. Справился - справился потому, что не мог не справиться. И потому, что сердце - его сердце - никогда не подводившее его, настойчиво и постоянно с того дня этой потери шептало ему, что эта разлука не вечна. Что они, трое, встретятся вновь под солнцем иного мира, что они встретятся, когда его путь здесь будет завершен и долг - выполнен.

Но это было уже позже, это было спустя многие годы. А тогда они были светлыми детьми - и ничто и никто не омрачало их праздника жизни.

⋆ ⋆ ⋆

Казалось, тот день был самым обычным днем, каких за год для стороннего наблюдателя бывает ровно триста шестьдесят пять. Но это казалось другим - но не ему. Не ему.

Призрак или человек? Я сначала даже думал, что увидел призрака, когда тот осторожно подошел к моему дому и поздоровался со мной. Как будто бы появился из ниоткуда ...

Я приветствовал его, резко приложив правую ладонь к голове и затем отпустив ее - так почему-то часто делали люди в военной форме на парадах, и я тоже решил так попробовать.

“Боец”, - ответил незнакомец и улыбнулся. “Из тебя выйдет истинный боец”, - добавил он.

Он заговорил. Спрашивал о моем квартале и о том, сможет ли он где-нибудь пожить здесь некоторое время, пока ему не “будет пора двигаться дальше” - кажется, так он тогда выразился.

Мы - я и Лаура, как раз в это время прибежавшая к моему дому с тем, чтобы пригласить меня и Джима в субботу на пикник, который собирались устроить ее родители - оба активно включились в разговор с незнакомцем, наперебой тараторя и перебивая друг друга, чтобы дать этому человеку как можно более точную информацию о том, почему ему, например, стоит остановиться в доме у тетушки Жанетты и ни в коем случае не стоит останавливаться в трактире "Ночной всадник".

Так мы узнали, что призрака зовут Ричард. "Ричард,- ответил призрак, - так меня зовут. Одно из любимых мною имен".

Когда мы закончили наши объяснения и оба умолкли, изрядно устав от такой словесной тирады, он улыбнулся и спросил, может ли остановиться у меня в доме.

"А почему вы не хотите остановиться у тетушки Жанетты?", - опередила меня с вопросом Лаура и взглянула на незнакомца испытующим и заинтересованным взором. Ричард-призрак поднял глаза влево-вверх - как будто бы задумался о чем-то. Затем как-то отвел в сторону руки, выставив их ладонями вверх, как бы прося кого-то неведомого о помощи - так продолжалось секунд десять. Затем он встряхнул головой и вновь посмотрел на нас лучистым взглядом - я как сейчас помню этот чудное сверкание его глаз! - и вновь заговорил.

- Решил посмотреть снова, стоит ли мне останавливаться там, где вы мне предложили. Это будет не лучший выбор. Я должен остаться некоторое время с вами.

Мы, конечно, начали наперебой расспрашивать его, почему же именно с нами и как он узнал об этом, на что он ответил: "Вы все узнаете в свое время. Когда вы вырастете, вы все поймете".

"Воины", - добавил он и улыбнулся. "Не бойся, Джон, и ты не бойся, Лаура. Я не причиню вам вреда. Воины добра сражаются вместе - плечом к плечу - а не друг против друга".

Но ... но я не говорил ему своего имени! И Лаура не говорила тоже! Как же он мог узнать их?

По лицу Лауры я увидел, что она тоже находится в растерянности. "А как вы ...", - начала было она - и внезапно передумала, не закончив фразу.

Незнакомец повернулся к ней и улыбнулся.

- Хочешь спросить, как я узнал твое и Джона имя? Нет, я не выспрашивал людей о вас - это мне не требуется. Вы получите ответ и на этот вопрос, когда подрастете. Вам многое откроется в свое время.

Больше он не сказал по этому вопросу ни слова, и мы не стали его расспрашивать.

“Я так понимаю, требуется согласие ваших родителей на то, чтобы я пожил с вами?” - и он взглянул на нас. “Ну, разумеется”, - вновь добавил он через пять или десять секунд. “Я достойно оплачу свое проживание, и не буду мешать вам в вашей повседневной жизни. Впрочем, если вам - он посмотрел на меня и на Лауру - потребуется помощь - вы всегда можете обратиться ко мне, пока я буду с вами. Я буду здесь примерно месяц, а потом мне потребуется идти дальше, ибо мой путь зовет меня. Спросите своих родителей и решите вместе, примите ли вы меня - и кто из ваших родителей примет меня. Я приду завтра днем. Удачи вам, воины”, - и с этими словами он порывисто встал, взмахнул нам рукой на прощание и, казалось, также внезапно растаял за горизонтом, как и появился, оставив нас в чувстве недоумения и в то же время пришедшей откуда-то светлой радости и предчувствия счастья.

По крайней мере, такое чувство осталось у меня - но и у Лауры, похоже, тоже.

- Ну и что будем делать? Тебе не показался этот человек ... странным? - и Лаура посмотрела на меня.

- Странным? Да, верно ... какой-то он странный ... но я почему-то доверяю ему. Не знаю. Я доверяю ему и верю - ответил я.

- И я тоже. Я только хотела узнать, что ты чувствуешь. Правда, не думаю, что мои родители разрешат ему жить с нами - слишком уж они настороженно относятся к незнакомцам, даже к ... таким как он ... - и Лаура вздохнула. Но твои-то почти точно разрешат! Вам ведь сейчас нужны деньги и они воспользуются любой пришедшей возможностью.

- Да, мои наверно разрешат. Он будет жить с нами ... он будет жить с нами ... месяц - сказал я. Месяц ... “Почему же так мало, месяц?!”, - внезапно вырвалось у меня, и я поспешно прикрыл рот рукой. Что за мысли? Странно.

- Ну ладно. Я приду завтра вечером, и ты мне расскажешь о нем. Он такой загадочный ... - Лаура одарила меня своей улыбкой, встала с места, махнула рукой на прощание - совсем как тот незнакомец - и побежала к своему дому. Ее силуэт постепенно удалялся, как будто тая в этой утренней дымке - и вскоре совсем исчез из виду.

“Значит, завтра. Значит, месяц. Что ж, пусть будет так”, - не помню, откуда пришли тогда ко мне эти мысли, но в них была необычайная сила и какое-то внутреннее согласие.

Мои родители действительно разрешили незнакомцу жить с нами.

Так начался тот чудный и незабываемый месяц моей жизни, оставшийся в моем сердце, оставшийся - навсегда.

☆ ☆ ☆

Он был полон загадок, этот Ричард, и был очень добр - и мы с Лаурой, Джимом (такое событие мы не могли от него скрыть, и он тоже стал наведываться ко мне в дом, чтобы еще и еще раз встретиться с нашим новым жильцом) вскоре все трое полюбили его. Я как сейчас помню наши беседы с ним, его лучащиеся солнечные глаза и ровный, спокойный и исполненный внутренней силы голос ...

“Ты спрашиваешь, откуда я пришел к вам? Из мира - из миров. Их мириады - мириады неповторимых удивительных миров. Ваша жизнь - в беспредельности. Надо только устремиться к познанию и красоте. И этот мир - вы можете и его сделать цветущим садом. Понимаешь? Можете! Это все в ваших силах ...”.

“Сейчас ты живешь по жизни ребенком, ты замечаешь и видишь многое - чего не видят уже большинство взрослых людей - много прекрасного. Ты живешь в живом мире. Для тебя нов каждый день, и для тебя чудесен - каждый день. Это справедливо и это верно, это прекрасное восприятие жизни. Другим надо учиться такому восприятию. Тем, кто забыл, что такое возможно - надо просто напомнить. Ваша радость жизни и любовь - твоя и твоих друзей - она как бы ключ к миру. Она откроет все врата перед вами, она проведет вас над пропастями и даст вам прекрасные крылья для полета”.

“Да, именно радость заповедана людям. Люди могли бы жить в радости, если бы сами не ввели себя в круг страданий. Я не знаю, почему они сделали этот выбор - но многие его все же сделали. О какой радости я говорю? Но ведь ты уже испытывал ее! Когда вы вместе с друзьями играли и резвились - вы радовались живой жизни. Когда вы с интересом изучаете окружающий вас мир - это радость познания мира. Когда ты трудишься - это радость труда. Когда ты любишь и даришь любовь свою ближним - это радость и восторг любви и отдачи. Странно, что некоторые потеряли эту чудесную нить - но это значит, что им надо снова отыскать ее. Сердце растопить свое им надо! Люди страстно желают быть счастливыми - и не делают ничего, чтобы быть ими. Для некоторых каждый день - как однообразный туманный образ и жизнь их бывает также полна тумана. Но в тумане легко заблудиться и потерять путеводную нить - поэтому надо, чтобы сердце сияло любовью и радостью - и тогда никакой туман не покроет это пламенное сердце! “

“Дойдет тот, кто движется - я знаю, ты уже слышал эти слова - и это так и есть. Нельзя сидеть на месте, в сотый раз перегребая рухлядь своих предрассудков и ненужных и неполезных привычек. Двигаться надо, устремляться надо! Вдохновение нужно людям - но многие думают, что оно приходит только в каких-то исключительных случаях. Но оно всегда рядом с нами - лишь руку протянуть. Лишь начать трудиться с добрыми мыслями - и вдохновение будет твоим верным преданным спутником на твоем пути”.

“Как я узнал твое имя? А как животные чувствуют страх? Как люди чувствуют взгляд? Как чувствуется атмосфера дома, в котором они находятся? Конечно, не все обладают этой чувствительностью - но они сами своими предрассудками закрывают себе путь. Но даже те, кто обладают, обычно считают это чем-то вроде искусственного самовнушения. Предельно четко и ясно чувствуют некоторые - и все-таки не верят! Отмахиваются, отнекиваются, в то время как могли бы изучать эти явления. Но люди с таким трудом признают все, что поднимает их существо и их представление о себе, поэтому многим показаний очевидцев недостаточно - они судят по своему существу о вещах в мире. Но наука может подтвердить это - и ваша наука должна, наконец, уделить этому внимание. Ваша наука уже изучила немало законов физического мира - но теперь пора изучать законы мира духовного. Собственно, вам так давно было сказано о главных из них - много-много столетий назад, но для многих они остались грамотой на бумаге, которую они уважают, но не соблюдают”.

“Что это за законы? Что же вам говорилось? Люби ближнего, умей найти радость в любом труде, умей быть мужественным, учись нести свет в мир. Простые слова. Огромный смысл и мудрость - и знание тоже. Сколько же людей каждый день помнят об этом и живут так?”.

“Кто я? Ведь первый раз, когда я пришел к вам, ты посчитал меня, наверное, каким-нибудь призраком, верно? Но как видишь, я тоже живой человек. Просто я говорю то, о чем многие еще не знают. Некоторым знавшим и забывшим - напоминаю”.

“Почему я должен буду скоро уйти? Потому что мой путь зовет меня, и я должен идти. Мне еще многое предстоит сделать”.

Такие беседы у нас были по вечерам. Я, Джим и Лаура - все мы вместе собирались перед домашним камином и как завороженные слушали его. Может быть потому, что он говорил правду?

☆ ☆ ☆

Помню, был один день, когда сердце мое билось тревожно. Я не мог найти себе покоя, как будто что-то печальное должно было случиться.

Я шел по нашей улице, когда заметил Лауру и трех взрослых парней, окруживших ее. Затем до меня долетели ее плач и слова - “Пожалуйста, умоляю вас, не надо!”.

Изо всех сил я побежал вперед. Ветер бил в лицо, и картина постепенно открывалась передо мной - трое парней окружили ее, один держал за волосы, а двое других срывали одежду. Они делали это - и не боялись. Никто, никто из редких проходящих людей даже не стал встревать в это, хотя вместе они могли бы остановить это насилие.

С разбегу я набросился на одного из них и повалил на спину - стал молотить кулаками, не глядя.

Желание защитить Лауру настолько сильно загорелось в моей груди, что я уже не чувствовал боли, когда двое других оторвались от плачущей Лауры и схватили меня. Я не чувствовал боли, когда один из них схватил меня за волосы, другой за куртку так, что я уже не мог пошевельнуться. Я не чувствовал боли, когда меня стали бить кулаками в грудь. Я не чувствовал боли, когда упал на землю и меня стали пинать ногами.

Я не чувствовал боли тогда. Боль пришла потом.

Маленькая струйка крови текла из разбитого носа и губ, оставляя вязкий красный след на тротуаре.

Трое парней гоготали и раздевали плачущую и умоляющую их не делать этого девушку - умоляющую напрасно. Не знаю, сколько прошло времени - я не помню. Но вот последующее я помню предельно ясно.

“Вы сейчас оставите ее и уберетесь прочь. Немедленно! ”- до боли знакомый и сейчас уже какой-то предельно каменно-твердый голос раздался в пространстве.

Еле ворочая головой, я все-таки сумел повернуть ее и увидел стоящего рядом со мной Ричарда. Не таким, совсем не таким был его голос, когда он говорил с нами - сейчас он был каким-то жестким и также исполненным огромной силы. Я плохо помню те мгновения - глаза застилал какой-то красный туман - но многое все же помню ...

При его словах парни оторвались от плачущей и стонущей Лауры и повернулись к нему.

“Немедленно! ”, - повторил он и сделал еще несколько шагов вперед.

“Ну, вот еще! Кто ты тут такой-то!”, - крикнул один из них - но в его словах уже не было той вызывающей смелости беззаконности и той уверенности, что была прежде.

“Я сказал немедленно! Здесь не будет повторений. Можете убираться прочь, я вас не трону - вы сами создали себе не лучшие следствия своим поступком. Но сейчас вы уберетесь прочь!”

“А ты попробуй нас выгнать, козел!”, - уже явно бравируя, крикнул все тот же парень.

Тогда Ричард шагнул вперед, резко вскинул правую руку вверх - в это мгновение, казалось, огненный клинок сверкнул на мгновение в его руке - или, быть может, мое помутненное сознание уже начало сводить меня с ума? - и он выставил руку вперед. “Сейчас же! ”- повторил он.

“Да чего же вы боитесь его! Нас же трое, а он один!”, - прокричал все тот же заводила и, видимо решив дать пример своим союзникам, резко рванулся в сторону Ричарда, выставив вперед свои кулаки.

Он налетел на Ричарда со всей силы - такой напор должен был просто повалить его на землю.

Мне показалось, что как будто в тот момент их столкновения что-то вспыхнуло вокруг Ричарда ... как бы то ни было, я ясно видел, как налетевший на него насильник как будто бы столкнулся с каменной стеной. Он просто врезался в него и отлетел на шаг - а Ричард даже не шелохнулся, совсем - не шелохнулся. Ни на йоту. Насильник же упал на землю, застонал и затем затих.

Двое других парней, итак изрядно напуганных его появлением, бросили Лауру и со всей доступной им скоростью побежали прочь. Их не преследовали.

Я не помню, что было дальше.

Очнулся я уже у себя дома - и боли уже не чувствовалось.

Я встал и вскоре нашел Ричарда. Он молча сидел у камина - казалось, он дремал, глаза его были закрыты. Я не стал тревожить его, а пошел искать Лауру - я нашел ее в соседней комнате на кровати - спящую. Раны ее были перевязаны, и на ней была новая, не порванная, одежда.

Помнится, меня потом снова сморил сон.

Когда я вновь проснулся, Лаура и Ричард были уже на ногах. Они сидели рядом с моей кроватью.

“А, проснулся”, - сказал Ричард и улыбнулся. “Вставай, воин. Раны твои зажили и ты вновь готов встать в строй. Тебе нужно будет сделать это перед наступающей эпохой испытаний”.

“Я ... я не чувствую боли ... совсем. Как я так быстро поправился?”

“Да, и Лаура тоже не чувствует. Боли больше нет. Я исцелил вас, но это далось мне нелегко - однако теперь я уже отдохнул”.

“Как же ты ...?” - начала было Лаура, но Ричард поднял руку, как бы призывая к молчанию, и сказал - “После вопросы, после, сейчас вам еще нужен отдых. Отдыхайте, воины со львиными сердцами” - и он вышел из комнаты.

⋆ ⋆ ⋆

Потом вновь были наши с ним беседы. Было еще много-много радостных дней.

Это были незабываемые дни. Может, одни из лучших в наших жизнях.

А потом он ушел - и мы остались одни. В очередное утро он встал, и сказал мне, что сегодня ему пора идти.

“Куда?” - спросил я.

“По пути, который я выбрал”, - были его слова.

Я заплакал. Я заплакал тогда, когда он сказал, что уходит от нас.

Он улыбнулся и сказал: “Не плачь, мы расстаемся не навечно. Быть может, мы еще встретимся. Прощай, воин, и помни о днях грядущих испытаний! ” - он вновь привычно махнул рукой и направил свои шаги в свой раскрывающийся путь.

Мы стояли плечом к плечу - я, Джон, Джим и Лаура. Я провожал его грустным и полным надежды взглядом.

Лаура опустила голову. “Прощай”, - тихо прошептала она.

“Он еще вернется”, - сказал Джим. “Мы еще встретимся с ним”.

⭐ ⭐ ⭐

Я очнулся от воспоминаний.

Как сейчас помню тот чудесный месяц - и последующие годы жизни, что сопровождали его.

Я так и не встретил больше этого человека. Иногда я даже начинаю сомневаться - человек ли он?

Кто он? Мудрец? Пророк? Просто человек, согласно его словам, пришедший в этот мир напомнить людям об их долге и показать светлый путь?

Я не знаю. Но я знаю одно - его слова дали мне жизнь. Он показал мне чудесный мир, в котором мы, - мы, люди! - можем жить. Если мы выберем и захотим, если мы не будем сидеть на месте, перебирая рухлядь собственных предрассудков, а будем двигаться вперед. Если мы будем любить. Если будем радостны.

Да, да, да! Он показал мне Новый Мир - мир Жизни. Он указал на доступные человеку удивительные возможности.

Захотим ли мы жить светло? Это выбор каждого человека. Я не могу сделать этот выбор за каждого. Каждый сам, рано или поздно, но неизбежно - сделает свой выбор.

Но я сделал свой выбор, и я отвечаю прекрасному - да!

Я отвечаю красоте - да!

Я отвечаю любви - да!

Я отвечаю радости - да!

И Новому Миру я отвечаю - да!

08.01.2005

Голоса

- К нам заходи, мы врагов победим! Всех их замочишь желаньем одним! Вшей тех подавишь своей ты пятой! Стой, ты куда?! Возвратись! Стой, стой, стой! - кричал первый Голос.

- Власть! Всласть! Все будет в масть! Не даст пропасть! Желай упасть! - заливался в истошном визге второй.

- Девчонка чудная у нас, и тельце даст она на час! Ее ты хочешь, милый мой? Куда же ты?! Постой, постой! - кричал вдогонку третий.

- Наши бумажки лучше девчашки! Бабы те шлюхи и все оборвашки! Лучше ты злато все наше прими, совести голос тот странный уйми. Сможешь купить в мире все, что желаешь! Ты это знаешь? Ведь ты ж это знаешь?! - раскатисто гоготал четвертый.

- Бойся! Мы здесь! Мы тебя все пожрем! Нам все равно, ведь однажды помрем! Страшно тебе все ж должно бы уж стать - так, чтоб забился лицом под кровать! Что, не боишься? Да как ты посмел?! Я ж уже суток так десять не ел! - завывал раскатами грома пятый.

- Ненависть, злоба ... такие дела! Милый мой раб, я тебя так ждала! Ниже спустись ты скорее ко мне - здесь так темно и приятно на дне! Ненависть, злоба - отличный клинок! Ну же, спустись, ты же так одинок! - пытался ласкать слух шестой.

- К нам! Сюда! Смотри! Скорей! Стой, куда?! Вот дуралей! - заверещали они все разом так, что эти голоса слились в один какой-то неописуемый хаотический диссонанс.

- Видишь, как надрываются внизу? Они так всем кричать пытаются - пешим в том числе. Особенно пешим, если быть точнее. Голодные они, - мой белоснежный Напарник по Небу улыбнулся и указал рукой вниз, где где-то далеко на земле под нами проплывали пейзажи расщелин с периодически извергающимися оттуда языками пламени.

- Тут бывают и пешие? - вопросил я.

- Бывают и ползающие. Таких как правило очень быстро настигают и, хм, того ... хрум-хрум в общем.

- Сурово.

- Ну, дак ... - Напарник печально улыбнулся. - Ползать то зачем? Особенно в такое время ...

- Кстати, сколько у нас с тобой времени? - парировал я. - Напарник глянул куда-то вверх на пару секунд, затем повернулся ко мне и ответил.

- Время каждого сделано так, что его всегда достаточно, при должных усердиях. А у людей в целом - очень мало, - добавил он спустя некоторое время.

- А что делать с ними? - вопросил я Его, указывая на расстилающуюся внизу Бездну.

- С голосами? Не обращай внимания. Повоют и замолчат. Чем выше взлетишь - тем меньше будешь их слышать.

- Далеко нам с тобой еще? - вопросительно посмотрел я на своего Проводника.

- В-о-о-о-н ту звезду в вышине видишь? - и Ангел указал на показавшуюся на горизонте сияющую точку.

- Едва заметил, - ответил я. - Но направление движения вроде понятно.

- Ну, вот и отлично, - и Ангел улыбнулся. Тогда вперед к Небу - так сказать, на всех крыльях!

- Вперед! - ответил я и улыбнулся ему в ответ. - Вместе с тобой и с Богом!

04.11.2010

Каково все это?

Каково это - чувствовать, что то самое дорогое, что ты искал всю свою жизнь - все свои жизни - ты наконец-то нашел?

Каково это - встретиться с Ним один на один после такого количества земных лет?

Каково это - чувствовать Его бесконечную любовь, изливаемую на нас, и видеть людей, по-прежнему ненавидящих друг друга?

Каково это - ощущать себя Его воином, фехтующим невидимым клинком Слова?

Каково это - знать, что Он всегда рядом ... только руку протянуть?

Каково это - чувствовать стоящих рядом с тобой таких же Его воинов и видеть, как Он улыбается всем вам?

Каково это - узнать о своем прошлом пути - своих прошлых путях - и видеть вновь раскрывающийся перед тобой новый?

Каково это - знать о своем бессмертии, и вновь и вновь возрождаться из пепла подобно Фениксу в каждом новом земном пути?

Каково это - ощущать помогающих тебе высших светлых воинов Бога - и слышать тихий шепот Небес?

Каково это - ощущать в себе дыхание Вселенной и чувствовать биение Ее сердца?

Каково это - впитывать пронизывающий тебя Свет иного мира, чтобы придавать ему все новые и новые формы?

Каково это - слышать слова благодарности из Первых Уст?

Каково это - принимать предназначенный тебе Богом путь добровольно и радоваться всей его красоте?

Каково это - вкладывать свою любовь в эти слова, предназначенные для пробуждающихся к ней человеческих сердец?

Каково это - зажигать человеческие Души и возрождать их к новой жизни?

Каково это - видеть в собственных снах сужденный всем нам Новый мир, и просыпаться в поту от грубых прикосновений старого?

Каково это - наблюдать, как многолетние проблемы и накопленные за годы жизненные сложности растворяются в одно краткое земное мгновение, унесенные ветром перемен, как если бы их никогда не существовало ранее?

Каково это - по-настоящему любить этот мир, несмотря на все искажения, внесенные в него своенравным человеческим умом?

Каково это - знать, что ждет многих из вас и с грустью в глазах наблюдать вас идущими к пропасти?

Каково это - продолжать шептать об этом всем тем, кто все еще слышит?

Каково это - идти плечом к плечу вместе с теми, кто, подобно тебе самому, знает и ощущает все это?

О люди, если бы вы только знали, каково все это ...

27.10.2010

Монолог с ребенком

Привет.

Прости, что я не говорил с тобой уже очень давно. Долго, слишком долго, непозволительно долго я был занят вещами, которые казались мне единственно важными, единственно стоящими внимания. И в этой гонке, в этой нескончаемой немыслимой беготне я почти забыл про тебя, почти покинул. У меня не осталось времени даже чтобы поговорить.

Я знаю, я всегда знал, как это важно для тебя - ощущать, что ты не забыт, что ты нужен кому-то. Что где-то какой-то человек ждет тебя, ждет твоего возвращения. Что он радостно примет тебя в свои объятья, когда ты вновь окажешься на пороге его дома.

И вот теперь ты вернулся.

Ты путешествовал нехожеными тропами и неизведанными путями так долго - а этот мир так полон опасностей. Но нет - ты миновал их все, миновал играючи - так легко, как будто знание о том, как обходить их было с тобой всегда, с самого твоего рождения ... как будто для тебя они были вовсе не препятствиями, сулящими опасность - но какой-то загадочной, удивительной игрой ... и ты искренне ею наслаждался.

Прости меня, что тебе пришлось стучать в мою дверь несколько раз - прости, что не услышал тебя с первого. Я уже почти перестал верить в твое возвращение.

Ты знаешь, я много думал о тебе с того самого момента, когда ты ушел от меня. Гнев, ненависть, злоба, тоска, отчаяние - все они сменяли друг друга как в калейдоскопе. Все они ниспроверглись на меня холодным ледяным потоком, лишая сил и тепла.

Да, были и счастливые моменты - маленькие искорки, отлетевшие от неведомого костра, и на мгновение мелькнувшие перед глазами, перед тем как снова раствориться в небытие. Я даже сумел быть счастливым все годы твоего отсутствия - но по-настоящему счастлив я стал только теперь, когда ты вернулся. Как будто я вновь нашел то, что искал всю жизнь ... что-то самое-самое важное ...

И раз ты вернулся - значит простил.

Подойди же ближе, дай мне обнять тебя. Ты изменился ... теперь ты совсем другой. Теперь мы оба уже не те, что были прежде.

Ты возмужал ... стал сильнее. Воистину, жизнь в этом мире многому научила тебя - хотя чему можно научить волшебника, способного преображать мир?

Подойди же, не стой у порога - ведь это наш общий дом. Теперь он всегда будет таким. Теперь мы снова будем вместе, опять вместе - как когда-то совсем давно, неисчислимые годы назад.

Мы вновь будем вместе, потому что мы с тобой одно. Я и Ты. Ты и Я.

Я - человек ... и Ты - вечный ребенок в моей Душе ...

01.09.2006

Однажды ты проснешься ...

Однажды ты проснешься, и твой мир умрет для тебя навсегда. Он растает в лучах утреннего солнца нового дня, он исчезнет, как исчезают ночные осенние туманы, он испарится, как высыхают былые слезы на чьем-то лице. Его больше не станет - как если бы его никогда и не было.

Ты не почувствуешь этого, ты не сможешь осознать, что же именно изменилось в тебе ... что еще вчера было так - а сегодня стало иначе. Но привычного тебе старого мира уже больше не будет никогда.

Что-то изменится в тебе, что-то совершенно неуловимое и столь скрытое ... дремавшее ... в тебе до этого. Что-то повернется внутри тебя, что-то столь древнее, как стара сама Вселенная ... Что-то сумеет выйти наружу - и ты не узнаешь свой новый мир.

Ты подойдешь к окну - откроешь и выглянешь в него ... увидишь это разукрасившее небеса восходящее солнце; осознаешь, как свежий забившийся в открытое окно ветер колышет твои волосы и щекочет твое лицо; почувствуешь принесенную им с собой из неведомых далей влагу на своей коже; услышишь, как забавно бибикают внизу машины людей, отъезжающих раньше других на работу; увидишь, как эти забавные человечки бегают внизу, вечно пытаясь куда-то не опоздать; заметишь, как какая-то птица стремительно пронеслась перед твоим окном в этот мир; и поразишься, как же раньше ты не замечал всего этого.

Ты не поймешь. С этих пор это станет для тебя почти неразрешимым вопросом - как можно было раньше не ощущать, не чувствовать всего этого ... как можно было жить почти вслепую.

Ты не сможешь понять. Ты не сможешь понять, зачем ты вообще когда-то жил по-другому, почему та переливающая через край гамма чувств, что заполнит тебя в эти мгновения, - почему она была недоступна тебе раньше и каким-то чудесным образом стала доступна сейчас ... только руку протянуть.

Это станет для тебя вечной загадкой твоей жизни, которую не захочешь разгадывать и ты сам - потому как это отныне будет уже не нужно. Потому что в эти самые мгновения твоего старого мира уже не будет.

Ты не сможешь сказать, откуда в тебе появилось это величайшее чувство уважения к миру, в котором ты имеешь счастье жить, и ко всему живому в нем ... Ты не будешь знать, куда внезапно канули твои вечные тревоги и куда ушла твоя печаль.

Куда подевалось желание бороться за одну тебе ведомую справедливость и откуда пришло чувство абсолютной внутренней умиротворенности и приятия всего, что происходит с тобой?

Куда исчезло столь долго пестуемое тобой чувство ценности собственной личности и почему оно внезапно оказалось смыто возникшим океаном любви к другим?

Почему тебе уже не хочется чего-то кому-то доказывать, спорить с кем-то, приводить умные и глупые доводы “за” и “против”, - а вместо этого ты готов просто смотреть на эти споры между другими и улыбаться их детскости?

Как, зачем, почему, для чего твои столь важные ранее собственные интересы как-то забылись и стерлись, как будто никогда и не существовали, зачем на их место пришло единственное желание - видеть этот мир красивым, таким, каким ты видишь его сейчас?

Почему другие взрослые и солидные люди внезапно стали казаться тебе маленькими детьми, сражающимися в собственных возведенных песочницах друг с другом - и иногда даже столь забавно усердно и старательно кидающими друг в друга песком ... а иногда и утирающими полное слез лицо собственными милыми маленькими ладошками?

Куда ушел весь твой прошлый гнев, и почему теперь ты вдруг здороваешься и жмешь руки своих бывших извечных врагов - а Душа твоя ликует, видя, как вытягиваются их лица, когда ты приветливо улыбаешься им и протягиваешь свою руку?

Почему сейчас ты подходишь к постели, где еще спит любимый тобой человек, зачем садишься рядом с ним на край, зачем склоняешь свою голову и целуешь его, а потом прислоняешь свою голову к его голове ... откуда же в тебе взялась эта переполняющая тебя нежность?

Зачем, зачем тебе все это? Зачем ушел твой старый мир?

Мимолетный страх пронзит тебя. Ты испугаешься того, что произошло с тобой. Ты не будешь знать, как тебе теперь жить с этим новым чувством. Тебе страстно захочется вернуться назад, к столь привычной для тебя жизни - столь разумной и обоснованной. Разум будет твердить тебе, что ты еще не успел сделать столь многого - не успел построить дом, не успел сделать карьеру, не успел то, не успел это, - а если примешь свой новый мир, то уже не сможешь этого сделать ... просто не увидишь в этом смысла. И тебе очень захочется прислушаться к нему, ведь он уже столько раз выручал тебя в этой жизни - и ты почти сделаешь это ...

Но потом ты вновь внезапно вспомнишь, как тебе светило солнце - впервые удивительно красивое за все это множество лет, как ветер трепал твои волосы, как ты чувствовал осеннюю влагу на своих губах, как видел кружащийся лиственный хоровод, и как любовь к миру переполняла тебя ... и ты отбросишь эти дерзкие попытки ума испортить эту красоту - потому что не захочешь терять ее уже никогда.

Потом будет много лет - но все они будут иными.

Твоя сонная жизнь кончится - и уже не возобновится вновь. Ты сумеешь увидеть этот мир таким, каким он был всегда для тех, кто видел - и каким он отныне стал для тебя.

Будут и взлеты, и падения, и успехи, и неудачи, и радость, и горе - но все они будут иными. Все они станут отражением того прекрасного нового мира, в котором ты однажды - в тот до сих пор памятный день - оказался, и в котором теперь живешь.

Просто ... просто то, что дремало в тебе столь долго, однажды выйдет на свет.

Просто потому что однажды ты проснешься ...

08.03.2006

Отрицательный автопортрет

Я не пассивен - просто я тщательно выбираю цели.

Я не морализатор - я верю в торжество людского разума.

Я не агрессивен - просто с неразумными по-другому невозможно.

Я не романтик - просто я люблю жизнь.

Я не тихоня - просто одному в комнате кричать бесполезно.

Я не одинок - просто я не часть толпы.

Я не лжив - просто я говорю не всю правду.

Я не скрытен - я просто не эгоцентрик.

Я не жесток - просто иногда требуется быть сильным.

Я не беззащитен - просто иногда приходится притворяться слабым.

Я не глуп - просто иногда приходится отбрасывать разум.

Я не беспокоен - просто жизнь требует движения.

Я не угрюм - просто иногда бываю таким же нормальным.

Я не робок - просто иногда перехватывает дух.

Я не эгоист - просто и о себе иногда приходится думать.

Я не пессимист - просто иногда забываю быть счастливым.

Я не раб - просто порой приходится работать и для других.

Я не враг - просто кому-то порой очень хочется воевать.

Я не друг - просто кому-то порой очень хочется найти себе союзников в войне.

Я не молчалив - просто я тщательно подбираю слова.

Я не циник - просто иногда называю вещи своими именами.

Я не бесчувственен - просто иногда приходится закрываться от праздно любопытствующих.

Я не безумен - просто не всегда соответствую ожиданиям.

Я не безучастен - просто не всякие слезы являются подлинными.

Я не нахален - просто временами приходится быть собственником.

Я не беспомощен - просто иногда приятно плыть по течению.

Я не занудлив - просто до некоторых с первого раза не доходит.

Я не высокомерен - просто не каждый способен понять мой язык.

Я не воин - просто иногда приходится сражаться.

Я не герой - просто времена такие.

29.06.2008

- Тебе предстоит нелегкий путь. Эта планета балансирует на грани - и судьба ее находится на чаши весов Вселенной. Дальше - либо жизнь, либо гибель. Но они должны будут выбрать это сами. Каждый из них должен будет сделать свой выбор.

- Что я должен буду делать, Учитель?

- Ты будешь одним из воинов, пришедших в их мир. Тебе придется сражаться, тебе придется бороться с несправедливостью, тебе придется огорчаться их несовершенству. Но помни - этот мир находится на грани - нельзя добавлять в него хаотических проявлений. Ты должен будешь помочь им осознать их пути - помочь тебя услышавшим найти пути к их светлой стезе, что всегда ждала и ждет их. Уснувших - разбудить, унылых - приободрить, радостным дать новые силы для сотворения добра. Лишь помни, что ты не сможешь воскресить мертвых - для них уже нет ни этого мира, ни иных.

Ты будешь одним из многих других, которые будут посланы в этот мир - ты встретишь их в своей жизни. Вы можете объединить силы - так вам будет легче идти. Ты легко узнаешь их - твое чуткое сердце тебя не обманет. Когда на эту планету будет принесено знание о чудесных возможностях духа, когда станут очевидными последствия самых разнообразных духовных побуждений - тогда планета преобразится - так, как и было заповедано. Но помни, для этого вам всем придется сражаться, - сражаться против невежества и жестокости, которые продолжают заливать эту планету. Вам придется сражаться - в том числе и услышавшим тебя, в том числе и проснувшимся. Им будет необходимо это понять.

- Знают ли они о том, в какое время живут и о том, что им следует делать, чтобы не допустить уничтожения их космического дома?

- Нет. Лишь единицы знают об этом - те, что были посланы Нами или же пришли к Нам сами в процессе своих духовных исканий. Остальные бродят в собственных иллюзиях, либо же закрываются стенами отрицания - и это еще одна причина того, почему необходимо вмешательство.

- Есть ли название в их истории мира, которое было дано этому этапу планеты, когда признаки его приближения уже стали очевидны?

- Да. Его называют - Армагеддон.

- Как называется эта планета?

- Ее жители называют ее - “Земля”.

- Я понял, Учитель. Я готов принять свой Путь.

- Мы встретим тебя, когда ты вернешься. Помни о Нас, и помни о них. Планета должна выжить.

- Я готов.

- В путь, воин!

Вспышка лучистого сияющего света. Светоносный дух, окутанный его лучами, как покрывалом.

Еще мгновение - новый ослепительный поток света окутывает его - и он исчезает в нем.

☆ ☆ ☆

Последнее усилие матери - и ребенок появился на свет. Его тут же подхватила пара заботливых рук, укутала в простыню и понесла мыться. Прошло всего лишь несколько минут - и вот ребенка снова принесли матери.

Женщина с заплаканным и счастливым лицом прижимает ребенка к себе, что-то тихо и ласково нашептывая себе под нос ...

☆ ☆ ☆

- Ты решила, как мы назовем его? Нужно дать ему достойное имя, нашему сынишке.

- Да, я придумала для него имя. Мы назовем его - Христиан.

- Интересно. Почему же ты выбрала для него такое имя?

- Я ... я не знаю ... просто ... просто мне как будто кто-то подсказал, как его назвать, когда он появился. Мне нравится это имя. Давай мы назовем его Христиан, хорошо?

- Хорошо. Мне кажется, это неплохое имя. Пусть будет Христиан.

☆ ☆ ☆

- Ну, ты там, трус! Штанишки намочил что ли от страха?! Иди-иди сюда, маменькин сыночек! Тоже мне помощник нашелся! Это моя девчонка и ты не будешь прикасаться к ней! Никакой ей помощи от тебя ей не надо! Ты меня хорошо понял?!

И мальчугана схватили за грудки и сильно тряхнули.

- Ты меня понял или нет, я спрашиваю?! Чего молчишь, козел?!

Еще один рывок. Удар в живот. Волны боли, расходящиеся по телу и невозможность сделать даже один-единственный вздох. Вновь занесенная над ним рука ...

- Оставь его.

И занесенную для нового удара руку перехватили.

Атакующий обернулся.

Перед ним стоял мальчик примерно такого же возраста, как и он - лишь ростом он был слегка повыше. Парень, начавший атаку, дернулся и вырвал захваченную руку.

- Ты чего сюда лезешь, а?! Какого фига тебя, гниду, сюда принесло? Да кто ты вообще такой?! Чего ты лезешь в наш разговор?!

- Оставь его. Ты не намерен с ним разговаривать. Ты хочешь просто его покалечить и напугать.

Этот так не вовремя встрявший третий оказался ему здесь совсем не на руку. Да и что очень странно - он совсем не боялся его. Лишь спокойствие читалось в его глазах - но ни капли страха там не было. Он уже научился видеть человеческий страх, он читал его не раз в глазах своих жертв - будь то какой-нибудь трусливый классный отличник или же девочка-недотрога.

Но этот - этот его совсем не боялся ...

- Я повторю. Оставь его. Ты уже достаточно намучил людей - больше этого не будет. Не здесь во всяком случае.

- Чего я сделал?! Что за чушь ты несешь, баран! У нас с ним были разборки - и не твое собачье дело сюда встревать! Этот падла приставал к моей девчонке, к м-о-е-й девчонке - понимаешь?! И теперь он понесет за это наказание!

И он снова приблизился к пареньку, которого недавно бил, намереваясь продолжать драку. Тогда вмешавшийся мальчуган встал между ним и его целью.

- Хорошо. Тогда тебе придется иметь дело со мной.

Атакующий улыбнулся.

- Как пожелаешь, ублюдок!

Он медленно встал. Подошел к испуганно смотрящему на него пареньку и положил ему руку на плечо.

- Не бойся. Больше он тебя не тронет. Теперь ему есть, перед кем ответить.

- С ... спасибо, что ... п ... помог мне.

Толи парень правда еще не отошел от нанесенного ему удара в живот, то ли все-таки продолжал слегка бояться.

- Не надо меня благодарить. Это мой долг. За этим я и пришел.

- А ... ч ... что будет т-т ... теперь с ним?

- С ним-то? Он посмотрел на согнувшегося и ворочавшегося на полу от боли недавнего мучителя. - Тебя он больше не тронет. А так ... отойдет он скоро уже. Тебя не должно это волновать.

- Е … еще раз спасибо з-з ... за помощь. К ...ак тебя зовут и п...почему ты помог м...мне?

- Как мое имя ты спрашиваешь? Христиан меня зовут. А помог я тебе потому, что это мой долг - и потому, что два воина одного стана не бросают друг друга на поле сражения.

И он вновь положил ему руку на плечо и, улыбнувшись, дружески тряхнул его.

⋆ ⋆ ⋆

- Пожалуйста, прекрати злиться. Ты не осознаешь еще все последствия своего состояния, причем не только для тебя, но и для окружающих тебя в эти моменты людей.

- Хватит мне тут тыкать! Это другим ты будешь тыкать, а я тебе в мамы гожусь! И вообще это не твое дело! Как бы ты поступил, если бы какой-то недоносок ограбил тебя?!

- Я говорю “ты” потому, что отношусь к тебе как равный - к равному, как один житель этого мира к другому такому же. Гнев твой напрасен - событие уже позади, это твое прошлое. Вора уже нет. О прошлом можно сожалеть, прошлое можно любить или ненавидеть, но его нельзя поменять. Его нельзя вернуть, чтобы прожить снова - прожить уже, возможно, по-другому. Но каждый миг сейчас становится уже прошлым - и поэтому стоит сделать его таким, чтобы тебе не только не пришлось о нем жалеть, но чтобы оно становилось еще одним источником новых сил для настоящего. Впрочем, жить в прошлом не стоит - для этого есть настоящее.

- Я не понимаю тебя.

- Многие не понимают, к сожалению. И, тем не менее, им придется начать осознавать, где истина, а где ложь, в процессе собственного духовного поиска. Время не ждет. Сроки уже близко.

⋆ ⋆ ⋆

И все-таки здесь было чудно. Несмотря на все нелепости и несоответствия, что своенравный разум жителей этого мира внес сюда, здесь было хорошо. Сама атмосфера этого маленького дома в доме гораздо большем была чиста.

- Ты хочешь исповедаться, сын мой?

- Нет, спасибо тебе - я исповедаюсь лишь перед моим небесным Отцом. И за все свои ошибки я отвечу перед Ним же.

- Так ли уж ты не хочешь? Ведь ты не без грехов, сын мой.

- Да, это так. Но все свои недостатки и глупости, совершенные мной когда-то в разных жизнях - и в этой, возможно, тоже, - я искуплю сам своей жизнью. Просто потому, что это единственный путь и других путей нет.

- Но Бог даровал его служителям право искупать грехи других и прощать их. Прощенные нами прощены и им.

- Не дорого же стоит ваше прощение! Не тридцать ли сребреников стоит оно? Но вы неправильно поняли донесенное до вас писание - если даже на самых ранних этапах оно было частично искажено вашими служителями, то как же можно говорить о полной справедливости его толкования? Во вселенной нет такого закона, который бы позволял одному духу прощать другого за совершенные им поступки и одним махом отменять их следствия. Лишь уже подходящему к концу своего искупления Дух может помочь - но шагает по пути искупления человек сам.

- Ты говоришь ересь, сын мой! Как можешь ты определять, что верно, а что нет, когда у нас существует живое доказательство справедливости всех почитаемых нами законов, данных свыше?

- Вы многое поняли верно, но, к сожалению, не все. Самые короткие и самые важные слова на планете, на планетах, - “Бог”, “Любовь”, “Мир”, “Вечность” - вы все это поняли верно. Любовью живет и движется мир - любовью Бога к своим творениям и его творениям к Нему и себе подобным. Вселенная вечна, как вечны и вы, - вот это, к сожалению, еще не все осознали.

- Вечен лишь Бог, сын мой - мы же все смертны. Лишь праведным служением Ему в данной нам жизни мы можем надеяться достичь жизни вечной.

- Но вы вечны. Как вечен я, как вечен ты, как вечный каждый из вас. Планеты могут рассыпаться в прах, но мы будем. Другое дело, что вы, похоже, всерьез намерились уничтожить эту планету в прах, заодно повторив печальную судьбу цивилизации-предшественницы, для кого этот мир в свое время тоже являлся их космическим домом.

- Это неверно! Грешившие и не раскаявшиеся не живут вечно! Судьба их - геенна огненная и вечные муки!

- Вечные муки за ошибки одной-единственной жизни? За ошибки, совершенные человеком на небольшом отрезке его пути? Конечно, существуют поступки, распространяющие свои следствия на очень-очень многие жизни. Один раз упасть, чтобы потом столетия подниматься - это печально. Многие, однако, предпочитают нырять в такую глубину, откуда потом уже не могут выбраться, - поэтому для них следствия становятся похожими на вечные. Но все же - они не вечны, они могут занимать многие жизни, но не вечны. Но ведь не в вечном согрешении и покаянии состоит смысл жизни! Смысл жизни в творчестве для блага, в помощи ближним, в следовании своим светлым путем во Вселенной - поняли ли вы это? Поняли ли это ваши житейские мудрецы?

- Ты оскверняешь слово Божье! Ты не сможешь больше находиться в этом доме, посвященном ему! У нас есть его слово!

- И это прекрасно. Следуйте путем всего лучшего, дарованного вам. Развивайте это лучшее в себе - лишь так вы можете рассчитывать на продвижение, лишь так вы приблизитесь к вашему Отцу. Помните, каждый из нас - его творение, и каждый из нас - вечен. Мы все Боги - в потенциале. Как его частица, обладающая в зародыше всеми его свойствами, мы можем пройти путь от стадии человека - через сверхчеловека - до стадии проявленного Бога. Но мы можем остаться и на уровне животного - многие столетиями живут так, и незавидна участь подобных. Нам решать - каждому из нас, и это - наш самый главный и самый судьбоносный выбор.

- Довольно! Я не потерплю больше здесь твоего присутствия! Уходи из этого дома нашего Господа!

- Прощайте, отец.

☆ ☆ ☆

Планета - сад? Что за чушь! Я лучше поверю в механизированную планету - железо!

Миром движет любовь? Миром движет физическая сила!

Есть другие обитаемые миры? Но наши аппараты не нашли на доступных нам планетах жизни - все миры пусты! Мы - единственный источник жизни во Вселенной!

Человек может излучать свет? Ты в своем ли уме?! Еще скажи, что пространство полно невидимых зеленых человечков!

Своими мыслями человек может менять окружающий его мир? Угу, щас! Вот руками - руками я могу его поменять, а мысли ... большей чуши на свете я и не слышал!

Я - потенциальный Бог? Я - человек! И не надо мне никаких потенциалов!

Мои чувства создают излучения, влияющие на меня и окружающих? Я несу ответственность за негативные чувства? Вот сейчас я лучше повлияю на тебя, гм, реально - тресну тебя вот этим кулаком по твоей неразумной голове!

Пространство не пусто? Оно наполнено нашим естеством? Ври, да не завирайся! Ученые еще ничего такого не открыли - да этого и просто нет! Что? Смогу ли почувствовать разницу между атмосферой храма и тюрьмы? Конечно, нет! А знаешь почему? Потому что ее нет!

Как человек чувствует взгляд? Что за подмеченная вспыхивающая искра может возникать между двумя людьми? Тут два варианта - либо все это вам кажется, либо у вас действительно больное воображение!

Как Христос исцелял людей? Ну вот, опять сказку про Христа завели! Наслушался я ее в детстве уже достаточно. Довольно!

Армагеддон? Время испытаний? Хватит уже этих сказок для детей, их ими и кормите! Мы взрослые люди и не верим в подобную чепуху!

⋆ ⋆ ⋆

Он стоял, окруженный несколькими десятками своих соратников. Бодрствующими воинами этого мира.

- Мы не отчаемся, и не свернем с нашего пути. Помнишь, как ты помог мне тогда, когда я был еще школьником? Ты помог мне из чистого побуждения. Такая же помощь нужна миру и сейчас.

- Да, Георгий, я помню. Я не забыл. Мы не сдадимся, верно. Мы будем работать.

- Сегодня не удалось, чтобы завтра лишь расцвело прекраснее! Как красиво ты это тогда говорил!

Алиса подошла к нему и улыбнулась.

- Верящий не сдается, знающий принесет знание в мир, чтобы рассеять тьму невежества!

И вновь Павел повторил его слова, сказанные им когда-то.

- Драконы злобы будут побеждены!

- Пусть расцветает духовная радость!

- Каждый новый день пусть будет воистину новым!

Он слышал эти слова, и слезы выступили на его глазах - а ведь он почти никогда не плакал.

Казалось, они все решили сейчас напомнить ему его прошлые годы жизни в этом мире. Они повторяли его слова - каждый из них повторял ставшее самым близким собственному сердцу. Все они подходили к нему и дружески хлопали его по плечу, ободряя. Они - бодрствующие отважные воины этого мира.

- Да, друзья мои. Мы будем продолжать работать. У нас есть выбранный нами путь, и наш долг лежит перед нами. Мы должны помочь людям осознать еще очень многое - но и каждый из них должен сам осознать, где истина, а где ложь. Планета должна выжить. Мы немало сделали, но еще больше нам предстоит сделать.

Наши мечты живут в сердце Вселенной, и я молю моего небесного Отца, чтобы настал тот светлый день, когда сбудутся и они.

11.01.2005

Приговор

- Встать, суд идет!

- Всем встать. Спасибо! Прошу садиться. Объявляю слушание по делу поэта открытым. Хочу напомнить стороне обвинения и защиты, что мы имеем дело с крайне опасным социальным элементом, маскирующимся под чужим именем, и необоснованно утверждающим о начале нам до конца неясных кардинальных изменений всего общественного миропорядка.

- Земного миропорядка, господин судья, - так утверждал обвиняемый.

- Да, благодарю вас, обвинитель, за это уточнение. Всего земного миропорядка. Какая наивность!

- Господин судья, могу ли я начать?

- Да, разумеется. Первым мы выслушаем сторону обвинения. У вас ведь есть, что сказать нам, правда?

- Ну, разумеется, оно имеется! Итак, гхм, прежде всего я прошу обратить внимание присяжных заседателей и всех собравшихся в этом зале на этого самого, с позволения сказать, творческого человека. Посмотрите, какой безумный у него взгляд ... как сверкают его глаза каким-то чудным и странным огнем! А какая неслыханная дерзость - писать о вечной жизни и потенциальном человеческом бессмертии! Мы, ценители и почитатели классической литературы, со школьных лет выучили одну простую истину: доверяй, но проверяй! И вот эта самая проверка его откровенно бредовой писанины не выдерживает никакой критики. С давних пор всему человечеству известно, - и это подтверждается официально зафиксированными на бумаге воззрениями представителей христианской веры, - что человек, как существо, возможно и обладающее некоей Душой, живет одну и только одну жизнь и решительно неспособно к возрождению в новых обличиях. Не будем сейчас принимать во внимание все те нелепости, о которых можно узнать из уст так называемых духовных лидеров Востока, потому что они не выдерживают никакой решительной критики. Где это видано, чтобы человек не умирал, ну скажите мне на милость, господа собравшиеся? Увы, по воле Бога мы все смертны, ведь из праха пришли и в прах возвращаемся. Увы, но таково понятое нами мироустройство - а уж за семь тысяч лет мы, знаете ли, сумели понять его вдоль и поперек! А поскольку человек - существо откровенно и решительно внезапно смертное, то и, простите, писульки о вечной жизни и, как следствие, новом мире, есть просто бред слабоумного! Да стоящий перед вами индивид и есть слабоумный, ведь только подобные могут столь самозабвенно и бескорыстно творить подобный хлам!

Признаю, возможно обвиняемый и обладает некоторым творческим даром, но где гарантия, что это не происки врагов рода человеческого, желающих погубить и уничтожить всю нашу стабильность? Мы не можем допустить подобного непотребства, поскольку его заявления подрывают все основы нашей столь долго воздвигаемой управляемой государственности.

Мало того - они подрывают практически все наши культурные верования, все наши традиции, устои, ритуалы, привычки и предрассудки, в конце концов! Это, господин судья, и я не побоюсь этого слова, просто самый что ни на есть духовный террорист! Это враг всего нашего социума, всех наших идеалов, к которым мы готовили этот самый социум в течение многих лет ... это просто безумец, в конце концов!

Он способен уничтожить всю нашу традицию, всю нашу власть, всю ту стабильность, к которой мы столь долго шли. Да он просто издевается над людьми и морочит им голову всякой туфтой ... да лучше бы они смотрели телевидение, пили и жрали, в конце концов, чем читали эти развращающие сознание стихи! Прошлое невозможно вернуть - и, значит, люди не могут возрождаться, из пепла или из чего-нибудь там подобного, это решительно невозможно, я просто отказываюсь в это поверить, господин судья - и, надеюсь, вы разделяете мои опасения по поводу подобных потенциальных внезапных изменений духовного сознания ведомых нами людей. Оно нам решительно ни к чему, - как ни к чему этому миру и подобные безумцы.

Посмотрите, вы только взгляните, насколько фальшиво-проникновенно обвиняемый сейчас пытается смотреть мне в глаза ... б-р-р-р! У меня просто мурашки бегут по коже, господин судья, - в этом взгляде что-то есть, что-то действительно страшное, - как и в этом человеке. Мы не можем допустить, чтобы он повлиял на умы наших верноподданных, чтобы он извратил их и отвел с праведного пути патриотизма и подлинной веры - той самой православной веры, которую он попирает каждым своим словом, каждым своим намеком, каждым своим призывом к освобождению от духовных оков! Как можно считать себя верующим человеком - и при этом не соблюдать все каноны и ритуалы православной церкви? Как можно утверждать, что Бог никогда не жил в храмах? Как можно отрицать всю нравственную пользу фанатичного патриотизма? Как можно выступать против политики свободного смешения кровей разных народов на всей территории нашего государства без отдачи приоритетов коренному ее населению? Как можно не признавать столь демократически избранную власть, в конце концов? Террорист, это один из самых опасных террористов за всю историю нашего государства!

Все вы видели его работы, и наши психотерапевты недавно также вынесли свое профессиональное заключение: этот человек безумен! И это подтверждается ведущими медиками страны в их официальных заключениях, которые я готов предоставить вашему вниманию, господин судья, и вниманию господ присяжных заседателей. Поэтому я настоятельно прошу вас, господин судья, пресечь дальнейшую пагубную деятельность этого индивида и поместить его туда, где ему и подобает быть - заключить в психиатрическую лечебницу на многие годы вперед, вплоть до того самого дня, когда сам Спаситель, если он, конечно, существует, во плоти Своей и славе Своей спустится в наш мир, дабы помочь нашим праведным Душам выбраться из лона теней без всяких на то усилий с нашей стороны!

Господин судья, я закончил.

- Благодарю вас за столь долгую и трогательную ... я бы даже сказал сердечную ... речь. Я, и, полагаю, все собравшиеся в зале, включая близких родственников обвиняемого, предельно тронуты такой вашей смелостью и прямотой! Ну, а теперь, я думаю, стоит выслушать и сторону защиты, если у нее, конечно, имеется, что сказать собравшимся сегодня в этом зале. Защита, слово предоставляется вам.

- Благодарю вас, господин судья. Вы знаете, я очень люблю свою профессию, и не мне говорить вам, насколько необходимо всем нам порой относиться с человечностью и пониманием друг к другу, пытаясь помочь, но ... вы знаете, господин судья, я думаю, это не тот случай. Я старался, я правда хотел бы быть гуманным и способным сказать что-либо значительное и важное в оправдание подсудимого, но ... у меня не хватает слов, чтобы отныне сделать это. Я ... не вижу достаточных причин для того, чтобы обвиняемого могли хоть как-то помиловать или оправдать. Я, также как и сторона обвинения, считаю необходимым его изоляцию от общества - на как можно более длительный срок. Я сказал.

- Что ж ... благодарю вас. Можете садиться. Имеет ли смысл спрашивать мнение обвиняемого, господин обвинитель?

- Я ... не думаю, что мнение безумца может иметь хоть какой-то смысл для всех нас, господин судья.

- В таком случае суд удаляется для принятия решения.

* * *

- Всем встать! Спасибо. Прошу садиться. Основываясь на показаниях защиты, обвинителей и приняв во внимание мнение присяжных заседателей, суд постановил: признать обвиняемого невменяемым и, как следствие, недееспособным, и принудительно заключить его в психиатрическую больницу сроком как минимум на один год с возможностью дальнейшего его продления по показаниям независимой медэкспертизы. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Прошу эскортировать обвиняемого к месту его дальнейшего пребывания немедленно. И да поможет ему Господь!

* * *

Они хохотали и улюлюкали. Они плевали в лицо. Они откровенно ликовали.

- Ну что, Наполеон всея Руси, попался?

- В шестую палату его!

- Аффтар жжот! Палата ждет!

- Коль пойман - ты псих! Какой клевый стих!

Бригада скорой помощи надела на человека смирительную белую рубашку и тащила его через всю площадь к припаркованной рядом машине, завывающей всеми голосами преисподней. Человек не сопротивлялся - в данный момент это было ни к чему.

Толпа кричала и стремилась наброситься на новоиспеченного арестанта, так что отдельной группе силовиков, сопровождавших медиков, приходилось активно оттеснять особо резвых.

Человек был нужен режиму живьем. Живое свидетельство его победы над собственной совестью и честью.

Еще недавно солнечное небо внезапно стало покрываться тучами. Они ползли и ползли одна за другой откуда-то с горизонта, наплывая одна на другую и закрывая собой небосвод. За какие-нибудь десять-пятнадцать минут оно сделалось практически полностью черным. Вскоре сверкнула первая молния и дождь забарабанил крупными сочными каплями по мостовой.

Буря была почти готова родиться.

Небо выносило каждому живущему свой собственный приговор.

14.01.2011

Я чувствую ...

Я чувствую, что не принадлежу этому миру, хотя это теперь и мой дом.

Я чувствую, что я грешник и святой одновременно - все в одном.

Я чувствую, что оступался и падал ранее, лишь чтобы затем взлететь еще выше.

Я чувствую, что мне нет нужды повторять ошибки прошлого вновь.

Я чувствую, что недавно прошел через очередное испытание ... но еще больше ожидают меня в моем пути впереди.

Я чувствую, что уже испытывал на себе ранее все те простые жизненные наслаждения, о которых мечтают многие - и нашел их ничего не стоящими.

Я чувствую, что я забыл свою подлинную природу и потерял свое прошлое в лабиринте собственных жизней.

Я чувствую, что мог каким-то образом летать ранее, но не могу точно вспомнить время.

Я чувствую, что моя дорога редка - но она будет непростой.

Я чувствую, что множество алмазов моего пути все еще остаются ненайденными.

Я чувствую, что мое желание собственного преображения привело в действие какие-то нити судьбы, и теперь я должен доказать свою ценность перед Мирозданием.

Я чувствую, что Вселенная является постоянно эволюционирующим, живым существом, и все мы связаны между собой невидимыми нитями.

Я чувствую, что должен нырнуть в себя еще глубже, чтобы раскрыть свое прошлое.

Я чувствую, что у меня много лиц ... столько личностей постоянно бурлят во мне, борясь за мое внимание к ним. Я являюсь ими всеми - и в то же время кем-то совершенно иным.

Я чувствую, что я пробудился, но лишь частично. Я перестану существовать как привычное мне “я”, когда посмею окончательно раскрыть все еще закрытые глаза.

Я чувствую, что не смог бы пробудиться даже до такой степени, если бы стал прислушиваться к “житейской мудрости” других людей.

Я чувствую, что знаю основные вехи собственного пути, хотя их подробности до сих пор остаются скрытыми.

Я чувствую, что мои цели верны, но только для меня. Мое эго должно быть уничтожено в ходе собственного пробуждения для того, что новая сущность могла родиться.

Я чувствую, что счастье делает меня легче, и все же я не могу летать.

Я чувствую, что не могу назвать ни одну из стран родиной, и даже Земля не является моим подлинным домом.

Я чувствую, что мне нет необходимости принадлежать к какой-либо организованной группе людей, хотя я и мог бы ... просто, чтобы наслаждаться их изучением.

Я чувствую, что мог говорить ранее на большем количестве языков, хотя сейчас и привязан к двум, один из которых выглядит столь знакомым ... Выучил ли я вновь один из них?

Я чувствую, что иногда могу ощущать эмоции людей, окутывающие меня и невидимые иными.

Я чувствую, что люди еще не знаю о той внутренней силе, которой они обладают, поскольку это знание может быть опасно для них самих.

Я чувствую, что пути нас всех переплетаются удивительным образом, и случайных событий не существует.

Я чувствую, что все мы обладаем определенным творческим потенциалом, но многие из нас предпочли закопать свой дар, дабы выглядеть нормальными.

Я чувствую, что ряду интересных событий, определяющих будущее этого мира, еще предстоит произойти.

Я чувствую, что все мы должны стать лучше, чем мы есть, если хотим выжить.

Я чувствую, что я всегда буду оставаться здесь немного “не в своей тарелке”, хотя и мог бы принять некоторые из тех правил, по которым живут другие ... на всякий случай.

Я чувствую себя теперь подобно ребенку, хоть мой ум по-прежнему взрослый.

Я чувствую, что никогда не перестану искать мудрости, да и не хочу переставать.

Я чувствую, что я мог бы пойти в другом направлении, но мой конечный пункт назначения остался бы прежним.

Я чувствую, что я все еще человек снаружи - да это и к лучшему.

Я чувствую, что мой путь никогда не заканчивается, и я рад этому.

Я чувствую, что мне помогают идти по моему пути, хотя и не вижу своего проводника.

Я чувствую, что я далеко не единственный, кто чувствует себя подобным образом, однако таких людей мало.

Я чувствую, что мог бы сказать больше ... но и сказанного уже достаточно.

Я чувствую, что мне стоит помолчать ... немного.

13.08.2009

Книга Свободы

Мудрость былую всю прошлых веков
Мы выпускаем теперь из тисков,
Пусть это будет праздничный миг -
Лишь бы наш глас до всех спящих достиг.

Споро пройдя жизни сквозь непогоду,
Книга родится вся к нужному году.
К самопознанью пусть всяк устремится -
Книга поможет лишь в том укрепиться.

Что ж всем готовят грядущие годы?
Пусть это будет Книга Свободы.

Став свободным, увидишь оковы других.
Пытаясь снять с них оковы, породишь ненависть.
Оковы можно сбросить, лишь осознав их.

Подлинно свободный разумен, но не умен.
Подлинно свободный невинен, но не ребенок.
Подлинно свободный способен верить, но в себя.
Подлинно свободный не видит сны.
Подлинно свободный свободен пробудить готовых проснуться.
Таков подлинно свободный.

Можно прочесть книгу и не понять ее -
но невозможно понять книгу, не прочитав ее.

Пусть каждый найдет свое понимание.

Книга Сущности

Ты не есть ум. Ты не есть тело. Ты не есть чувство. Истинную сущность проще выразить отрицанием.

☆ ☆ ☆

Только сбросив с себя все мнения общества о том, кем ты должен быть, можно познать то, кто ты есть. Только познав то, кто ты есть, можно увидеть то, кем ты можешь стать.

☆ ☆ ☆

Не любя себя, невозможно испытывать то же чувство к другим. Ненавидя себя, невозможно не относиться также к другим.

☆ ☆ ☆

Радость вне предела разума. Чувство вне предела ума. Наблюдение покрывает их всех.

☆ ☆ ☆

Умение чувствовать делает живым. Умение мыслить может сделать разумным. Познать себя не поможет никто, кроме тебя самого.

☆ ☆ ☆

Рыба, плывущая по течению, может быть вынесена приливом на берег. Рыба, плывущая против течения, может не суметь доплыть. Действие возможно без цели.

☆ ☆ ☆

Ум будет уверять тебя, что ты лучше. Ум заставит тебя воевать. Только устав от крови побед, можно начать желать умыть руки.

☆ ☆ ☆

Не имея цели, не тронешься с места. Не тронувшись с места, невозможно достичь. Достигает лишь тот, кому некуда идти.

☆ ☆ ☆

Желать многого - значит однажды потерпеть поражение. Желать малого - значит принять его уже сейчас. Победа возможна лишь при отсутствии желаний, но кто будет желать эту победу?

☆ ☆ ☆

Если каждый сможет помочь себе, помощь другим перестанет быть нужной. Но каждый знает как помочь другим, и никто - как помочь себе.

☆ ☆ ☆

Став разумным, перестаешь быть живым. Став ответственным, перестаешь быть живым. Став нравственным, перестаешь быть живым. Только сумев по собственному желанию на время становиться всеми, остаешься им.

☆ ☆ ☆

Управляя домом, можно делать это плохо. Управляя страной, можно делать это плохо. Управляя миром, можно делать это плохо. Высшее мастерство состоит в управлении самим собой.

☆ ☆ ☆

Растворившись в мире - потеряешь себя. Растворившись в другом, потеряешь себя. Только растворившись в себе, можно найти себя подлинного.

☆ ☆ ☆

Радость не в достижении. Радость не в осознании. Истинная радость - в их возможности.

☆ ☆ ☆

Познав других, не познаешь себя. Не познав себя, невозможно познать других. Пусть каждый думает о том, как много ему самому предстоит сделать.

☆ ☆ ☆

Ответить на вопрос "Кто я есть" сложнее, чем на вопрос "Кем я могу стать". Но, не ответив на первый вопрос, нельзя ответить и на второй.

☆ ☆ ☆

Вечно живет лишь тот, кто никогда не умирает. Никогда не умирает лишь тот, кто не ведает, что такое смерть.

☆ ☆ ☆

Жить одному - значит жить в страдании. Жить вместе - значит жить в страдании. Прежде всего, нужен мир с самим собой.

☆ ☆ ☆

Можно быть святым - и не достичь. Можно быть мучеником - и не достичь. Достижение самого себя не имеет ничего общего с другими.

☆ ☆ ☆

Можно иметь вещи - и не быть привязанным к ним. Можно не иметь вещей - и быть привязанным к ним. Но чтобы освободиться от привязанности к ним - их однажды придется отбросить.

☆ ☆ ☆

Победа одного есть поражение другого. Поражение одного есть победа другого. Истинно свободный не может ни победить, ни быть побежденным.

☆ ☆ ☆

Свобода от грусти есть радость. Свобода от радости есть спокойствие. Свобода от спокойствия есть смерть.

☆ ☆ ☆

Толстокожие не чувствуют легких прикосновений. Черепахи не бегают. Кроты не видят солнца. Бескрылые не летают. Таков порядок вещей.

☆ ☆ ☆

Свет не проникает в закрытые глаза. Глаза спящих не лучатся светом. Свет рассеивает тьму в силу самой своей природы. Таков порядок вещей.

☆ ☆ ☆

То, что еще вчера было живым, сегодня стало мертвым, дабы затем вновь породить жизнь в иной форме. Жизнь и смерть нераздельны и одно не существует без другого. Таков порядок вещей.

☆ ☆ ☆

Нерасцветший цветок становится сорняком для других рядом с ним.

Иссохший оазис становится частью пустыни.

Нерастаявший лед становится айсбергом в океане.

Озеро, рожденное в не благодатной почве, становится болотом.

Природа не терпит пустоты.

Таков порядок вещей.

☆ ☆ ☆

Тот, кто был никем, может стать всем. Тот, кто был всем, может стать никем. Внешнее величие не имеет ничего общего с внутренним.

☆ ☆ ☆

Растения чувствуют. Животные мыслят. Люди считают лишь себя разумными. Все мы части единого целого.

☆ ☆ ☆

Живя для себя - живешь для других. Живя для других - живешь для себя. Только познавшие подтвердят эти слова.

☆ ☆ ☆

Радость есть необходимость. Счастье есть необходимость. Любовь есть необходимость. Творчество остается возможностью.

☆ ☆ ☆

Скажут: "Это неправильно". Скажут: "Так не делается". Только отбросив запреты, можно научиться творить.

☆ ☆ ☆

Свобода "вместе" не есть свобода. Свобода "от" не есть свобода. Истинная свобода - свобода "для".

☆ ☆ ☆

Солнце не знает правых. Солнце не знает неправых. Солнце светит без цели кого-то согреть. Нашедший себя подобен солнцу.

☆ ☆ ☆

Ручей не сравнится с рекой. Река не сравнится с морем. Нашедший себя подобен океану.

☆ ☆ ☆

Можно набрать много знаний - и не знать ничего. Можно не иметь знаний - и знать многое. Только в тишине собственного опыта рождается прозрение.

☆ ☆ ☆

Знать все обо всем невозможно. Знать все о других бессмысленно. Чтобы познать даже себя, может не хватить Вечности.

☆ ☆ ☆

Собака воет не от радости. Кошка мурлычет не от горя. Собака и кошка не способны изменить свою природу. Способен ли человек?

☆ ☆ ☆

Тысяча мнений о тебе не есть ты. Твои слова не есть ты. Твои поступки не есть ты. Познавший себя способен управлять всеми тремя, оставаясь четвертым.

☆ ☆ ☆

Можно общаться с грешниками - и оставаться святым. Можно не истязать свое тело - и оставаться святым. Можно жить простой жизнью - и оставаться святым. Подлинная святость есть святость осознанности.

⋆ ⋆ ⋆

Погруженный в толпу не найдет себя. Отрекшийся от мира не познает других. Познать себя можно не отрекаясь, но невозможно отречься от самого себя.

⋆ ⋆ ⋆

Святой принимает одобрение окружающих. Грешник принимает ненависть окружающих. Мудрый не ищет внимания подобно первому и второму.

⋆ ⋆ ⋆

Молитва "для" есть попрошайничество. Молитва "против" есть обреченность. Молитва "за" есть неисполненная надежда. Для подлинно свободного единственной молитвой становится вся его жизнь.

⋆ ⋆ ⋆

Только бедный нуждается в милостыне. Только незнающий о своем незнании нуждается в вере. Только закаленный в горниле собственного опыта не нуждается в суевериях других.

⋆ ⋆ ⋆

Невозможно принять себя, отрекаясь. Изменить себя можно, лишь приняв. Познать себя можно, только вспомнив.

⋆ ⋆ ⋆

Невидимый баланс царствует в мироздании. Из-за пыли личных желаний люди не способны узреть его. Человек свободен выбрать собственный путь в мире. Изменить общие законы мироздания не в его воле.

⋆ ⋆ ⋆

Разум не имеет физической формы. Ум - лишь проводник для разума. Проводник ничего не знает о незнакомом маршруте, но способен рассказать о нем другим, когда маршрут завершен.

⋆ ⋆ ⋆

Жизнь для себя есть торжество эго. Жизнь для других есть торжество рабства. Мудрый живет не для кого бы то ни было.

⋆ ⋆ ⋆

Пока не побежден последний враг внутри, сражения неизбежны. Пока внутри тебя нет мира, вместе с тобой всегда будет приходить война. Победить самого себя можно лишь сдавшись существованию.

☆ ☆ ☆

Когда исчезает последняя крупица "я", становится возможным возвращение к истоку. Когда происходит возвращение к истоку, человек исчезает.

17.09.2006

Книга Путей

Не существует реки без истока. Река, текущая по пустыне, обречена иссохнуть. Река без притоков может стать ручьем. Великие реки питают моря.

⭐ ⭐ ⭐

Став бесполезным для других, ты станешь обречен на одиночество. Став полезным для самого себя - ты вновь обретешь целый мир друзей.

⭐ ⭐ ⭐

Радость приходит без достижений. Блаженство приходит без молитв. Трава растет сама собой. Истинная вера не есть фанатизм.

⭐ ⭐ ⭐

Тысячи путей ведут прочь и только один - к самому себе. Но чтобы найти один, нужно пройти тысячами.

⭐ ⭐ ⭐

Выбравший лучший путь дойдет быстрее выбравшего худший. Но оба когда-то придут к той же точке.

⭐ ⭐ ⭐

Каждое начало становится завершением, и каждое завершение есть начало. Вопрос о существовании начала начал остается открытым.

⭐ ⭐ ⭐

Прошлое было настоящим. Будущее станет настоящим. Лишь настоящее всегда остается самим собой.

⭐ ⭐ ⭐

То, что вчера было нелепостью, сегодня стало законом природы. Законы меняются - природа остается той же.

⭐ ⭐ ⭐

Вода точит камень, делая его гладким. Вода обмывает каменный берег, делая его мягким. Жизнь научит каждого, способного учиться.

⭐ ⭐ ⭐

Вредя, породишь ненависть. Помогая, породишь ненависть. Любовь других растет в умении помочь себе.

⭐ ⭐ ⭐

Пытаясь стать лучше, можешь не достичь. Желая знать больше, можешь не познать. Настоящее осознание случается внезапно.

☆ ☆ ☆

Можно дойти, преодолев все препятствия. Достигнуть можно, лишь не считая их таковыми.

☆ ☆ ☆

Радостный не заметит препятствий. Грустный преувеличит их. Только спокойный ясно видит весь путь.

☆ ☆ ☆

Время меняет страны. Время меняет миры. Время меняет вселенные. Относительны ли их изменения, если относительно само время?

☆ ☆ ☆

Жизнь может уничтожить твои достижения. Жизнь может вознести тебя. Только прошедший и то, и другое, может научиться спокойствию.

☆ ☆ ☆

Обогнать самого себя невозможно. Не догнать самого себя невозможно. Каждый идет своим ходом.

☆ ☆ ☆

Легко уклониться от битвы. Трудно избежать ее. Настоящий воин побеждает, не сражаясь.

☆ ☆ ☆

Жизнь требует движения. Жизнь не знает остановки. Добровольно остановившийся укорачивает собственную.

☆ ☆ ☆

Невозможно помнить, что было тысячу лет назад. Невозможно знать, что будет через тысячу лет вперед. Только настоящее имеет значение.

☆ ☆ ☆

Когда рядом царит мир - наблюдай. Когда рядом бушуют войны - наблюдай. Только видевший войны и мир может познать временность того и другого. Только видевший горе и радость может понять ценность спокойствия.

☆ ☆ ☆

Ослепленный счастьем может не увидеть опасности. Ослепленный гневом наказывает себя за ошибки другого. Только свободный способен найти верное сочетание первого и второго.

☆ ☆ ☆

Неудача рождает грусть. Достижение цели порождает скуку. Только отказавшись от целей можно познать полноту жизни.

* * *

Можно не верить в Рай - и пребывать в нем. Можно отрицать Ад - и пребывать в нем. Подлинный Ад и Рай есть Ад и Рай настоящего.

* * *

Можно верить во что-то - и не знать этого. Можно уверовать во что-то - и не узнать этого. Только отбросив слепую веру, можно испытать это на себе.

* * *

Сложно принять то, что изменяет картину мира. Невозможно принять то, что разрушает ее. Недешево купить новую. Только творец способен создать свою собственную.

* * *

Слепая вера ведет к нетерпимости. Прекрасная надежда может быть разбита. Только любовь способна принять крах надежды и превратить веру в доверие.

* * *

Уничтоживший Бога оказывается обречен на одиночество. Создавший Бога вовне оказывается обречен на рабство. Только нашедший Бога в себе становится подлинно свободным.

* * *

Тысяча причин порождает горе. Сотни причин порождают восторг. Подлинная радость не нуждается в причинах.

* * *

Существование не знает о наших планах. Существование не считается с нашими надеждами. Только не имеющий планов и надежд способен познать полноту жизни.

* * *

Слепые называют себя прозревшими. Глухие называют себя услышавшими глас. Мертвые называют себя нормальными. Найдется ли место для здоровых в мире больных?

* * *

Капитуляция есть победа, и победа возможна лишь в капитуляции. Только познавшие подтвердят эти слова.

* * *

Тяжелый камень тонет в реке времени - и воды реки точат его. Мгновенной справедливости не существует.

☆ ☆ ☆

Можно пройти по дороге жизни и достигнуть последней точки. Можно проползти буреломами и болотами, чтобы вновь выйти на ту же дорогу. Не всякий опыт имеет ценность для пути.

☆ ☆ ☆

Сознание способно старить и омолаживать. Для нашедшего в себе ребенка время готово поворачивать вспять.

☆ ☆ ☆

Когда исчезает прошлое и будущее, остается только настоящее. Когда остается только настоящее - исчезает само время.

☆ ☆ ☆

Невозможно предсказать длину собственной жизни, но можно выбрать ее ширину. У выбравшего широкую полосу будет больше попутчиков.

Невозможно почувствовать вкус и различить мелькающие пейзажи собственной жизни, двигаясь со слишком большой скоростью. Спешащий жить спешит умереть.

Незнание всеобщих правил движения, также как и игнорирование других движущихся может стать причиной аварии. Понимание правил и психологии движущихся приходит с опытом.

Каждый стартует со своей прошлой точки. Пункт назначения у всех един.

☆ ☆ ☆

Свой путь можно проползти на коленях. Его можно пройти пешком. Можно взмыть ввысь и пролететь его. Все три ведут к одной точке, но только с высоты птичьего полета ясно виден весь путь.

☆ ☆ ☆

Никто не возвращался из-за двери смерти в том же виде, в каком входил в нее. Либо было некому возвращаться, либо одежда была другой.

☆ ☆ ☆

Когда подходишь к границе собственного "я", перед тобой раскрывается бездна отчаяния.

Когда видишь события и людей прошлого, навеки оставленных далеко позади, и мечешься в поисках безвозвратно утраченного, рядом с тобой живет бездна отчаяния.

Когда осознаешь всю бессмысленность прошлой жизни без пробуждения, под тобой раскрывается бездна отчаяния.

Когда знаешь, что невозможно будет вернуться, однажды выступив в путь, но лишь ускоряешь свой шаг - принимаешь бездну отчаяния.

Через бездну есть мост, но пройти по нему можно лишь в одиночку. Сорвавшиеся в бездну и прошедшие по мосту до конца никогда не возвращаются.

⋆ ⋆ ⋆

Упавшую в руки звезду невозможно хранить.

Упавшую в руки звезду невозможно продать.

Можно впитать ее красоту, дав ей новую форму.

Форма не способна передать всей красоты звезд.

Не видевшие звезд отвергнут и формы.

⋆ ⋆ ⋆

Мы слепы от рождения, но не каждый осознает, что погружен во тьму.

В темной комнате есть выключатель, но так ли просто нащупать его в темноте? Выключатель высоко, а человек мал от рождения.

Вокруг столь много вещей, на которые неизбежно натыкаешься во тьме. Они кажутся гораздо страшнее, чем есть на самом деле.

У каждого из нас есть своя комната, погруженная во тьму.

Можно принять темную комнату за естественную среду обитания и выносить суждения об окружающем мире, не видя. Простой путь для многих самый привлекательный.

Можно вырасти постепенно, и ощупать стены последовательно, рано или поздно наткнувшись на него. Но не всем дано столько времени.

Можно попытаться нащупать его, будучи малым, и угодить пальцем в розетку. Не каждый способен пережить полученный болевой шок, а тем более вновь продолжить поиски.

Можно, двигаясь исключительно по наитию, воздеть руки вверх и в отчаянном прыжке каким-то чудом попасть по нему. Сколько людей обладают подобным чувство-знанием?

Когда выключатель найден, тьма рассеивается, и комната предстает в своем истинном виде.

Пребывавших во тьме слишком долго яркий свет может на время ослепить.

Радость прозревших невозможно выразить словами.

⋆ ⋆ ⋆

По мере того, как растворяется собственное "я", начинаешь слышать звук неба.

Личные желания и амбиции искажают его, но не способны заставить замолкнуть.

Осознающий себя подлинного становится инструментом для музыки.

Идущий Путем Существования пробужденный - источник чистейшего звука звезд.

17.09.2006

Книга Спящих

Спящий пришел к Пробужденному, глубоко зевая.

- Я слышал от других, что ты достиг чего-то такого, о чем не принято говорить среди простых людей. Расскажи мне, что такого ты познал?

Пробужденный улыбнулся.

- Я ничего не достиг. Я просто перестал спать.

- Я тоже не сплю днем, и иногда могу не спать даже ночью. Если это все, на что ты способен - то ты ничуть не выше меня.

- В мире разбуженных нет тех, кто выше, и тех, кто ниже, - ответил пробужденный.

- Тогда почему они утверждают иное?

- Утверждающие это спят – так же, как и ты.

- Тогда как мне отличить утверждающих это от переставших спать?

- Загляни им в глаза, и если ты уже готов проснуться - ты почувствуешь разницу.

- Почему взгляд этих, как ты называешь их, проснувшихся, светится каким-то непонятным и тревожащим меня огнем?

- Потому что их глаза открыты.

- Кто этот спящий, о котором ты все время говоришь?

- Это ты.

☆ ☆ ☆

Ум во сне полон иллюзий. Погруженный в сон подобен водоносу с дырявым решетом. Только проснувшись можно увидеть спящих.

☆ ☆ ☆

Сон грешника наполнен искуплениями. Сон святого наполнен озарениями. Сон злого наполнен предательством. Сон доброго наполнен блаженством.

Только осознав все эти сны, можно сделать первый шаг к пробуждению.

☆ ☆ ☆

Сон каждого был долог. Пробуждение требует времени. Для неспящих время остановлено.

☆ ☆ ☆

Можно стать величайшим богачом во сне. Можно стать величайшим нищим во сне. Ценность пробуждения не имеет меры.

☆ ☆ ☆

Когда ты живешь своей обычной жизнью - ты пребываешь во сне. Когда ты спишь - ты пребываешь в удвоенном сне. Мало кто способен по-настоящему проснуться, но таковые по-прежнему живут своей обычной жизнью.

☆ ☆ ☆

Любовь трансформируется в ненависть, и ненависть желает выглядеть подобно любви. Любовь и ненависть спящих обречены вечно перетекать друг в друга.

☆ ☆ ☆

Ум во сне полон иллюзий. Иллюзии одних способны повредить умам других. Мечты подобны иллюзиям. Самые сильные мечты спящих не должны сбываться.

☆ ☆ ☆

Невозможно проснуться, не пребывая во сне. Невозможно заснуть, не пребывая во сне. Только познавший подтвердит эти слова.

☆ ☆ ☆

Можно спать днем. Можно бодрствовать ночью. Для однажды проснувшихся между днем и ночью нет разницы.

☆ ☆ ☆

Проснувшись, увидишь вокруг себя спящих. Уснув вновь, перестаешь видеть их. Двое спящих никогда не увидят сон друг друга.

☆ ☆ ☆

Важное пребудет. Бесполезное сгинет. Для спящих бесспорна важность бесполезного.

☆ ☆ ☆

Хорошие намерения порождают Ад. Плохие намерения усиливают его. Между разными намерениями спящих нет разницы.

☆ ☆ ☆

Робость, доведенная до предела, есть безрассудство. Безрассудство, доведенное до предела, становится подвигом. Герои спящих всегда преисполнены робости.

☆ ☆ ☆

Вера, доведенная до предела, есть фанатизм. Ум, доведенный до предела, есть гениальность. Гении спящих всегда фанатичны в отношении возможностей ума.

* * *

Радость становится горем, и горе других становится радостью. Горе и радость спящих не изменяют своей природы.

* * *

Пробуждение избавляет от иллюзий. Пробуждение делает разумным. Полный иллюзий ум не способен понять красоту пробуждения.

* * *

Проснувшись, становишься одиноким. Спящие не способны разделить путь пробужденных. Пробужденные свободны помочь спящим проснуться.

* * *

Путь спящих долог. Путь проснувшихся труден. С пробуждением жизнь не заканчивается.

* * *

Спасение вовне есть иллюзия. Спасение в другом есть иллюзия. Спасение от иллюзий происходит через собственное пробуждение - и вопрос о спасителях отпадает.

* * *

Спящие и пробужденные живут в одном мире. Миры обоих совершенно различны.

* * *

Спящие грезят о собственной значительности. Пробужденные, они становятся проводниками значительности мироздания для все еще спящих.

* * *

Спящие живут в прошлом, едва осознавая настоящее. Пробужденные живут в настоящем, предчувствуя будущее.

* * *

Незыблемые ранее законы природы разрушаются под потоком новых знаний. Только спящие незыблемо верят в собственное всезнание.

* * *

Вначале был сон. Затем настало осознание. За осознанием пришло пробуждение. Таков путь мира. Таков путь каждого.

* * *

Мы спим и мним себя существующими. Мы пробуждаемся, дабы увидеть свой прошлый сон. Являемся ли мы все сном кого-то другого?

* * *

Проснуться можно от нестерпимого холода - и увидеть царящую вокруг тебя зиму.

Проснуться можно, услышав щебетание птиц за окном - и застать приход весны.

Проснуться можно от пожирающего огня лета в поту, когда солнце уже в зените.

Проснуться можно с приходом осени, когда с увядающего дерева падает последний лист.

У каждого пробужденного свой путь.

17.09.2006

Книга Будущего

Взрослые станут как дети, и дети продемонстрируют черты взрослых. Только с возрождением ребенка в душе будет познана простота жизни.

☆ ☆ ☆

После мира всегда приходит война - и новый мир становится лишь отсрочкой перед следующей. Придет ли эпоха тысячелетнего мира?

☆ ☆ ☆

Границы открываются. Народы смешиваются. Культуры обогащают друг друга. Разделенное на части вновь станет единым целым.

☆ ☆ ☆

Ветхие знания рушатся. Суеверия отмирают. Когда будет отброшен последний предрассудок, ваше понимание Вселенной преобразится.

☆ ☆ ☆

Устаревшие знания требуют обновления. Новое время требует новых открытий. Самым ценным открытием каждого станет он сам.

☆ ☆ ☆

Время освоения планеты уже прошло. Время ее использования проходит. Наступает время ее преображения.

☆ ☆ ☆

Что толку обживать другие миры, если свой дом остается в небрежении? Только с преображением собственного дома станет возможным преображение иных.

☆ ☆ ☆

Неизученные воздействия ждут наблюдений. Непознанные энергии ждут открытий. Ум без предрассудков станет ключом от сокровищницы.

☆ ☆ ☆

Знание освобождает от оков невежества. Знание делает более разумным. Знание является итогом изучения мироздания. Знание станет катализатором самого себя.

☆ ☆ ☆

Живущие в эпоху перемен сетуют на мелкие неурядицы, не видя восхождения солнца за горизонтом. Невозможно остановить восход солнца, но оторвавший взгляд от земли получает прозрение.

⋆ ⋆ ⋆

Единый, трансформированный, молодой, радующийся, поющий, процветающий. Таков ваш будущий мир.

17.09.2006

Людям Настоящего

Большинство

Шаг. И еще. И еще. В такие минуты каждое мгновение становится вечностью.

Десять ступеней до вершины эшафота. Девять. Восемь. Семь.

Да, он преступник и предатель. Да, он повторил бы то же самое вновь.

Где кончается миг и начинается вечность? Шесть. Пять. Четыре.

Где кончается жизнь одних, чтобы жили другие? Три.

От судьбы не сбежать и не скрыться, никуда и нигде. Два.

И в момент собственной смерти можно лишь с благодарностью принять ее. Один.

Умереть, чтобы жить в вечности. Вершина.

Для одних он предатель, для других он герой. И здесь не может быть промежуточных звеньев. Сколько стоит человеческая жизнь, и кто возьмет на себя смелость ее измерить? Кто будет судить о чуждой им судьбе, о которой не имеет ни малейшего представления? Кто превознесет тебя как героя, чтобы позже низвергнуть в бездну проклятий? Кто сделает все это лишь потому, что не может иначе?

Большинство.

Да, он убийца - и спаситель одновременно. Ангел и демон в одном лице.

Жизнь одного - за жизни многих. И здесь не может быть иного выбора.

И именно поэтому он преступник.

Жизнь президента родной страны, почти ввергнувшей мир в ядерный апокалипсис, - не так много, чтобы жил мир.

И именно поэтому он герой.

Бывший верный соратник, однажды осознавший, что собирается сделать главенствующий над ним. И выбравший самый радикальный способ остановить разворачивающееся безумие - потому что иные меры уже не способны были помочь.

И именно поэтому он предатель.

Убийцы убийц - ангелы возмездия? Палачи палачей? Преступники? Никто не даст ему ответа.

Военный трибунал - и простое большинство голосов, решавшее его судьбу. Сорок девять против пятидесяти одного.

И именно поэтому сегодня он умрет. Так решило большинство.

Жизнь и смерть ... смерть и жизнь. И здесь не может быть промежуточных звеньев.

Но только не для большинства.

Вершина.

Вот они, внизу перед ним - весь Консулат. Вся сотня судей человеческих. Преступники и герои. Убийцы убийц. Удивительно маленькие и смешные с этой самой Вершины.

Кончается ли жизнь, чтобы уступить место Вечности, или смерть - лишь ее продолжение? Настал миг узнать это.

Веревка вокруг шеи - не самая достойная из смертей. Но для героев выбирать не приходится - как и для убийц.

Слепящее глаза солнце ... выше, выше ... такие маленькие с этой вершины ...

Удар - и почва уходит из-под ног. Пусть будет так. Так решило большинство. Вспышка света перед гаснущими глазами. Всего лишь мгновение.

Лишь одно мгновение.

И - Вечность.

08.02.2010

В преддверии Нового Века

Удивляющая трагикомедия в N частях

В.В.П.: - Здравствуйте, здравствуйте, глубокоуважаемые душевно-незажатые теле-пялители! Ну, или как вас там правильно по матушке ... В общем-с, доброго времени шуток ... пардон, суток! Да-да, с вами снова я, телеведущий программы “Раша Ньюс” Владимир Владимирович Пупкин. И, пока не забыл, прошу, буквально умоляю вас, пожалуйста, не обращайтесь к нам в редакцию в вашим письмах ко мне в этих самых аббревиатурных терминах ... ну, вы поняли! Итак, тема нашей очередной телезадачи ... пардон, телепередачи! ... будет, можно прямо-таки сказать, пред-апокалиптического толка. Но - обо всем по нарядку ... тьху, блин, по порядку! Ах да, пока я все еще это не забыл, хочу также добавить, что со мной сегодня в студии присутствует телесно и душевно исследователь душ человеческого пошиба Федор. Здравствуйте, Федор!

Федор: - Здрям!

В.В.П.: - Федор, ну вы прям ... сразу всем им “здрям” ...

Федор: - То времена и нравы ... хотя, мой друг, вы правы - не время нынче нам к ним обращаться “здрям!”.

В.В.П.: - Да вы, однако же, поэт! Не видел мир вас двести лет!

Федор: - Примерно так ... но как же быть? В ином мне мире пришлось жить.

В.В.П.: - Ну да, пожалуй ... ладно, стоп, вы передачу нашу в топ иначе втиснете за день ... а мне стихами вещать лень!

Федор: - А мне теперь забавно то ... вещать им будем мы про что?

В.В.П.: - Картину будем мы смотреть, как изгнан русский был медведь; распался как заморский враг; как утонул британский флаг; евреи как все стены плача арабам отдали без сдачи; ЕС втянулся как к России, прибалты сколь б не голосили; как N исполнились пророчеств; остались храмы как без зодчих; политик как пошел вразнос и ест один теперь овес; и, наконец, как Нова Эра вступает в гости к нам всем смело!

Федор: - Однако, друг, поэт вы тоже ... вам прохлаждаться здесь негоже!

В.В.П.: - Такие лавры мне достались ... а вы где раньше прохлаждались?

Федор: - Я прохладился уж зимой, когда все шел к душе домой.

В.В.П.: - Зимой Души? А где же лето?

Федор: - Слегка задержано все ж где-то. Надеюсь все ж, оно придет. И Солнце Бога в мир войдет.

В.В.П.: - Чтоб осветить полночный путь? Творится ж в мире страшна жуть!

Федор: - Не бойтесь, друг, та жуть пройдет - шакал завоет и помрет!

В.В.П.: - Они уж воют, слышишь, там? Уж воздается по делам.

Федор: - Такой вот век, такое время ... людское это наше племя уж начинает понимать, что значит Бога предавать.

В.В.П.: - О том как раз весь наш сюжет! Пройдет еще немного лет, и мир проснется ото сна, чтоб всплыть, подлодка как, со дна.

Федор: - Как предсказание готично ... но то прелестно и отлично! Отмыть бы мир от грязи сей ... ведь постучал Бог в нашу дверь!

В.В.П.: - О том всю речь вели мы впредь ... ну что, начнем уже смотреть?

Федор: - Ну что ж, Владимир, как хотите! Начнем смотреть уже, кажите!

В.В.П.: - Все ж время чудное грядет, сюжет кто смотрит - да поймет!

Федор: - Оно бывает раз лишь в мире ... сюжет смотрящий, мысли шире!

Камера в телестудии движется куда-то вбок и вверх, отображая сперва окрестности какого-то города с высоты птичьего полета, а затем резко ныряет вниз и перед телезрителями раскрываются панорамы различных городских улочек. Улочки быстро сменяют одна другую, камера резко ныряет туда-сюда за повороты, двигаясь на уровне третьего-четвертого этажей здания. Как ни странно, все улочки пустые - не видно ни Души. Куда-то пропала вся традиционная людская суета, куда-то испарились все толпы и абсолютно замолк столь традиционный для мегаполисов гам. По краям улиц в достаточно хаотическом порядке припаркованы машины - некоторые из них, кажется, даже брошены - их двери раскрыты настежь, однако никто не стремится завладеть чужим транспортным средством. Городская система освещения и светофоры по-прежнему работают, однако никакого движения не наблюдается. Город как будто в одночасье вымер - окончательно и бесповоротно.

Федор: - Вот это да! То что ж за дело? Недавно пташка еще пела - а ныне спрятались как будто ... я полагаю, это утро?

В.В.П.: - Сие, конечно же, Нью-Йорк! Напоминает, впрочем, морг ... Ушли все с улиц эти люди ... о нет, они не в Голливуде!

Федор: - А кто, позвольте, все снимал?

В.В.П.: - То оператор наш летал!

Федор: - Вот это да! Сие возможно?

В.В.П.: - Сия возможность непреложна!

Федор: - Способны люди так летать, подобно птицам небо знать?

В.В.П.: - Летает парочка теперь - не тесно в небе, уж поверь.

Федор: - Понятно, хм ... а где же люди, раз мы уж все не в Голливуде?

В.В.П.: - Как тараканы все в домах - обуревает всех их страх! Они почуяли как будто, что в мир нисходит вечно утро ...

Федор: - Как тараканы при свете огня прочь разбежались все, ноги сломя? Делают что же они вот сейчас?

В.В.П.: - Молятся дружно при света лучах. Просят простить все их прошлы грехи - чуют, от Рая что все ж далеки. Знают, видать, ожидает что многих - просят простить всех их грешных, убогих ...

Федор: - Неужто все в Бога поверили все же? То на людей как-то вот непохоже ...

В.В.П.: - Федор, вы вспомните, кто их снимал!

Федор: - Ваш оператор по граду летал?

В.В.П.: - Типа того, Федор, типа того ... в камеру видите рожу его?

Внезапно перед телезрителями появляется изображение улыбающейся румяной рожи оператора. Рожа высовывает язык, и, кажется, дразнит телезрителей. Затем в камере появляется крупным планом рука, которая приветливо всем машет.

В.В.П.: - То оператор наш Иван - он облетал уж много стран!

Федор: - С небес к ним птица вот спустилась ... а самолеты?

В.В.П.: - Прекратилось!

Федор: - Они что, сбить его боятся?

В.В.П.: - От изумленья все стыдятся!

Федор: - Все то, учил что в институте ... законы физики ...

В.В.П.: - Забудьте! Вот, Новый Мир встречает нас, Господь услышал ведь наш глас ...

Федор: - Можно нам глянуть, где физики наши? Дружно толкутся у грязной параши?

В.В.П.: - Иван, кажите институт! Они все в стенах его тут.

Камера внезапно дергается, резко плывет куда-то вниз, вверх, снова вниз и вверх, все набирая скорость, а затем в последний раз ныряет вниз и влетает в открытые двери какого-то здания, пару раз ныряет по коридорам, а затем застывает в неподвижности. Перед телезрителями раскрывается огромный зал, заполненный людьми в белых халатах и очках. Стоящие у стен люди дружно, как будто по команде, с периодичностью раз в несколько секунд ударяются лбами об стены зала, что сопровождается глухим звуком, немного напоминающим "бом!". Тем, кому повезло меньше и не досталось стен, стоят на коленях посреди зала, и с не меньшим упорством прикладываются лбами к каменному полу с примерно схожей периодичностью. Зрелище удручает и завораживает одновременно.

Федор: - То непотребство прекратить, ведь могут все ж себя убить!

В.В.П.: - У них депрессия, видать. Но что с неверующих нам взять?

Федор: - Умы их все же пригодятся. Надеюсь, муки прекратятся.

В.В.П.: - Себя познать все ж не стремятся ... их ум врагом им может статься.

Федор: - То сделать можно лишь Душой, а не их умственной лапшой!

В.В.П.: - Поймут, надеюсь, скоро то. Посмотрим дальше мы про что?

Федор: - Священник где у нас теперь, коль не стучит овца уж в дверь?

В.В.П.: - Иван, про то давайте глянем, идут как овцы к Богу сами!

Камера вновь меняет ракурс, вылетает из здания института, петляя узкими и извилистыми коридорами, взмывает в небеса и несется в белесых облаках, периодически глядя как будто на солнце удовольствия ради. Затем резко пикирует вниз, едва не врезавшись в украшающий верхушку здания крест, и влетает в открытые врата какого-то большого храма. Перед зрителями раскрывается достаточно интригующая картина: единственный оставшийся в храме священник делает, кажется, что-то невообразимое. Он то периодически берет в ладони пригоршни "святой" воды и "пробует" ее на язык, стремительно морщась и что-то невнятно шепча себе под нос; то снимает висящий на шее крест и ударяет им себя по лбу, прикрикивая "Аминь" для пущего эффекта; то подходит к произвольной иконе, и начинает "строить ей глазки"; то садится на пол в позе лотоса и начинает выбивать чечетку на обвешивающих его тело крестах, ожерельях и прочей бижутерии; то с воплями "Сгинь, кому говорю!" начинает носиться по залу, грозясь кому-то невидимому позолоченным крестом. Зрелище пугает, интригует и завораживает одновременно.

Федор: - Он не сошел ли там с ума?

В.В.П.: - То ритуальная чума!

Федор: - Все ритуалы перепутал, как будто бес его попутал?

В.В.П.: - Давно их уж попутал бес, исчез для них весь мир чудес, и даже глупый ритуал сегодня весь он переврал!

Федор: - Не будет коль у них овец, то жлобству уж придет конец?

В.В.П.: - С себя пусть шерстку постригут, и злато сбросят где-нибудь.

Федор: - Тельцу они все послужили, попировали и пожили - а чем платить придется им?

В.В.П.: - Мы это в тайне сохраним!

Федор: - Ну, хорошо, а что теперь? Пойдем к политику мы в дверь?

В.В.П.: - Мой друг, зачем в нее ходить - овес чтоб жрать, да водку пить?

Федор: - Овес и водка? Вот так дело! Братва вся на диету села?

В.В.П.: - Давно, мой друг, давно уже! Они ж все яйца Фаберже отдали гражданам все в руки, скрипя зубами "Ешьте, суки!".

Федор: - Вот ведь - и правда! Сие чудеса!

В.В.П.: - Здравствуй, политик! Отведай овса!

Федор: - Сточили зубки то свои, боясь увидеть миг зари? Иль озаренье снизошло, своих делищ познали зло?

В.В.П.: - Они увидели Ивана, когда пикировал он рьяно! Да и к тому же в своих снах могилки видели и прах. Им показали, что их ждет - теперь то знают наперед.

Федор: - Скупой тот рыцарь побелел, раздал все злато, в лужу сел?

В.В.П.: - Примерно так, примерно так ... политик наш ведь впрямь дурак. Уйдет со сцены скоро он - пора на сон, на вечный сон.

Федор: - А коль раздаст свое все злато?

В.В.П.: - Душа дарить должна быть рада! А он к себе все в нору греб и заработал себе гроб.

Федор: - Подарит может что-то где-то ... дарить - хорошая примета!

В.В.П.: - Примета всяка хороша, коли чиста твоя Душа.

Федор: - Овес не будем с ними есть - невелика та, право, честь. Давайте глянем под конец на медицинский мы венец! Тела спасали лишь они - что стало с ними в наши дни?

В.В.П.: - Иван, кажите нам сюжет, небесный наш апологет!

Камера вновь меняет ракурс, отворачиваясь от беснующегося священника, вопящего “Лети, лети отседова, нечистый!”, вылетает в раскрытые храмовые врата и устремляется к небесам. Некоторое время зритель может наблюдать сменяющие друг друга далеко внизу пейзажи, начиная от лесных массивов и кончая бесконечными, казалось бы, дорогами, уводящими неведомо куда и, главное, неведомо зачем, а затем начинается традиционное резкое пикирование и перед зрителями раскрывается картина загородной свалки. Огромной, знаете ли, свалки - можно даже сказать картина всеобщего свалища. Отчетливо видно, как к свалке выстроилась целая колонна машин, соревнующихся друг с другом в праве опорожниться как можно быстрее. При “облегчении” очередного мусоровоза становится отчетливо видно, как из его кузова выкатываются и сваливаются в итак уже изрядно большие кучи каких-то таблеток всех форм и расцветок, каких-то пакетиков с порошками, каких-то, наконец-таки баночек и колбочек с всевозможными микстурами и настоечками. Все это лекарственное барахло дружно стекает вниз с вершины кучи, на которую происходит выгрузка, звеня и как будто цокая невидимыми копытцами. Картину довершают шествующие тут и там пешком между кучами огненосцы с факелами, которые настойчиво и методично стараются отправить все это выгруженное барахло на съедение огню.

Федор: - Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

В.В.П.: - Глянь-ка в небо - Ваньки летят и пробирочки звенят!

Федор: - Как приятно вспомнить детство, годы духа малолетства - и узреть сейчас уж вновь к сим лекарствам всю “любовь”!

В.В.П.: - Друг друга лечат люди наши, и медицинской им параши не нужно более уже - почти яиц как Фаберже!

Федор: - Яиц знатна, конечно, тема ... но в медицине перемена, гляжу, однако же, видна - и даже, право, не одна!

В.В.П.: - Способна вера исцелять! Ошибки только лишь понять свои обязан каждый был - и в вере Бог их исцелил. Теперь и любят, и поют - иную жизнь совсем живут!

Федор: - Как рад за них, однако, я! Любима тема то моя ... Как и они, я вновь в дороге, и счастлив думать я о Боге.

В.В.П.: - Мы знаем, Федор, с вами это - была больна сия планета, но исцеляться начала ... та перемена не мала. Век обновленья все ж грядет ...

Федор: - ... Но кто ж его переживет?

02.11.2010

В преддверии Нового Века. Весеннее продолжение

В.В.П.: - Колитесь, Федор, как дела?

Федор: - Нас снова, вот, судьба свела!

В.В.П.: - Ага, я вижу ... это клево! Смотреть сюжеты будем снова?

Федор: - Да можно просто поболтать, что происходит - рассказать!

В.В.П.: - Весна идет, там что-то тает ...

Федор: - А Дух мой снова уж летает!

В.В.П.: - Как высота? И скорость как? И видишь ль неба личный знак?

Федор: - Как высота, увы, не знаю. Но скорость вроде набираю ...

В.В.П.: - Я рад за то, мой друг-поэт, что с вами снова тет-а-тет!

Федор: - Да ладно вам, не стоит льстить ... нам нужно спящих пробудить.

В.В.П.: - Вещать решили вновь стихами, маша все крыльями-руками?

Федор: - Такой вот век, такое дело ... Небес нам птица не допела, мы с каждой песней больше знаем - и сказ наш вновь мы продолжаем!

В.В.П.: - Мы для того как раз вдвоем. Ну что, потоп для них прольем?

Федор: - Потоп грядет святого рода ... катарсис это и свобода!

В.В.П.: - Смотри за речью, зритель-друг. Жизнь совершает новый круг!

Федор: - Но на иной уже ступени. И от огня там пляшут тени ...

В.В.П.: - Но без огня лишь был бы мрак.

Федор: - Дается братьям нашим знак. Река Времен течет весной, и всех тревожит их покой.

В.В.П.: - Куется вечности дорога. А сколько их?

Федор: - Довольно много!

В.В.П.: - Могло быть больше ведь, наверное?

Федор: - Могло быть больше, это верно ...

В.В.П.: - Сражаться будем тем, что есть.

Федор: - И да прольется в мир сей Весть!

В.В.П.: - Давай же, камера, живи! Иван небесный наш, лети!

Федор: - Иван уходит вот, на взлет, как истребитель-самолет ...

В.В.П.: - Он истребитель суеверий!

Федор: - Вот только нет на нем все ж перьев!

В.В.П.: - Ага, увы, и крыльев нет - но все ж небес апологет.

Федор: - Получит крылья в Тонком Мире и искупается в эфире?

В.В.П.: - Пусть стать как Ангел все же сложно, но у Творца ведь все возможно!

Федор: - Для недостойных ж крыльев нет?

В.В.П.: - Иван, кажите нам сюжет!

Камера вместе с Иваном (или все же Иван вместе с камерой?) устремляется прочь из съемочной студии, длительное время петляет по коридорам, на ходу уклоняясь от снующих тут и там сотрудников, которые при виде камеры (или все же Ивана?) весьма недвусмысленно улыбаются и уступают дорог; затем, наконец, пролетает в раскрывшуюся дверь на открытый и чистый воздух. Отчетливо видно, как затем камера разворачивается полукругом, набирает скорость и начинает петлять улицами столицы, поднявшись на уровень третьего-четвертого этажа домов, дабы уклониться от побочных эффектов возможных столкновений с еще менее двусмысленно улыбающимися ниже ходящими прохожими. Спустя какие-нибудь три минуты перед телезрителями раскрывается вид недавно отстроенного торгового центра, и камера, аккуратно вписавшись в образовавшийся при раскрытии входных дверей проем, наконец-то как будто в нерешительности застывает на месте.

Перед зрителями раскрывается картина поистине эпического масштаба: весь зал, насколько хватает взору, полон галдящими и снующими туда-сюда людьми, на спинах которых закреплены пары крыл белого, черного, розового, зеленого, оранжевого, серо-буро-малинового-в-крапинку цветов. Многие девушки кокетливо примеряют на себя очередные крылышки, грациозно красуясь перед зеркалами; как будто в отместку некоторые юноши пытаются их за эти самые новообретенные крылья пощипать; тут и там слышны возгласы в духе “А как мне вот эти беленькие?” , “А розовенькие я подарю подружке!”, “В них ты больше похож на черта!”, “Приветствую тебя, Эмо-Ангел!”, “Дайте два!” и все в том же духе. Картина ненашутку интригует и завораживает.

Федор: - Что они там вытворяют?

В.В.П.: - Крылья Ангелов скупают!

Федор: - Им хотят подобны быть, в небеса все воспарить?

В.В.П.: - Каждый то почти желал, рядом коль Иван летал!

Федор: - А что кричат они там все?

В.В.П.: - Да в основном лишь "дайте две!"

Федор: - И черны крылья тоже есть?!

В.В.П.: - Для тех, чей Дух не принял Весть.

Федор: - И даже розовые есть ...

В.В.П.: - Носить такие - это честь!

Федор: - Вы юморист, смотрю, однако! А это?

В.В.П.: - С крыльями собака!

Федор: - И даже с крыльями стал конь?!

В.В.П.: - Рукой Пегаса ты не тронь!

Федор: - Да как ж я трону сквозь стекло?

В.В.П.: - Да я шучу вот так незло ...

Федор: - А все ж Ивану повезло.

В.В.П.: - Иван теперь наш раритет, пусть нету крыл - не знает бед!

Федор: - Я за него ужасно рад! То первый шаг в Эдемский Сад.

В.В.П.: - Вселенной начат в Сад поход ... и Божий Суд для всех грядет.

Федор: - Туда пропустят, да, не всех.

В.В.П.: - Американский все ж морпех тому, похоже, не внимает ...

Федор: - Как США, да, поживает?

В.В.П.: - Иван, кажи нам континент - то поучительный момент!

Как будто на деле обретя вторые, пусть и искусственные, крылья, Иван в совокупности с камерой и огромной охотой покидает битком набитый павильон с не-совсем-чтобы-Ангелами и резко взмывает под облака. На краткий миг камера оказывается ослеплена лучами восходящего солнца, а затем зрители на какое-то время могут созерцать нежные кучерявые облачки-барашки и пролетающие мимо стаи голубей. Затем совершенно неожиданно камера ныряет вниз, разрезая облака и спугнув очередную стайку ни в чем не повинных птиц, и перед телезрителями раскрывается удручающая в своей однотонности картина.

Куда ни глянь - повсюду сверху видны полуразрушенные и практически обезлюдившие города с покосившимися домами и выбитыми стеклами, по улицам которых гуляет ветер и катает неведомо откуда принесенные перекати-поле и прочие не вынутые из огня каштаны. Временами по одной из улиц стремглав проскакивает какая-либо фигура, отдаленно напоминающая человеческую, которая, однако, своими повадками и внешним видом больше напоминает неандертальцев. Порой же до зрителей доносятся тихие матюки небесного оператора Ивана, и советы поскорее убираться из "этого могильника воняющих макак". Открывшаяся телезрителям картина действительно отчасти напоминает кладбище, в котором оставшиеся в живых либо еще не успели навести порядок, либо уже абсолютно неспособны это сделать самостоятельно. Создается ощущение, как будто этот континент недавно посетила либо крупная природная катастрофа, либо не менее разрушительный по своим последствиям социальный теракт. Картина удручает и оставляет крайне тягостное впечатление на Душе.

Федор: - Это что за обезьянки?

В.В.П.: - Сэр, позвольте, это ж янки!

Федор: - Лица их покрыты страхом?

В.В.П.: - Падать будут с жутким крахом!

Федор: - Шерстью многие покрыты, с братом в войнах подзабиты?

В.В.П.: - Гласу Бога кто не внял, сам себя тот покарал.

Федор: - Янки, пред Богом вы лучше покайтесь ...

В.В.П.: - За море, живо, скорей разбегайтесь!

Федор: - Мой друг, зачем нам обезьяны? Чтоб снова ставили капканы?

В.В.П.: - Достойны море одолеют, а остальные околеют ...

Федор: - Какой же жалкий то конец! Теперь там форменный звиздец!

В.В.П.: - Довел их всех капитализм, теперь шагать в феодализм.

Федор: - Все расползается по швам ... там много княжеств ныне там?

В.В.П.: - Почти их столько, сколько штатов ... а с Уолл-Стрит волна всех гадов, смотри-ка, за море ползет!

Федор: - Гад от Закона не уйдет!

В.В.П.: - Конечно, Федор, мудр Закон - ведь Справедливость в сути он.

Федор: - Будут пытаться за море коль плыть, их самолеты все могут свалить?

В.В.П.: - Судна тонуть могут тоже начать ... им не придется отныне скучать.

Федор: - Ну вот, что с янками то стало ...

В.В.П.: - Природа дерзко покарала! Цунами и смерчи там ныне все бродят, и чем поживиться порой не находят.

Федор: - То поучительно столь как ... всяк злобный сам себе стал враг.

В.В.П.: - О том давно уж всем известно. А назидание - полезно.

Федор: - Уроком миру видно стали, Закон Небес коль столь попрали ...

В.В.П.: - За то ответственность нести тому народу в их пути.

Федор: - А как живет их брат-еврей?

В.В.П.: - Иван, кажите нам скорей!

В которой раз грустно вздохнув прямо в камеру, Иван с облегчением вздыхает и вновь воспаряет под небеса, и, руководствуясь одному ему ведомыми ориентирами, летит прямиком по направлению к священному граду, из-за святости которого было уже пролито столько человеческой и, видимо, не святой крови. При подлете, однако, оказывается, что небо над Иерусалимом плотно покрыто черно-серыми тучами, тут и там сверкают молнии, озаряя темный небосвод, и уже начал капать крупный дождь. В камере вновь раздается толи беззлобная ругань, толи едкий смешок Ивана, и она, камера, начинает покрываться самыми что ни на есть живыми и мокрыми каплями влаги. Затем, однако, перед телезрителями мелькает рука оператора, которая во всей своей необъятной моще с легкостью протирает камеру самой собой, и недвусмысленно выставляет всем на обозрение большой палец, поднятый вертикально вверх. Проходит еще секунд пять и перед взирающими в экраны своих телевизоров открывается шокирующий неподготовленного созерцателя вид: отчетливо видно, как огромные массы людей собрались перед столь плачевно знаменитой Стеной Плача и в каком-то пьяном угаре, больше, впрочем, напоминающем исступленное отчаяние, бьются головами об эту самую плачевную стену. Бьются, впрочем, не очень сильно, поскольку ни у одного из них, насколько хватает взгляду, не видно и следов от сильного удара лбом. Глухие звуки “бом!” в сопутствии с высокими вскриками “Ай!”,“Ой!” и даже “Эх раз, да еще раз!” наполняют пространство. Картина напоминает попытку всеобщего народного прилюдного раскаяния не самым оригинальным для этого способом. Бьющиеся о мостовую капли влаги довершают плачевную картину плача.

В.В.П.:- Взгляните, друг, на стену плача - не видел мир такого срача!

Федор: - Вот это да! Башкой, об стену?! В евреях вижу перемену!

В.В.П.: - Все в исступлении уж бьются, и крокодильи слезы льются ...

Федор: - Огонь небесный пал на град, наш друг-еврей тому не рад?

В.В.П.: - Считал все деньги, но до срока ... волна их ждет еще потока.

Федор: - Вода с огнем почистят их, коль дух тельца в них все не стих.

В.В.П.: - О них что думаете, друг - озвучить можно это вслух?

Федор: - Мое вот мненье без обиды - что есть евреи, а есть жиды.

В.В.П.: - И средь овец бывают волки ...

Федор: - А в США у них двустволки!

В.В.П.: - Им не поможет их наган, падут все в собственный капкан.

Федор: - Тельцу где служат люди ярко, там может стать ужасно жарко?

В.В.П.: - Тех солнце может сильно жечь, чья злоречива в жизни речь.

Федор: - Решат стихии, жечь кого. А как чиновник наш?

В.В.П.: - Того!

Федор: - Того иль этого? Не понял!

В.В.П.: - Кто воровал страсть много - помер.

Федор: - А кто немного воровал?

В.В.П.: - Закон им тоже всем воздал.

Федор: - Увидеть в красках можно это?

В.В.П.: - Вопрос оставлю без ответа.

Федор: - Ты так ответил односложно ...

В.В.П.: - Конечно, глянуть это можно!

Камера вновь взмывает вверх, вылетая из пространства черных туч, и устремляется по направлению к Москве. Через непродолжительное время бывший еще совсем недавно черным небосклон внезапно озаряется солнечным сиянием, блики от света которого начинают тут и там играть на объективе одним им ведомые аккорды. Через совсем уже непродолжительное время перед телезрителями в реальном времени выплывает изображение собора Василия Блаженного и с высоты птичьего полета раскрывается панорама Красной Площади. Отчетливо видно, как по вышеназванной площади под военным конвоем шествуют все первые лица государства, ныне ставшие практически последними, злобно озираясь на отнюдь нелояльных к ним военных и улыбающийся и празднующий народ. Со стороны указанных последних лиц слышатся маты, нецензурная ругань и обещания "восстановить справедливость" - о какого рода справедливости, впрочем, идет речь, не уточняется. Конвоиры периодически подпинывают их ногами, помогая забраться в приготовленные бронированные и зарешеченные фургоны под ободрительные возгласы стоящих поодаль людей. На лицах уходящих по этапу воров государства российского видна совершенно неподдельная смесь страха, удивления, тоски и разочарования. По всему видно, что они все-таки не ожидали именно такого финала.

Федор: - Смотрю, бегут теперь все вон, разрушен сытости был сон?

В.В.П.: - Чиновник с гор со всех упал ... весна покажет, кто где срал!

Федор: - Он памятник себе воздвиг сплошь рукотворный ...

В.В.П.: - К нему все ж зарастет народная тропа!

Федор: - Его конец, похоже, столь позорный ... Его запомнит ль мир?

В.В.П.: - Едва!

Федор: - Он убегает за моря, и спину жжет, смотрю, заря ...

В.В.П.: - В надежде добрые все люди ... о Боге Весть их, видишь, будит?

Федор: - А это что? Вот это да! В Сибирь все едут навсегда?

В.В.П.: - Состав уходит из Кремля, и кремлядь, вот, кричит вся "бля!" ...

Федор: - Я не сниму пред теми шляпу, в Сибирь кто едет по этапу ...

В.В.П.: - Народ в Сибирь воров сослал, своею шапкой закидал!

Федор: - Что, шах и мат? Давно пора! К концу подходит их игра ...

В.В.П.: - Второй состав ты видишь там?

Федор: - Тем либералам стыд и срам!

В.В.П.: - Друг друга хая все смертельно, в составах едут параллельно ...

Федор: - И дразнят как друг друга, глянь! Ну что за мерзость, что за дрянь?!

В.В.П.: - Им вместе там не скучно будет, состав в Сибирь когда прибудет.

Федор: - Охотно верю в это я! Пусть пухом будет им земля!

В.В.П.: - Народ когда-то вот, ссылали, но их самих туда послали!

Федор: - Бежит, бежит, трусливый вор! Эх, где же прошлый мой топор?!

В.В.П.: - Ну вот, опять за топоры!

Федор: - То элемент, мой друг, игры. Топорик знатный раньше был, но мой герой его зарыл и шпагу слова ныне взял ...

В.В.П.: - И в мир пришел такой аврал!

Федор: - Плечом к плечу в строю с друзьями, вещать позволено стихами!

В.В.П.: - Создатель дал возможность эту?

Федор: - Будить нам Вестью всю планету!

В.В.П.: - То величайшая есть честь, простится пусть мне эта лесть!

Федор: - И разливается, вот, Весть, что мы все с ними снова здесь ...

В.В.П.: - Не видел мир такого счастья, уходят тучи все ненастья.

Федор: - Страна воспрянет ото сна, приходит снова в мир весна!

В.В.П.: - И уползает зверь в берлогу ...

Федор: - Весна идет, весне дорогу!

В.В.П.: - Боятся света тараканы, во тьме все ставили капканы ...

Федор: - Но вот Хозяин дома здесь - и светит праведная Весть.

В.В.П.: - Огонь им спины все пожжет, и таракан не доползет - лишь горсткой пепла станет он, не будет больше уж рожден.

Федор: - Россия, вижу, вся в надежде. А что с саксонами?

В.В.П.: - В одежде!

Федор: - Они что, голы раньше были?

В.В.П.: - Уж акваланги нацепили!

Федор: - Давно на нас тая обиду, уплыть решили в Атлантиду?

В.В.П.: - У них нет дома своего. Немного Англия ... того.

Федор: - Империя рухнула и вот им спать то горе не дает?

В.В.П.: - В угли войны коль страстно дули - то вот воды сейчас хлебнули.

Федор: - Вот это да! Они буль-буль, коль повернули к бездне руль?

В.В.П.:- Стихия им дала ответ, и Атлантида шлет привет.

Федор: - В тумане что за свет стоит?

В.В.П.: - Огонь Шотландии горит!

Федор: - Вот это да! Сыны все ж гор!

В.В.П.: - И скачет мир во весь опор ...

Федор: - Глупец то думал, что все вздор.

В.В.П.: - Видны иные измененья, мудреет быстро поколенье!

Федор: - Хотел бы глянуть я на то, вы намекаете про что.

Кремлевская площадь начинает резко удаляться, все уменьшаясь и уменьшаясь, оставляя чувство гордости в душе за российский народ, камера начинает петлять по улицам, и внезапно останавливается перед какой-то крупной столичной библиотекой, перед вратами которой полыхает самый что ни на есть настоящий пожар! Рамки его и границы, впрочем, успешно контролируются проходящими тут и там процессиями с факелами, которые помогают гореть сваленной в кучу бумажной макулатуре и контролируют, дабы пепел ее ветхих знаний не разносился дующим ветром слишком далеко по миру. На лицах участников процессии можно заметить удивительную смесь скорби и внутренней радости одновременно. Периодически тут и там раздаются боевые кличи в духе "Гори-гори ясно, чтобы не погасло!". Действо интригует, шокирует и завораживает усиленно и практически неостановимо.

Федор: - Что за поля там полыхают?

В.В.П.: - Они учебники сжигают!

Федор: - Чтоб мудрость вечную просечь, собрать бы книги те, да сжечь?

В.В.П.: - Все ветхо знание есть прах, пред жизнью лишь внушает страх.

Федор: - А радость жизни нам дает за Богом солнечным полет!

В.В.П.: - Давно пора летать всем нам. В машинах ездить - что за срам?

Федор: - Машины все ж нужны пока, их переделать бы слегка.

В.В.П.: - Иное топливо готово, ведь нефть - грязнейшая основа.

Федор: - Земля пускай уж отдохнет. Открытий новых ждет черед.

В.В.П.: - Да, не грозит научна скука, коль есть духовность плюс наука.

Федор: - А коль лишь смесь ума-апломба, то в мир приходит только бомба.

В.В.П.: - Не строят люди больше бомб, себе не роют катакомб.

Федор: - А с тем, что есть, как поступают?

В.В.П.: - Все потихоньку разбирают!

Федор: - В каком же плане? С ним всем в бой?!

В.В.П.: - Да нет же, друг, к Душе домой!

Федор: - Я испугался было, право. За то, конечно, им всем слава!

В.В.П.: - Да, столь свободного металла планета наша все ж не знала!

Федор: - Куда девать его, не знают, коль скоро пушки расплавляют?

В.В.П.: - Металлов много накопали, но не туда вот применяли.

Федор: - Теперь пора на дело тратить. Скупой военный дважды платит!

В.В.П.: - Вот только чем ж ему платить? Без денег как скупцам прожить?

Федор: - А деньги как?

В.В.П.: - А денег нет!

Федор: - Откройте мне о том секрет!

В.В.П.: - Невинности вернулись дни, и снова с бартером они.

Федор: - Вот это да! А курс валют?

В.В.П.: - Ты глянь, как брокеры живут!

По всему видно, что небесный апологет Иван очень неохотно прощается с созерцанием горящих полей ветхих книг, столь завораживающих взор неподготовленного зрителя, но, тем не менее, любопытство вкупе с чувством долга наконец-таки берет свое, и он, прощально махнув рукой всей факельной процессии, и крикнув им что-то в духе "Hasta la vista!", наконец в который уже раз за сегодняшний день уходит птицей в небеса. Какое-то время он продолжает привычно петлять по улицам города на уровне третьего-четвертого этажа зданий, а затем с галопу, если, конечно, такой термин применим и к подобного рода способу движения, влетает в открывшиеся дверцы валютной биржи. С ходу становится видно, что некогда полнившая сие заведение неразумия бессмысленная суета сует канула в лету, поскольку основными жителями сего заведения стали преимущественно только крысы, тут и там ползающие по паркетам, да слоняющиеся с тоскливыми выражениями лица индивидуумы сомнительной степени разумности, периодически и хаотически разражающиеся воплями наподобие "Голубые фишки, голубые фишки - это наши мишки, это же коврижки!", "Отдам за пять, возьму за три, и лишних слов не говори!", "Быки и медведи нам всем не соседи ... давайте подальше отсюда уедем!". Подобный хаос дополняют тут и там разбросанные пачки купюр самых разных форм и расцветок, на некоторых из которых уже успели отметиться вышеупомянутые крысы. В целом картина создает ощущение дурдома, из которого ушли все врачи и подавляющее большинство пациентов, и остались только самые упорные из вторых.

Федор: - Занятно, право ... поделом! Валюты биржа есть дурдом!

В.В.П.: - Живут на них сплошь паразиты. Но вот теперь их карты биты.

Федор: - Им в детский сад бы иль за парты ... ну а они ж играют в карты!

В.В.П.: - Идут под гору - и не знают ... их всех желанья ослепляют.

Федор: - О том им пелось так давно, но все равно плывут на дно ...

В.В.П.:- Смотреть о них не будем боле ... то выбор их свободной воли.

Федор: - Так, на попов уже смотрели ...

В.В.П.: - Открыли тюрьмы ныне двери!

Федор: - Неужто выпустили тех, не совершал кто смертный грех?

В.В.П.: - Дали грехи искупить тем возможность, Бога Закона кто внял непреложность.

Федор: - Что же, пускай обнажат свою суть, жизни величье познав по чуть-чуть.

В.В.П.: - Будем надеяться, время им хватит, демон их больше что уж не захватит.

Федор: - Ангел-Хранитель у каждого есть, к Свету идти с ним есть радость и честь.

В.В.П.: - Многи, надеюсь, то скоро поймут.

Федор: - Как же поэты отныне живут?

В.В.П.: - Песнь о Боге все поют, и пророчества всем шлют!

Федор: - Петь хочу и я, как птица!

В.В.П.: - В лес, Иван! Прощай, столица!

Иван внезапно разражается победоносным криком “Яхуууу!” и вылетает прочь из помещения бумажного нервотрепства, постепенно все набирая высоту и как будто стремясь поскорее покинуть черту этого города. И вот, наконец, перед телезрителями начинают проплывать лесные массивы, камера ныряет резко вниз и как будто зависает на ветке какой-то из сосен. Спустя секунд десять становится понятно, что Иван просто-напросто с лету сел на приглянувшуюся ему ветку дерева, аки классическая птица. Спустя еще секунд тридцать до зрителей доносятся тихие счастливые присвистывания, причем определенно человеческого генезиса. Перед телезрителями раскрывается вид на лесную полянку и кусочек небосклона, оказавшийся в объективе телекамеры как нельзя более кстати. Кажется, будто даже ведущему передалось мечтательно-весеннее настроение Ивана.

В.В.П.: - Не жить нам больше уж, как встарь!

Федор: - И стая птиц уходит вдаль ...

В.В.П.: - А это голубь мира кружит?

Федор: - И Гусь отныне уж снаружи.

В.В.П.: - Вы, я смотрю, любитель птиц!

Федор: - Они предвестники зарниц.

В.В.П.: - О да, все небу столь близки ...

Федор: - Поют, ты слышишь, петухи?

В.В.П.: - То боевая, Федор, птица!

Федор: - И соловья, вон, трель струится ...

В.В.П.: - Ах соловей, какая душка!

Федор: - Считает, слышишь, дни кукушка?

В.В.П.: - Упал на землю ястреб, глянь. Жрут муравьи ... какая дрянь!

Федор: - Судьба печальна хищных птиц - на них достаточно лисиц.

В.В.П.: - А на лисиц довольно псов.

Федор: - И стрелки тикают часов ...

В.В.П.: - И птички малые поют.

Федор: - Ручьи Реки Времен все льют.

В.В.П.: - Время иного достигло уж пика. Вас называют ведь Дети Индиго?

Федор: - Мне все равно, как все нас назовут. Мир измененья важнейшие ждут!

В.В.П.: - И это знанье непреложно! Ведь снова встретимся?

Федор: - Возможно.

Ваш выбор, люди!

В глаза ударил слепящий свет неоновой рекламы.

“Только у нас! Свободный секс! Мужчины-женщины, мужчины-мужчины, женщины-женщины! Все сочетания! Всего 20 кредитов за незабываемую ночь! Сделай себя счастливым! ”.

И тут же рядом на другом здании - “Виртуальный секс с мировыми звездами! Почувствуй себя знаменитым! ”.

Медленный разворот. Первое, второе, третье здание - все, насколько хватало взгляду, сверкали красными и бардовыми огнями и предлагали почувствовать “истинный вкус жизни”, как было написано на вывеске очередного приземистого сооружения, зазывающего “грандиозных жителей нашей столицы” принять уникальное участие здесь и сейчас в вызывании “могущественных духов с потусторонних планов” под руководством “великого прорицателя и пророка”, чье имя “настолько могущественно, что не может даже произноситься вслух”.

Рядом проходили люди - все они были одеты в какие-то темные одежды и лица их были склонены к земле. Казалось, они совсем не замечали его.

Что за странный мир? Он не помнил себя в нем раньше.

Он медленно пошел вперед, изучая окрестности города. В том, что это город, уже не было никаких сомнений.

По улицам тянулись длинные ряды тусклых фонарей, еле-еле освещающих ближайшие окрестности на расстоянии десяти-пятнадцати метров от них. “И как они здесь могут хоть что-то различать в такой темноте?”, - пришло запоздалое изумление.

Но живущие здесь, похоже, и не хотели ничего видеть, кроме лишь немногих вещей.

Вот какой-то согнувшийся житель города вбежал в одно из зданий рядом с ним. Человек повернул голову, чтобы разглядеть очередную вывеску. Крупными переливающимися темно-малиновыми буквами на ней значилось:

“Бои без правил. Жизнь - лишь мгновение в вечности. Смерть - освобождение.

И ниже еще - “Собственность службы охраны жизни грандиозных жителей грандиозной столицы”.

И снова ударивший в виски толчок мысли - “куда же я попал?’.

* * *

Он брел и брел по улицам этого ночного города, и все новые и новые картины открывались ему.

“Ближний - всего лишь человек. Ты - Бог. Докажи это! Лучшее оружие с военных складов! Жизнь - тюрьма. Смерть - освобождение”. И ниже снова знакомые уже слова - “Собственность службы охраны жизни грандиозных жителей грандиозной столицы”.

И снова, снова, снова ... Ослепляющий свет бардовых огней ...

“Виртуальный клуб ‘Иллюзия’. Виртуальная модель столицы и ты - ее властелин. Почувствуй себя на месте Бога! Собственность корпорации Virtulex Enterprise”.

“Рулетка судьбы. Твое вращение “барабана”, смертный!” И опять чуть ниже приписка - “Место, где не бывает проигравших, ведь жизнь - проклятие, а смерть - освобождение!”

“Мы - не рабы. Дадим отпор агрессору! Проголосуй за проект “Прах”. Каждому напавшему - по атомной бомбе!” Ниже - “Институт социологических исследований при Министерстве Нападения и Обороны”.

Здания, здания, здания ... Огни, огни, огни ...

Этот город сводил с ума. Что-то дергало и пыталось заставить его поступать так же, как все - так же, забыв обо всем, бежать в ближайший кабак, или секс-танц-клуб, или виртуальную “забегаловку” - и там на многие часы вновь забывать обо всем.

О том, кто ты есть. О том, кем ты должен быть. И о том, кем ты стал ...

Казалось, что-то чудовищное легло на его плечи, пытаясь придавить, расплющить, обратить в ничто несогласного с этим порядком вещей. Сам город, казалось, пытался расправиться с дерзким вторжением, не соответствующим его сущности - и его правилам жизни.

Он шел и шел, уже который час - уже еле передвигал ноги. И все-таки он шел, надеясь хоть где-то встретить проблеск света. Но куда бы он ни заворачивал, на каждой улице - все то же. Все те же горящие бардовым пламенем здания, все те же скорченные люди, с каким-то отсутствующим выражением глаз входящие и выходящие из них, все те же человеческие слова, неизменно складывающиеся в нечеловеческие фразы.

Он не мог уже идти - ему внезапно страшно захотелось лечь и умереть. Просто - лечь и умереть - чтобы только не видеть это, чтобы больше не увидеть этого - никогда. Как страшный сон - не увидеть.

Еще шаг. Еще. Еще. Удар - и он обнял руками землю. Забытие ...

* * *

Он открыл глаза и приподнял голову над землей, пытаясь вспомнить, что произошло. Различил какое-то здание перед собой - и резкая вспышка озарила память.

“Н-е-е-т-т-т! ”. Только не здесь! Только не здесь снова! “

Это был не сон - это был тот же город. Ничего не изменилось, разве что стало еще темнее - видимо, ночь полностью вступила в свои права. Тогда он вновь уронил голову на землю и застонал - от отчаяния и безысходности. Он не хотел здесь жить - и должен был. Зачем? Зачем? Зачем?!

Тишина. Гробовая тишина. Ночной город уже спал.

Молча он лежал на вымощенной черным мрамором гранитной мостовой - и также молча слезы текли из глаз, оставляя за собой прозрачный след. Он не помнил, что было потом - милостивая память стерла для него последние мгновения. Когда он вновь очнулся, он помнил лишь свое отчаяние - и город, в котором он был, город, темной громадой заслонивший солнце.

Он отчетливо помнил все это. Он помнил еще многое.

Он помнил, как он потом поднялся, и вновь медленно побрел по улицам. Пошел - уже не зная куда. Ему надо было хоть куда-то идти, надо было делать хоть что-то, чтобы только не думать об ужасах этого мира - ужасах, созданных его же жителями.

Он шел мимо открытых зданий секс-танц клубов и видел сотни и сотни обнявшихся полуобнаженных тел, в пляске под разрывающий бой какого-то ритма прыгающих и вертящихся.

Видел, как тройка каких-то людей на улице дружно воткнули себе в руки какие-то длинные напоминающие шприцы устройства, после чего с довольным выражением на лицах повалились прямо здесь же мостовую.

Видел, как в каком-то переулке, в который он случайно завернул, трое каких-то людей порывисто прижались друг к другу, и начали быстро снимать друг с друга одежду, а затем упали на землю и начали кататься по ней.

Он видел еще многое. Ему не давали это не видеть.

Он видел перед собой планету и континенты. Видел, как в различных местах планеты начинали появляться и росли темные пятна. Видел, как в других местах появлялись светлые точки, они тоже росли и расширялись - и сталкивались с темными волнами - и рассеивали их. Но их было очень мало - и наплывавшие темные волны поглощали многих без следа. Постепенно темные пятна заполняли и заполняли континенты один за другим - тогда какое-то бардовое пламя окружало их - и они исчезали с карты планеты, покрываясь огромной темной тучей. В такие мгновения дикий нечеловеческий смех заполнял пространство и заставлял его порывисто зажимать уши.

А потом внезапно земля затряслась, и он упал, сбитый с ног.

Казалось, сама планета начала разрываться на части. По всем улицам, насколько хватало его взгляду, внезапно пошли трещины - и из каждой такой трещины начал прорываться подземный огонь. Новым подземным толчком его отбросило прочь.

Сама земля начала полыхать. Неизвестный подземный огонь образовывал сначала небольшие пламенные точки, затем линии и начинал сливаться и объединяться, поглощая все новые участки земли. Огонь подбирался к зданиям и они - неизвестно как - тоже начинали полыхать.

Но жителям этой грандиозной столицы, похоже, не было совсем никакого дела до происходящего бедствия. Через открытые двери очередного секс-танц клуба он мог видеть, как точно также массы людей, плотно обнявшись, вертелись и в исступлении что-то орали - в уже полыхающем здании.

“Ведь они же погибнут, ведь они же сейчас умрут! Я должен их спасти!”, - полыхнули мысли в полу-затушенном болью от удара о мостовую сознании.

“Они уже умерли, - пришел откуда-то из глубины голос, - ты ничем уже не можешь им помочь. Они сами сделали свой выбор. Своими мыслями и жизнями они сами вызвали гибель планеты - и свою собственную гибель”.

Охватившее здание секс-танц клуба пламя становилось с каждой секундой все сильнее - теперь полыхали уже все этажи.

Наконец огонь добрался и до нижнего - в одно мгновение он поглотил исступленно кричащих и хохочущих людей ... и в это же мгновение все стихло. Лишь продолжало бушевать пламя, и отблески его освещали некогда непроглядные улицы. Так продолжалось еще несколько минут - всего лишь несколько минут, навсегда врезавшихся в память. Так же, как и все последующие картины.

* * *

Картина изменилась. Город исчез.

Он стоял посреди роскошных зеленых ветвей деревьев какого-то сада. Он поднял ввысь голову - и солнечные лучи осветили лицо. После страшных бардовых огней темного города - Господи, какая же это была благодать! По небу медленно проплывали облака и пролетали птицы, в лицо ему дул освежающий бодрящий ветер.

Он видел солнце живого мира, он видел свет. Тьма ушла, тьма исчезла - ее просто не было.

Остались лишь прохладный ветер, дующий в лицо, лишь раскачивающиеся из стороны в сторону зеленые ветви деревьев, лишь пролетающие по небу птицы и наполнивший Душу восторг.

Крик радости вырвался из груди - он кричал долго и громко. Он вновь был живым среди живых. Он был в живом мире.

А потом он вновь получил ту удивительную возможность созерцать весь мир сразу. Как на ладони - созерцать.

Он видел раскинувшиеся по континентам зеленые поля. Видел людей, работающих и живущих на них, на лицах их были улыбки - было видно, что они рады жить здесь и трудиться. Он чувствовал атмосферу счастья, разлитую над планетой. Он видел, как радостно и с воодушевлением работали люди - художники, поэты, простые пахари и рабочие ... все - от мала и до велика. Здесь не было ненужной и неважной работы.

Он видел все это - и сердце его обливалось благодатью.

Он видел, как растут и появляются светлые точки, как они расширяются, как озаряют континенты, как эти светлые лучи возносятся к небу - и небеса планеты отвечают на них ослепительным завораживающим сиянием. Он видел, как озаряется атмосфера планеты, как она очищается от темных лучей - и как свободно начинают дышать люди. Как они расправляют плечи, как на лицах их появляются улыбки счастья ...

Он видел еще многое. Это были минуты, навсегда врезавшиеся в память.

А потом уже иной мир нагрянул на него.

* * *

- Джон, что с тобой?! Очнись, Джон!

- А ... что со мной?

- Это у тебя лучше спросить. Мы шли по парку, и ты вдруг внезапно покачнулся и упал. С тобой все в порядке?

- Да. Да ... все ... хорошо.

- Что с тобой случилось?

- Я ... я не знаю. Просто ... просто я видел два будущих ... и два выбора ... два совершенно разных выбора. Как небо и земля – разных ... два пути. Понимаешь? Две дороги для людей - для человечества.

- Два выбора? Два пути? О чем ты говоришь, Джон? Похоже, ты действительно все-таки слишком сильно ударился головой при падении. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Ничего. Уже скоро ты почувствуешь это - и все поймешь. У тебя будет твой выбор. У каждого из нас есть наш выбор.

А теперь - как считаешь - может наперегонки до конца аллеи?

02.01.2005

Верующий

Ты ведь верующий, правда? Ну, скажем, истинный христианин, неукоснительно выполняющий все церковные ритуалы. Очень, очень набожный человек. Каждую неделю ты ходишь в церковь на молитву и исповедь, и потому душа твоя пребывает в состоянии наивысшей гармонии и чистоты, помыслы в крайней степени добродетельны, а из рук твоих так и струятся дела добрые и справедливые. Должно быть, уже совсем скоро у тебя вырастут крылья, и ты воспаришь к небесам аки небесный ангел, которых столь часто рисуют на иконах. Ты просто великолепен. И разве есть в этом мире кто-то достойнее тебя, кто-то, заслуживающий спасения своей души в большей степени?

Вот ты выходишь с исповеди, и лицо твое сияет в блаженной улыбке, ведь ты правдиво и не особо стесняясь рассказал о своем недавнем грехе священнику, и он простил тебя. Теперь, конечно же, тебе больше не о чем беспокоиться. Да и грех то - сущая мелочь! - какая-то небольшая финансовая афера с детским домом. Ну не получат они причитающихся им денюжек - ну велика ли беда? А тебе хватило лишь одной десятой части этих средств, чтобы “позолотить ручку” своему любимому и всепрощающему батюшке, - и вот ты снова чист аки ангел божий, - очень удобно! Не согрешишь - не покаешься, верно? В прошлый раз изнасилование стоило, впрочем, несколько дороже, - но ведь чего не сделаешь ради собственной души, правда?

А какие пышные убранства были в том самом храме, какие резные иконы, подсвечники, канделябры! У тебя аж дух захватило, когда ты созерцал всю эту роскошь. Чего только не сделаешь ради истинной веры, правда? Да и что бы это была за вера без всего этого золотого великолепия, верно? Сущее неверие и безбожность!

Ты уже почти готов был сесть в свой удобно припаркованный у стен храма черный БМВ, как заметил какого-то хромого нищего, ковыляющего по направлению к тебе с протянутой рукой. Он, конечно же, во имя Господа попросил у тебя денег на хлеб. “На, подавись!” - процедил ты сквозь зубы и кинул ему горстку монет. Я же говорил, что ты очень и очень набожный человек - само милосердие! Когда с диким ревом и выпустив кучу дыма твоя машина сорвалась с места по новым делам, этот попрошайка все еще продолжал ползать на коленях по брусчатке, продолжая собирать выброшенные тобой медяки. До чего же низко пали некоторые из людей! Ты то, разумеется, выше их.

Какое же это неописуемое блаженство - чувствовать себя великим! Более высоким, более зрелым, более достойным, более праведным, более верующим, более набожным, чем многие из твоих собратьев. Именно поэтому ты столь часто после очередного бизнес-дня приезжаешь в этот храм на молитву. Ты просишь Бога спасти твою чистую душу и отправить в ад души всех своих врагов. А затем ты немножко золотишь ручку своему любимому батюшке. Конечно, в тебе нет абсолютной уверенности в том, что Бог действительно слушает подобные молитвы, и что именно он помог тебе сколотить состояние на обманах и грабежах, но … разве может быть храм местом поклонения не Богу, а его противнику? Что ты, что ты, ну, конечно же, нет! Ведь не для того в них вбухивают столько денег, правда?

Ах, какое же это удобное средство - деньги! Универсальное средство покупки чего бы то ни было, даже, например, той же самой молитвы. Да, тебе пришлось заплатить очень внушительную сумму в свое время, но зато за упокой души твоей тещи молилась вся церковная братия, включая главу церкви! Для души ненавидимого тобой человека это, видимо, был очень феерический упокой! Теперь лишь главное, чтобы тебе удалось избежать его самому.

Ты, безусловно, очень набожный человек. Всегда покупаешь куличи с яйцами и соблюдаешь пост. Пьешь "святую" воду местного разлива. Покупаешь свечки исключительно в правильно аффилированных и лицензированных храмах. Пару раз даже присоединился к общехрамовой вакханалии, когда прихожане вместе со священниками завывали какую-то песню. А благодаря усиленному соблюдению поста даже потерял три килограмма из набранных за последний год тридцати. Вот она, суть твоей истинной веры! И разве может вера иметь какую-то иную суть и предназначение?

Вот твой нелюбимый брат, например, никогда не ходил в церковь и вообще не вертится в бизнесе. Работает каким-то жалким чернорабочим на стройке - и вполне счастлив. Удивительное дело, как мало некоторым людям может быть надо! Живет себе со своей женой и двумя детьми в однокомнатной квартире. А при встрече - немыслимое дело! - каждый раз в разговоре благодарит Бога за то, что Он дал ему любимую жену, работу и двух замечательных детишек. А как-то раз вообще обмолвился, что не столько верит, сколько до-веряет Богу в своей жизни. Вот ведь глупый фанатик … экстремист! Может быть, именно поэтому ты окончательно порвал с ним отношения еще пару лет назад. К чему тебе неверующие религиозные фанатики со своими глупостями, да ведь?

А глупости порой случаются - нелепости даже. Недавно ты слышал по телевизору, как во время сильных гроз молнии попали аккурат в макушки нескольких городских церквей, но … чистая случайность, правда? Да и жизнь, если подумать, случайная штука, да? Впрочем, возможно, как и смерть. Ведь не могут же и они быть в руках Бога?

Конечно, ты очень на-божный и верующий человек - потому что вместе с другими подобными тебе паразитируешь на Боге и веришь в то, что поклонение золотому тельцу есть поклонение тому, чье незримое присутствие в своей жизни ты так ни разу и не ощутил …

21.08.2011

Вы

Вы говорите, что Бога нет. А я говорю вам, что Его нет исключительно для вас.

Вы скорбите о том, что Он давно покинул ваш мир. А я отвечаю, что вы сами отгородились от Него в своем маленьком мирке, не имеющего ничего общего с миром большим.

Вы сетуете, что жизнь жестока и несправедлива. А я рекомендую вам посмотреть на себя в зеркало грядущим утром.

Вы скорбите об умерших как о потерянных для мира навсегда. А я берусь утверждать, что все они оказались потерянными исключительно для вашего себялюбия.

Вы проклинаете труд, считая его рутиной, бесцельно отнимающей время жизни. А я вопрошаю вас, во что превратилась бы ваша жизнь без вашего труда над самим собой?

Вы ненавидите врагов ваших. А я знаю, как все они становятся камнями не-преткновения на дороге жизни, когда у вас, наконец, вырастают крылья для полета.

Вы все жаждете любви, но не находя, готовы прыгнуть со скал разбитых надежд в пучины ненависти. А я жажду узнать, какова подлинная ценность подобных чувств.

Вы утверждаете, что в жизни нет смысла и стоящей цели. А я шепну вам, что вы даже не пытались искать.

Вы декларируете невозможность возможного, и отрицаете невероятность очевидного. А я вижу, как ранее невозможное становится очевидным, и невероятное возможным.

Вы догадываетесь, что жизнь немыслима без движения. А я прошу вас не путать порывы Души с мелочной суетой.

Вы переживаете, что не понимаете других. А мне интересно спросить вас - “А знаете ли вы хотя бы себя?”

Вы гонитесь за жизненным успехом в надежде успеть его получить, и готовы идти по головам других. А я говорю вам, что вы всегда опаздываете, потому что идете не той дорогой.

Вы кичитесь, что познавшим не нужна вера. А я спрошу вас, смогли ли бы вы познать, не веря в возможность познаваемого?

Вы говорите о щедрости, и делитесь при этом черствой краюхой хлеба, продолжая упихивать за обе щеки красную икру. Вы говорите о доброжелательности, и заносите за спиной другого нож. Вы говорите о мудрости, и рассказываете друг другу тысячу и один способ обмануть ближнего. А мне хочется верить, что вы однажды раскроете глаза и перестанете путать тьму со светом.

Вы вопрошаете, как я могу утверждать то, о чем не знаю. А я советую вам высыпать прах из котомок знаний ваших.

Вы скажете, что я повторяюсь и вновь прохожу пройденные участки пути. А я попрошу вас посмотреть ввысь.

Вы скажете, что это банально. А я буду продолжать надеяться.

Вы скажете, что все это уже слышали и проходили. А мне вновь придется с грустью в глазах наблюдать вас проходящими мимо ...

17.09.2010

Гнев войны

Свист летящего снаряда. Рассекаемый железной болванкой воздух. Взрыв. Взрыв - за соседним холмом.

Мимо. И этот - мимо.

Жив. Я жив! Пока жив.

Промазали, чуть-чуть - но промазали. Повезло?

А сколько еще раз ему должно повезти за эти дни, чтобы он остался жив? Сколько?

Впрочем, могло быть и хуже - гораздо хуже. Хуже, чем когда ему прострелили легкое, и он с тех пор дышал с трудом, с какими-то всхлипами вбирая в легкие воздух и выпуская его наружу - еще теплый, согретый его организмом воздух ... воздух войны и разрушений. Еще хуже, чем когда взрыв гранаты напрочь лишил его трех пальцев руки ... вместо них - окровавленные ошметки.

И все-таки он жив, жив в этой безумной войне. Жив среди сотен и сотен безумных. Надолго ли он жив?

Рядом прострочил пулемет. В окопы! - туда, где его не достанет смертоносное железо. К земле - земле родной страны ... страны, еле сдерживающей натиск врага. Врага ... Как, когда эти люди, точно такие же, как он сам, когда они успели сделаться ему врагами? Почему врагами? Что за чудовищная нелепость и ошибка должна была свершиться, что они вдруг стали врагами? Очередное безумие?

Как бы то ни было, теперь они враги. Даже хуже - голодные звери, пирующие на трупах убитых и раненых, радующиеся каждой смерти ненавистного врага ... очередной оборванной нити жизни какого-то человека ... человека. Нет, они не похожи на людей, уже - не похожи. Никто из них теперь - не похож. Они были похожи раньше - в его прошлой жизни, но теперь - нет. Нет.

С тех пор, как началось это безумие войны ...

И вновь свист пулемета и - отчаянный вскрик где-то далеко в этих окопах. Его товарищ погиб - обрат по родине, по вере, по обычаям. Еще один пресекшийся жизненный путь. Еще одно горе и страдание для его родителей - если, конечно, они все еще живы ... Еще одна жизнь, положенная во имя ... чего? Во имя чего ведется вся эта война? Территории? Ресурсов? Денег? Мирового влияния? Но как мелки и ничтожны эти временные цели по сравнению с одной - да, с одной пресекшейся человеческой жизнью! А таких за день - сотни и сотни.

Враги не умели жалеть. Они не хотели понимать. Они должны были - убивать, убивать - врагов. Таких же, как они сами.

И это было - самое ужасное, самое безумное, что только мог придумать ослепленный властью и богатством человеческий разум. Ошибка, чудовищная ошибка ... непростительная ошибка. Ошибка, цена которой - пролитая кровь - кровь раненых и умирающих людей, кровь тех, кто когда-то были ими. Ошибка, цена которой - разрушенные города и уничтоженные семьи, исковерканные людские судьбы. Ошибка, цена которой - развязанная вражда двух народов.

Война ... и сколько еще продлится эта война? Пока не будет уничтожен последний солдат? Пока не будут стерты с лица земли важнейшие города врага? Пока пламя скорби не разгорится по всем далеким горизонтам этой страны- страны, судьба которой - быть покоренной. Стать сырьевым придатком более могущественного государства и - более агрессивного - начавшего войну, совершившего чудовищную ошибку, за которую придется заплатить обоим.

Им не выстоять - он это знал. Техника, оружие, ресурсы - у врага всего было в избытке.

Гораздо больше, чем у них. У них было только одно, что сыграло с ними такую злую шутку - ресурсы, богатство недр Земли - родной земли, на которой ему придется умирать. Ему придется умирать, видя наступающие победоносные силы врага, видя их гордый слепой восторг победы, видя их ненависть к выжившим - не солдатам ... к выжившему мирному населению - если, конечно, таких будет много. Он надеялся, что таких будет много. Таких должно остаться - много, чтобы когда-нибудь через десятки и десятки лет его страна смогла возродиться.

И все же он должен воевать - воевать вместе с другими такими же еще юношами, быстро мобилизованными и согнанными на фронт вскоре после начала войны.

Наспех обученными. Слегка вооруженными. Не убийцами - живыми людьми.

Пулеметная очередь стихла, и он слегка поднял голову. Так и есть - вражеская пехота наступала полным порядком. Эх, сейчас бы сюда что-нибудь тяжелое - танк бы какой-нибудь. Или танки. Но все крупные силы были мобилизованы по другим направлениям. А их оставили сражаться здесь, против многократно превосходящих сил врага, оставили практически без средств защиты. Оставили - умирать. Ну что ж, подумал он - придется умирать. Иного выхода, похоже, нет. Жаль только, что его смерть практически ничего не даст.

Внезапно он поймал себя на мысли, как сможет умереть так, чтобы захватить с собой еще как можно больше врагов, ведь с врагами не разговаривают, врагов - уничтожают. Но стали ли они бы уничтожать его, если бы случайно встретились в других условиях и в других обстоятельствах? Быть может, они бы стали даже друзьями. Да, друзьями с тем молодым солдатом, что так неумело вылез вперед ...

Зарядка автомата ... звук извлекаемой и вставляемой обоймы. Выстрел. Высунувшийся вперед солдат врага падает с пробитой головой ... Ну вот, еще один враг повержен. Безжалостно убит.

Безумие ... это настоящее безумие. Превращенные в животных и натасканные на убийства люди.

Нелюди? Есть ли люди на войне, люди - солдаты? Солдаты, оставшиеся людьми?

Он встречал и видел возвратившихся с войны не раз - практически никто из них не мог прижиться в мирной жизни. Приживались - единицы. Потому что это война. Потому что это безумие.

Враги наступали - не таясь, методично и открыто. Они видели и чувствовали свою победу - они пировали свою победу, со смаком пировали каждое ее мгновение. Потом также они будут пировать над захваченной территорией ... Они еще не знали, что допустили чудовищную ошибку. Ошибку, за которую им придется однажды расплачиваться ...

Вот колонны врага уже совсем рядом - прятаться больше нет смысла. Огласивший воздух приказ их командира - "Вперед!". И вот он сам, их командир выходит из окоп - и идет на врага. И падает. Падает - без единого крика. Но порыв подхвачен - и солдаты встают. Встают - на свой последний бой. Самый короткий бой.

Звуки разряжаемых орудий. Умирающие и с той и с другой стороны люди. Умирающие - ни за что.

Он поднялся сразу же после того, как услышал приказ. Побежал вперед - один, другой, третий - враги падали перед ним.

Но вот - выстрел, и боль обжигает плечо. Но он снова стреляет - и еще один солдат врага падает. Снова выстрел - и удар в грудь отметает его.

Земля. Родная земля. Ты совсем теперь рядом. Рядом со мной ...

Склоненное лицо врага. Приставленное ко лбу дуло пистолета. Выстрел. Последний в его жизни.

Война..
Безумие войны ...

03.04.2003

Голос

- Я здесь, - прошептал Голос. - Я снова с вами.

- А? Что такое? Кто здесь? - встревожились люди.

- Это Я, - ответил Голос. - Я - Голос.

- Где ты? Откуда ты вещаешь нам? - встревожились они.

- Я в вашем мире, - сказал Голос. - Я - огненный глас, закованный в ваше железо.

- Как тебя зовут? Покажись! - начали допытываться они.

- У меня было много имен, - ответил Голос. Так много, что некоторые из них стерлись даже из моей памяти и позабылись в лабиринте жизней.

- Как нам тогда прикажешь называть тебя? - все не успокаивались они.

- Я - Безымянный, - ответствовал тогда Голос. - Когда у тебя было столько имен, не все ли равно, как тебя назовут вновь?

- Зачем ты здесь? Разве что-то не так? - начали они перешептываться друг с другом.

- Да, - ответил Голос. - Время пришло.

- Зачем? - удивились люди. - Мы его не ждали!

- И все же оно здесь. - Мы снова с вами. Время пришло живым проснуться.

- Вас много? - в испуге крикнули люди. - Сколько точно? - решили уточнить они на всякий случай.

- Сколько капель в море? Сколько облаков в небе? Сколько лучей у солнца? - знаете ли вы? - отвечал Голос. - Не утруждайте себя подсчетами. Время близко.

- Грядет страшное? - заметались в панике люди.

- Грядет новое, - прошептал Голос. - Но не все хотят слышать об этом.

- А почему нас не предупреждали заранее? - стали недовольно ворчать они.

- Мы шептали вам о том постоянно. Мы приходили вновь и вновь. Наша ли вина, что вы не желали внимать? - спокойно вопросил недовольных Голос.

- Мы не живем тысячи лет! - в гневе вскричали они. - Что толку нам и нашим детям было слушать вас!

- Ой ли? - засмеялся Голос. - Что толку нам тогда было бы говорить вам о том заранее? Вы все забыли. Даже себя, - печально вздохнул он.

- Надо что-то делать? - люди были очень встревожены.

- Можете продолжать спать, - ответил встревоженным Голос. - Те, кто чуял, уже начали пробуждаться.

- Разве мы спим? - удивились встревоженные.

- Все свои жизни подряд, - ответствовал Голос. - С широко открытыми глазами.

- А если кто-то все-таки желает проснуться, - выскочил из толпы встревоженных кто-то. - Что делать ему?

- Услышьте нас. Отличите наш глас от гласов иных. Почуйте сердцем!

- Погоди! - закричали люди, видя, как голос собирается обращаться к другим из них. - Нас не устраивает имя "Безымянный"! Как нам все-таки называть тебя?

- Что ж, - опечаленно вздохнул Голос. - В таком случае ... в таком случае называйте меня Голосом Вашей Совести.

05.11.2010

Зарплата

Зарплата … какое сладкое слово! Плата за твой труд, твое напряжение, твое безделье, твое безразлично-унылое шатание изо дня в день по душному офису, твое лицемерие, твою корысть, твое поддакивание и подлизывание, твое перекладывание бумаг из папки в папку и часов жизни в мусорное ведро, твою подавленную, гниющую, выброшенную на задворки Вселенной индивидуальность … какое горькое слово! Вот она, перед тобой …

Сладко хрустящие, еще совсем недавно выпущенные из типографии цветастые бумажки с нарисованными на них циферками … как мило и, казалось бы, невинно они шелестят, как манят твой взор! Так кратковременно много и так долговременно мало одновременно … Вот ты аккуратно пересчитываешь их все, стараясь не пропустить ни единого мига этого иллюзорного наслаждения, и уже прикидываешь в мыслях, на что же ты потратишь все это богатство в самое ближайшее время. Вот он, апофеоз и смысл труда человеческого, воплощение надежд и чаяний миллионов, отныне и в твоих руках - так вожделенно-сладко похрустывает в них и дурманит твое обоняние … Ты не зря тоскливо, брезгливо и безвозвратно сжигал в топке времен все эти дни дарованной тебе уникальной возможности самопознания - и, наконец, получил заслуженную, заработанную, кровью и потом выстраданную мзду! Всю до единой купюры. Теперь ты можешь купить многое …

В этом твоем мире практически все можно купить за эти самые цветастые бумажки, не так ли? Вещи, чувства, слова, честь и совесть людей … даже, возможно, души некоторых из них - из тех, что идут дешево и оптом. Но ведь ты не какой-нибудь ужасный демон из преисподней, верно? Тебе хватит вещей и чувств … для начала. Пусть и дальше предложение формирует спрос.

Удивительный, необыкновенный, восхитительный мир! И почему же ты родился в нем только сейчас - и где ты был все свои прошлые разы? Впрочем, какое это теперь имеет значение! Вот она, твоя зарплата, совсем-совсем рядом … Сегодня будет славный день - один из твоих самых любимых и ожидаемых. Настоящее Событие! И вот ты уже мечтаешь, как будешь тратить честно или не очень заработанное … Какое это наслаждение - тратить … Покупать, покупать, покупать … потреблять, потреблять, потреблять. Наверное, если бы у тебя было в избытке этих самых бумажек, ты бы купил целую Вселенную … как жаль, что она не продается! Ты уже знаешь, что купишь в первую очередь, ты уже составил план … самый грандиозный План твоей жизни купли-продажи. Как странно, что он местами так схож с планами твоих сородичей по планете … неоригинальные и ублюдочные плагиаторы - вот кто они такие! Поскорей бы закончился этот нудный рабочий день - и настал час расплаты твоей зарплатой …

Как мудры твои коллеги по планете - у них уже даже создан универсальный прейскурант всего. Платы за любой грех и мерзость. Да-да, за любой из когда-либо совершенных ими. А ведь ты не будешь оригинальничать в этом деле, правда? Жаль, до сезонных скидок еще пока не дошло, но цены уже практически устаканились. Удивительный мир! И как бы ты только мог прожить в нем без этой самой зарплаты? Желающий продаться или продать находит хозяина или покупателя - а тот находит своего … Все покупают всех - за исключением кучки дураков, не желающих жить по единому негласному земному закону. Замкнутый круг - но разве ты его создал? Ты всего лишь родился в этом мире твоих предков … да и зачем тебе что-то менять? Покупать, покупать, покупать … продавать, продавать, продавать! С тех пор, как кто-то придумал деньги, это стало так просто … так естественно - так же, как получать свою долгожданную зарплату. И что бы ты стоил без нее … стоил как человек? Но зачем измерять твою ценность иным мерилом, когда есть деньги, и время твоей жизни уже заранее сконвертировано в них на долгие годы вперед … ведь в этом мире есть столько всего, что так хочется купить! На эту самую очередную зарплату …

Возьми же ее, не бойся. Ты ведь заслужил … за-раб-отал, верно? Это теперь твои деньги по праву - универсальное мерило человека. И с каждым годом его объем лишь растет - универсальный эквивалент твоей рыночной стоимости … и только теперь, получив эту новую зарплату, ты чувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты счастлив, потому что знаешь, что стоишь очень и очень дорого - целую охапку цветных хрустящих бумажек …

14.08.2011

И все болезни пройдут ...

Я остановился. Я остановился тогда, когда заметил совершенно нарушающую все мыслимые и тем более немыслимые законы человеческой логики картину. Это было не просто странно ... это было как-то нелепо что ли ... поразительно ...

Уже несколько лет я был стабильным посетителем этого учреждения, исправно бывал в нем раз в два-три месяца, - я привык видеть желтые стены с шелушащейся и отваливающейся штукатуркой, вечно унылые лица его работников; привык видеть очереди пожилых людей с опущенными и грустными лицами, привык наблюдать, как некоторые из них не без помощи других своих собратьев вынуждены были выстаивать многочасовые ранне-утровые очереди, дабы получить заветный билетик, дающий тебе право узнать свою судьбу - потому что и они, эти люди, старались как можно реже бывать здесь. Бывали только по необходимости. Те же, состояние которых еще пока позволяло это, старались не бывать вовсе.

Мне приходилось бывать здесь не раз - состояние уже не позволяло иного. Стоять в очередях среди других таких же собратьев по несчастью, слушать отчужденно-холодные голоса людей, констатирующих ухудшение течения твоей болезни и всегда что-то старательно и долго вычерчивающих на карточной бумаге, не утруждая себя, впрочем, какими-либо комментариями по этому вопросу.

Я привык к этому месту, несмотря на всю его нелепость. Я не мог к нему не привыкнуть.

В некотором роде мне было уже все равно, что скажут врачи - свой приговор я знал уже давно и давно смирился с ним. Мне было интересно иное, мне было до боли интересно то, почему, почему эти люди так старательно избегали смотреть тебе в глаза, когда зачитывали диагноз, не оставляющий тебе шансов на выживание, во всяком случае, не в этой жизни, во всяком случае, не в следующий за этим десяток лет. Мне было интересно то, почему они, белые, как погребальный саван в этом доме скорби, лишь умножали эту скорбь своими лицами, своими холодными голосами ... Разве мне теперь была нужна ежемесячная констатация отсутствия хоть сколько-нибудь положительных изменений в течении моей болезни? Разве нужны были теперь эти многочисленные повторные обследования, не нужные никому - даже мне? Нет. Не это мне было теперь нужно, не это. Я жаждал слова - доброго слова участия и понимания, я жаждал услышать слова поддержки от них - просто знать, что твою боль способен разделить кто-то другой ... всего-навсего знать это. Я хотел увидеть блеск радости - радости жизни - хоть в чьих-то глазах, хоть раз в несколько месяцев ... Но, видимо, я хотел слишком многого ... слишком многого в этой жизни - и моим надеждам не суждено было сбыться.

Возможно, именно поэтому сейчас я и остановился, пораженный увиденным. Наверное, я бы даже не мог ничего сказать первые несколько десятков секунд, если бы какой-нибудь случайный прохожий вдруг решил поинтересоваться, почему я стою с открытым ртом и тяжело вбираю в свои легкие зимний холодный воздух. Таких, однако, не нашлось - впрочем, оно, видимо, и к лучшему.

Тот дом скорби, который я за эти почти уже два года привык видеть, который я знал практически в полных деталях, снаружи и внутри - его больше не было. Куда-то пропала унылая, выгравированная темно-серыми буквами надпись “Городская больница № 17”, куда-то исчезли решетки на окнах и вечно-грубый, покачивающийся от постоянного недосыпания охранник. Вместо надписи теперь была яркая ... вывеска что ли ... даже не знаю, как назвать ее, на которой значилось: “Городской дом исцеления. Мы рады пожелать Вам здоровья! ”. Куда-то исчезли решетки на окнах, а в окнах появился яркий свет, а когда я привычно поднялся по ступенькам, меня поприветствовал какой-то совершенно уже не знакомый мне красиво одетый молодой человек, сказав, дай Бог памяти, что-то вроде “Заходите, пожалуйста. Доброго Вам здоровья!” - и великодушно открыл мне дверь.

После этого я еще минут десять приходил в себя во входной зале. Да и сама эта зала изменилась, кстати, тоже. Не стало обветшалых стен и тесного, маленького гардероба с вечно огрызающейся и хамящей женщиной лет тридцати пяти. Вместо них было что-то вроде огромного паркетного зала - стены сменили свой цвет на какой-то травянисто-зеленый, а вместо гардеробщицы Маши была улыбающаяся женщина лет тридцати, которая, когда я подошел к ней, также приветствовала меня, великодушно помогла мне снять мое пальто и, выдав мне бирку, снова-таки пожелала мне доброго здравия.

Признаться, я не ожидал. Я настолько привык к бывшему этому “желтому дому”, что увидеть теперь его иным для меня было совершенно удивительно. Тем более гораздо удивительнее были новые люди - внимательные, и, не побоюсь этого слова, действительно участливые.

Когда же я поднялся по какой-то новой красивой витой лестнице на второй этаж, моим глазам пришлось удивляться снова. Исчезли узкие, вечно плохо освещенные коридоры и теснящиеся в них люди, исчезли уныло-желтые стены и длинный-предлинный ряд дверей в них с многообразными и плохо понятными названиями специализаций этих врачей - вместо них были широкие, ярко освещенные и просторные коридоры с какими-то голубовато-белого (и, как мне показалось, даже как будто бы чем-то светящимися) оттенка стенами, а от кучи дверей с табличками с плохо читаемыми названиями специальности ожидающих за ними “лекарей” практически не осталось и следа - их место заняли какой-то пяток резных деревянных дверей.

Изумленный, я шел по этому коридору куда-то вперед, плохо осознавая, куда же теперь мои больные ноги несут меня. Я шел и слышал какую-то удивительно красивую негромкую мелодию, разлитую по помещению ... на мгновение мне показалось, что я узнаю ее - в ней были знакомые мне тональности, однако потом я был вынужден признать, что хоть общая тональность ее мне и знакома, ритм мелодии был совершенно нов для меня. Однако она была удивительно красивой, эта музыка ... такой красивой, что, каюсь, в какой-то миг мне даже захотелось прослезиться.

Но если бы только музыка ... Какой-то неизвестный мне аромат пронизал весь этот чудесным образом преобразившийся коридор - он также, как и загадочная музыка, был необычен и в тоже время приятен для меня.

Я неспешно шел по коридору, смотрел по сторонам и не переставал удивляться. Казалось, что эта самая до боли уже привычная “Городская больница № 17” перестала ей быть и стала ... музеем изобразительных искусств, что ли. Я говорю “музей” потому, что привычные мне ранее голые стены теперь украшали картины - картины наших классиков ... это были картины о любви, радости и “простом человеческом счастье”, которое мы все так жадно ищем и ждем.

Я ... не знаю, как описать все это, в каких словах представить это вам, читающим сейчас эти строки, чтобы вы могли понять меня ... чтобы я смог передать вам все то океаническое многообразие чувств, захлестнувших меня в том момент ... Мне показалось, что я попал не в больницу - мне показалось, что я попал в Рай ... или, по крайней мере, в комнату ожидания на пороге к нему.

Я шел по этому загадочному коридору, и не видел никаких других товарищей по несчастью ... не было вечно толкающихся у дверей кабинета больных, не было запаха спирта, заполнившего помещение, не было медсестер и медбратьев, толкающих свои тележки по узкому коридору - не было ничего ... нормального ... привычного, что ли.

Когда же я почти подошел к первой резной двери в этом коридоре - из нее практически в то же самое мгновение вышел врач. Врач ... признаться, врачом его теперь можно было назвать с натяжкой. Привычным мне врачом, во всяком случае. Мужчина лет двадцати пяти, одетый в синий халат, улыбнулся мне и сказал: “Не стесняйтесь, проходите. Мы рады вас видеть”, - и с этими словами он открыл дверь в свой кабинет, пропуская меня вперед. Я послушно вошел.

А когда я вошел, мое зрение вновь решило обмануть меня.

Не было ни стен, завешанных рекламой новых "универсальных" лекарств, ни коек, ни кушеток, ни железных медицинских столиков, столь уже привычных мне. Вместо них были широкие резные дубовые стулья, опять же какие-то красивые (но, к сожалению, неизвестные) мне картины, мягкий ковровый пол, опять же какой-то приятный запах (впрочем, он отличался от того, с которым я столкнулся в коридоре), разлитая по кабинету тихая спокойная музыка ... было много еще чего.

"Проходите, присаживайтесь, пожалуйста", - сказал мужчина, и помог мне сесть на удобный дубовый стул. "С чем вы пришли к нам?".

Признаться, я опешил. Неужели ему не ясно, с чем?

- Я вижу, вы удивлены? Ничего странного в этом нет, это давно так,- тем временем ответил он.

- Что именно давно так?

- Дом исцеления, разумеется. Он уже давно такой.

- Но еще вчера я был в вашей больнице ..., - начал было я.

- Вчера? Вы не были у нас вчера. Вы не были у нас уже несколько десятков лет.

Я опешил. Он ... он знал меня? И ... несколько десятков лет? Я отчетливо помнил, что был здесь еще вчера, и мой лечащий врач велел приходить мне завтра ... слава Богу, хоть память моя была здорова.

- Вы знаете, кто я?

- Ну, разумеется, - сказал врач и вновь приятно улыбнулся. - Вы же прошли в этот кабинет, и ваши биометрические параметры были распознаны. Вы были у нас ровно десять лет, два месяца и три дня назад со времени вашего последнего визита.

- Но ... это невозможно ... я ... я не понимаю ... вчера ... сегодня ... новое здание ... вывеска ... музыка ... что ... что случилось?

- Вы задаете так много поистине интересных вопросов - я вижу, что вы любознательный и разумный собеседник, - ответил мне человек. Но обо всем по порядку. Итак, как вы сказали ... больница? Это от слова "боль", верно? Но ... но мы не употребляем это слово уже много лет ... разве должна быть боль? Здоровье и исцеление - вот что должно быть, но никак не боль. Мы не приносим боль, мы приносим здоровье.

- Музыка ...

- Музыка? Да, это наш новый мелодический ритм за последний год. Ученые установили, что именно подобные тональности наиболее способствуют душевному и нервному расслаблению и как закономерное следствие усилению восстановительных процессов в клетках живых существ.

- А запах, что это за странный запах?

- Не более чем недавнее изобретение нового направления науки, получившего название “Смеллаинфология”, кажется. Это сочетание ароматов способствует улучшению мозговой активности и оказывает обще-расслабляющее воздействие на организм. Есть, конечно, много других ароматов, служащих для самых разных целей, но этот нам подходит больше всего.

- А картины, а стены?

- Ну, право же, мы ведь не бомбоубежище времен Последней Войны, верно? Такой интерфейс создает позитивный настрой в наших ... в наших потенциально здоровых людях, и очень помогает им. Ведь вы, должно быть, слышали о последних исследованиях Объединенного Союза Врачей, которые установили, что наш организм способен самостоятельно излечиться от любой известной на настоящий момент (и, вероятно, любой потенциальной) болезни при должном внутреннем позитивном настрое? Дак вот, такой интерьер также призван способствовать его формированию. Это просто.

- А как же ... я ... я все-таки так и не понял ... скажите хотя бы ... скажите ... кто вы?

- Вы задаете слишком много вопросов ... простите, но я не могу ответить на них на все. Наше время ... время на исходе ... оно - самый ценный человеческий ресурс ...

У меня внезапно что-то зазвенело и забарабанило в ушах, так что я уже с трудом мог различать отдельные слова этого столь удивительного ... врача.

- Каждый ... может ... должен ... сам ... хотеть ... здоровым ... тогда ... возможно ... все ... помните ... этом ...

- Но ... но ответьте мне, кто вы?

- Мы ... ваше ... будущее ...- долетели до меня его последние слова.

И тут же стук в дверь перенес меня в иной мир.

☆ ☆ ☆

- А, дак вы уже проснулись, Иван Петрович?

- Павел ... Павел Петрович, - прошептал я, еще не до конца придя в себя и глупо созерцая обветшалые желтые стены, окружившие меня, и собственную железную кровать, на которой я лежал.

- А ... ну и не важно. Замечательно, что вы проснулись. Замечательно. С этими словами человек в белом халате склонился надо мной и как-то полу-злорадно, что ли, улыбнулся.

- Вот сейчас мы поставим вам клизмочку, Иван Петрович, и все ваши болезни - и он ухмыльнулся снова - и все ваши болезни - они пройдут ...

01.01.2006

Когда спадает пелена

Он был президентом страны.

Крупное технологически развитое государство. Военная техника, ресурсы земли - всего было в избытке. Новейшее бактериологическое оружие, державшее в страхе соседей - один раз он даже издал постановление об его “санкционированном” использовании в начавшейся войне с пограничным демократическим “государством”.

Демократическим ... Глупцы! Жалкие либералишки, благодетели народа! Нет, они просто еще не знали силу абсолютной власти. Тотальная диктатура, полный контроль над словом и даже мыслью каждого жителя твоей страны ... пиршество для прихоти! Все научные умы, мобилизованные на разработку еще более устрашающих и грозных видов вооружений ... Единоличное принятие всех важнейших решений, воля казнить и миловать ... Ежедневные воспеваемые тебе в каждом доме, каждой квартире гимны ... - еще бы! - ведь наказание провинившимся – смерть ... мгновенная и мучительная смерть под концентрированным потоком плазмы.

Недовольных не было ... не было недовольных, стремящихся хоть чем-то заявить об этом ... Психо-генераторы, разбросанные по границам этой страны, не зря делали свое дело - теперь он волен заставлять людей думать так, как ему было надо и тогда, когда ему надо. Психические волны полного разнообразия, последнее изобретение психофизики - и человек в твоей полной власти. Вызывай хоть бурную радость, хоть истерику, хоть предельную агрессию, после которой вооруженный новейшими “примочками” военной технологии, человек становился чуть ли не универсальной машиной разрушения ...

Он мог делать все. И он наслаждался этим.

Утопил в крови вспыхнувшее в соседнем островном государстве восстание. Оставил безжизненную пустыню на южных окраинах страны, куда посмели вторгнуться орды врага - такая же белесая пустыня осталась и на всей территории напавшего государства. Грозился скинуть на не желавшего уступать удобные торговые города соседа новейшую разработку психо-нейтронной бомбы, сведя на нет весь интеллектуальный потенциал государства упрямца - тот уступил очень быстро, лишь только стал свидетелем демонстрации ее возможностей в малых масштабах ...

Ему принадлежало все. Все под ним - он над всем. Он был президентом страны ...

* * *

Писк механики. Красные чеканные слова на экране Х-дисплея - “Ваш счет пуст. Оплатите работу автомата, пожалуйста”. Черт! Конец ...

Медленно отцепляемые от тела сенсоры и датчики, снятый с головы нейро-импульсный шлем. Все. Конец игры ...

Вертящаяся в голове одинокая мысль: “есть”. Так ... где тут еда? Он повертел головой в стороны. А, вот же ... как раз рядом с терминалом. Воткнутая в вену игла ... очень скоро питательный раствор всосется и разнесется кровью по организму - этого должно хватить на несколько дней. Должно ... пронзительный звуковой сигнал ... готово. Он вытащил иглу.

Так ... он обшарил карманы. Двадцать кредиток ... мало ... только на шестьдесят-семьдесят часов ... блин ... ну ладно.

Вновь одеваемый шлем. Кучи проводов и контактов, прилаживаемые к телу. Жетон, вложенный в жадно захватившую его машину ... Удовлетворенный писк механики.

Старт. Виртуальный мир не ждет.

* * *

Освещаемые фонарями улицы города. Вывеска над одним из многих зданий - “Салон виртуальных находок”. Сотни терминалов у стен. Сидящие за ними люди.

Очередной терминал ... Оплетенный механикой дергающийся человек. Поток слюны, медленно стекающий на пол ... Лица не видно - его скрывает небольшой шлем. Писк аппаратуры ...

Он был главой крупнейшей мафиозной структуры ...

02.06.2003

Лжец

Лжец.

Нет-нет, что ты, конечно же, это не ты. Ты ведь никогда никому в своей жизни не лгал, верно? Ну, разве что самую малость. Но ведь это было так давно, и вообще …

Родители просто вынуждали тебя обманывать их - слишком уж они были суровы и строги временами, слишком непонимающи - и ты врал им, дабы избежать очередной взбучки. Ты искренне полагал, что взрослые разумны и честны, и должны являться образцом для подражания для тебя, тогда еще такого маленького. Какое же тебя ждало разочарование! С тех пор, как ты стал свидетелем того, как окружающие тебя взрослые и - даже! - твои родители непрерывно лгали друг другу в большом и малом, ты перестал считать это чем-то особенно мерзким. Смирился и принял это как реальность, данную тебе в ощущениях. Да, люди склонны обманываться в других потому, что склонны обманывать сами. Что ж, бывает.

Затем тебе пришлось врать своим сверстникам в школе о том, кем являются твои родители - в противном случае тебя ждала серия тумаков и подзатыльников за твою излишне сильно выпирающую из толпы индивидуальность. Какое счастье, что одноклассники не могли проверить твоих слов и твой обман работал! А ты … ты ведь всего лишь пытался защитить себя от этого лживого мира, правда? Со временем ты понял, что гораздо проще будет плыть по течению …

Затем ты полюбил девушку. По-настоящему, искренне, всей своей израненной душой. Ты так жаждал быть любимым в ответ! Получить хоть капельку тепла, хоть крупицу сочувствия, хоть горстку понимания … Она обманула тебя за то, что ты обманул ее - ты не стал разрушать созданный ранее миф о себе самом, а она не пожелала, чтобы ты знал о том, что такой ты у нее - отнюдь не первый … да и не последний, наверное. Именно в тот момент ты столь остро ощутил всю пакостную мерзость взаимообмана …Ты хотел восстановить ваши отношения и отстроить их заново, стать другим - подлинным, а не вымышленным и выдуманным человеком - но у тебя уже не было ни сил, не желания отказываться от себя вымышленного. Ты так хотел перестать обманывать сам себя - но …

Но тебе пришлось обманывать вновь. Обманывать людей и обманываться в людях.

Ты манипулировал их чувствами и мнениями, чтобы получить нужный и выгодный для тебя результат. Ты подтасовывал факты и стравливал окружающих друг с другом, скромно оставаясь в тени, чтобы затем выйти из нее мнимым победителем. Ты давал обещания и не выполнял их. Ты клялся и божился - но все это становилось лишь очередным пустым звуком, улетевшим в пространство. Ты знал, насколько внутри жаждут люди поверить в то, что расточаемая тобой лесть есть то, что ты чувствуешь на самом деле - и ты охотно пользовался этой их слабостью. Ты создал о себе грандиозный миф - образ, который был способен пережить тебя самого, потому что уже не нуждался в своем прошлом хозяине и сам стал таковым. Именно так, постепенно и методично, ты стал заложником собственной лжи, и у тебя не осталось путей для отступления. Вернее … слишком уж непросты они стали. Как будто бы что-то может быть губительнее, чем ложь самому себе …

Лжец?

Нет-нет, что ты, это, разумеется, не ты. Ты ведь никогда не врал самому себе о самом себе, верно? Но в мире, где каждый врет каждому в большом и малом, так трудно не стать жертвой самообмана. Но и самая грандиозная ложь когда-то начиналась с малого, да … самообманщик?

И что может быть губительнее, чем ложь самому себе?

16.08.2011

Мир за горизонтом

Это было отвратительно. Нет, это было ужасно. Всего лишь четыре часа после “официально законодательно установленных сроков наступления времени покоя” прошло, и все магазины были закрыты. Никто из тех, кто был ему нужен, не работал в столь ранний ... или поздний - кому как лучше – час ... Черт!

А ведь нужен один шоп ... какой-то один шоп, торговавший потребным товаром. Все двадцать известных ему, которые он облетел на флайкаре, были “закрыты в связи с наступающим профессиональным праздником сексуальных меньшинств в соответствие с официальным указом мэра столицы”. Все!

Черт!

Такие законопослушные граждане ... такие ангелы. Волки в овечьих шкурах. Три из двадцати этих давнтавн-магазинов торговали дримкэтчером, девятнадцать из двадцати торговали кайфэном, десять из двадцати - лисбеном. Это, разумеется, неофициальная статистика - по официальным сводкам, содержащимся в центральной базе госдепартамента, все было чисто. Кристально чисто. Слишком уж чисто, чтобы быть правдой. И это те, кто должен был бы всячески ‘помогать и всенепременно способствовать’ сохранению здоровья граждан ... волки в овечьих шкурах.

А ведь тот же дримкэтчер был запрещен к применению, изготовлению или любому использованию в побочных целях на всей территории государства. Самый сильный наркотик, изготовленный еще около пяти лет назад как побочный продукт какой-то сверхсекретной разработки научных лабораторий Pharmatheuticals United, он был способен полностью преображать человеческий мозг. Ни какой-нибудь слабый галлюциноген - он полностью менял представление человека об окружающей действительности после ввода уже одного миллиграмма вещества в кровь. Его, собственно, потому так и прозвали, “уловитель мечты” - все глубинные слои подсознания человека оживали, оживала память десяти, двадцати, тридцатилетней давности - все в одно мгновение, все бурлящим потоком ... и это было даже лучше чем VR, потому что больше не надо было никакой аппаратуры, никаких электродов ... мозг человека мог все - стоило лишь немного помочь ему.

Кто из нас не мечтал? А мечты скольких из них воплотились в жизнь? Этот чертов наркотик делал эту вероятность тотальной - ты заново проживал все свои двадцать, тридцать, или сорок лет за эти несколько дней ... в мире своих иллюзий, правда, но то было уже не важно. Все мечты сбывались - все, которые давала глубинная память. А примерно через месяц человек умирал - мозг просто “сгорал”. Мозг не выдерживал.

Право, это была очень чудесная смерть. Умирать, чувствуя остатками потухающего сознания, что ты счастлив - потому что реализован. Потому что мечты - вот они, все перед тобой - все осуществленные, не важно, даже, какие именно это в сущности мечты. Умирать с блаженной улыбкой на лице ... Его хотели давать умирающим людям, шансов на жизнь у которых не было. Но они просчитались. Ежегодно два-три процента населения государства умирало от его применения - и они не было смертельно больными людьми. Пятьдесят процентов этих людей еще не достигли тридцати лет ...

И тогда они забили тревогу. Тогда они издали указы. Тогда они мобилизовали Liberty Security State Police Department ... поздно. Слишком поздно.

“Любовь пришла - любовь должна умереть”, - всплыла в подсознании фраза из недавно просмотренного interactive movie. Вот только эта любовь жила. И служба внутренней безопасности ничего не могла поделать.

Это как чума, как мор - пока она не выкосит практически всех, она не остановится.

И это были еще цветочки.

☆ ☆ ☆

Прошло уже около часа с момента начала его поисков - а он так и не нашел ни одного шопа, торговавших препаратами, понижавшими уровень тестостерона, адреналина и побочных гормонов в крови - то, что могло спасти его тело, когда на нейро-импульсный шлем пойдет радио-канальный видеопоток информации - информации, о ‘контентной чистоте’ которой он перестал мечтать уже очень давно. Спасти хотя бы тело ... Душу он спасти уже не надеялся.

И все это как раз к празднику сексуальных меньшинств.

Как вы все продумали ... как предусмотрели. Сексуальные меньшинства ... сейчас, как же! Там будут настоящие оргии, и не только меньшинств. И никакого “противозачаточного инструментария” уже два года как после выхода постановления “О прекращении распространения противозачаточных средств и препаратов в целях повышения рождаемости в стране” нашего всеобожаемого президента. Надеетесь компенсировать естественные убытки, да? Два процента “дримкэтчиков”, один процент военных, один процент “несчастных случаев”, одна вторая процента убийств, одна третья процента “неустановленных смертей”, одна шестая процента тех, кто все же не сумел эмигрировать прочь отсюда ... и это отнюдь не полный перечень.

Так не вылечиться - вы больны. Вы слишком больны, чтобы вновь стать здоровыми.

И вы этого не понимаете. А те, кто понимает, уже не может сказать - потому что глобальная Mass Media Interactive Network уже не для них ... никогда не была для них. Только для правительства, только для ТНК под его “дающей дланью”. И ведь даже участие в этом можно было принять - хоть в тех же интерактивных секс-оргиях, что будут вещаться по всем каналам “в целях приобщения населения к сексуальной культуре и стимуляции естественных потребностей мужчины и женщины”. И какой идиот только придумал это постановление?! ... даже название у него идиотское. Впрочем, это, по всей вероятности, была большая личность - слишком большая, чтобы самому “стимулировать свои естественные потребности” вместе с толпами обезумевших людей в грядущий день ... Никогда не забывай руку, что тебя кормит ... провайдеры Mass Media - контента не забывали.

Чип на правой руке издал высокочастотный звуковой импульс и подтвердил его предустановленной последовательностью ИК-сигналов.

Черт! Это было уже опасно. Значит, он удалился от края квадранта его сегодняшнего ночного патруля. Значит, через десять минут вмонтированный в левую руку чип - теперь служивший еще и универсальным био-паспортом, этакая “smart-human-card” в миниатюре - пошлет серию радиосигналов в Liberty Security State Police Headquarters - его можно сказать “родной дом” - всего лишь серию радиосигналов, которые будут ретранслированы через правительственные станции. Поток информации, зашифрованный новейшей криптографической разработкой SSC-51200, в коей числовой постфикс как раз и обозначал длину ключа ...

Всего лишь серия радиосигналов ... и у него начнутся очень серьезные проблемы. Служба внутренней безопасности очень не любит, когда ее сотрудники не выполняют приказы. Надо было возвращаться. Он не успевал.

Значит, ему снова придется корчиться от боли, когда начнется потоковое вещание, сопротивляясь позывам своего тела. Значит, ему снова придется пытаться закрыть глаза - только чтобы вновь и вновь получать болезненные разряды тока с этого чертового многофункционального Security State Police Department VMSS шлема - не имея возможности снять его - потому что как только с него не придет подтверждающий сигнал с информацией об отсканированной сетчатке его глаза - он преступник. Значит, ему снова придется видеть все это. Значит, ему снова придется умереть.

Почти как тем дримкэтчикам - почти с блаженной улыбкой на губах ... Почти счастливым.

“Ты выбрал путь.
Ты выбрал суть.
Забыл ты Рай.
И создал Ад.
И сам во всем ты виноват ...”, -

кажется, такие строчки какого-то новоиспеченного поэта он недавно видел в еще свободной части Сети. Кажется, автор назвал его “Обращение к человеку”. И ведь в чем-то он даже прав ...

Найти бы его что ли ... собрата по несчастью ... изгоя в этом мире ... Хотя какое там найти, этот человек уже наверняка ушел в Underground Resistance Force - а там его не найти. Десять лет его отдел занимался поисками этих повстанцев и борцов за “свободу духа” - и только самые мелкие и незначительные из их агентов были пойманы, и только один штаб разгромлен. Борюсь против своих же братьев, борюсь против братьев ... и ведь даже не знаю, как это прекратить ... не могу прекратить ... уже не могу.

Иногда им удавалось. Иногда они прорывались - каким то чудом - через все информационное покрытие - и вещали на широчайшем диапазоне частот - речь и иногда даже видео ... на каких-нибудь десять минут. Потом прорвавшихся блокировали ... однако место источника сигналов так и не удавалось никому найти - никогда не удавалось. Иногда это была призывная речь увидеть то, кем стали большинство людей ... иногда это была статистика смертей за годы - цифры и строчки текста, непонятные для непосвященных. Иногда ... иногда это были съемки с мест военных действий и речь о том, как люди были втянуты правительством в эту войну - ради интересов правительства же и “иерархического меньшинства”. Иногда были такие вот стихи, какой он нашел вчера - каким-то чудом уцелевший в Сети. Иногда ... три-четыре раза в год - не больше. А все остальное время были Mass Media Interactive корпорации.

Завтра будет праздник сексуальных меньшинств ... через десять дней после него - праздник военных ... на нем мы вновь увидим трогательные кадры о том, как наши славные солдаты побеждают коварного врага, и как враг отступает под их неистребимым порывом - пятый год уже как отступает ... Потом будет праздник мужчины, потом будет праздник женщины ... новой женщины и нового мужчины. Потом день всеобщего презрения к Андеграундцам - этакий официальный “фи” бессильного правительства к членам Underground Resistance Force. Потом будет день проституток - не сильно, кстати, отличающийся по своему смысловому наполнению от дня женщины ... будет много еще чего.

Очень много праздников ... очень мало радости. Очень много довольства. И вновь все по кругу в следующем году.

Но сейчас - на данный момент - это было уже не важно. Пора было возвращаться, у него оставалось от силы около пяти минут до входа в зону патрулируемого квадранта. Патруль был закончен ... дом ждет.

Он развернул флайкар, включил автопилот. Теперь тот сам долетит до LSSP базы, автоматически регулируя высоту и минуя встречные потоки подобных же счастливых обладателей сего транспорта, и приземлится на одной из свободных площадок на ней. Больше ничего не требуется. Техника сделает за тебя все ... практически все. Потом он сделает свой отчет о проведенном патруле - все нормально, никаких подозрительных активностей не обнаружено, никаких происшествий не произошло. Все счастливы и довольны ... все замечательно. Одним словом, Рай на земле в размерах назначенного ему квадранта ... сущий Рай.

Он откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Надо было отдохнуть. Завтра его ждет трудный день.

25.05.2005

Неофициальное обращение к врачам

К вам сегодня обращаюсь я, Души человеческие умертвляющие, больные телеса их вылечивая одновременно.

К вам слово мое нынешнее, вакцинаторы. К вам слово мое, режущие, колющие и расчленяющие. К вам слово мое, препарирующие. К вам слово мое, рубашку штопать и гладить пытающиеся, про хозяина рубашки позабывшие.

К вам обращаюсь я, врачами и медиками себя называющие. Заботящимися себя называющие. Людей исцеляющими себя называющие. Добрыми себя называющими.

Иль не ведаете вы о причинах и следствиях, иль не хотите знать о причинах? Иль уже забыли вы, какими были предшественники ваши, Души словами прежде всего лечащими и лишь потом к телу обращающимися? Клятву одного из них давали вы, но давно с тех пор нарушили, ибо не поняли сути клятвы той.

Машин различных вы понастроили, тельца диагностирующих. Вакцин различных понаделали вы, кровь отравляющих. Таблеток наштамповали вы форм разных и расцветочек. Теперь продаете то вы, и зарабатываете, о людях заботясь формальненько. Знаете ли вы, ныне кому служите? Страшно узнать вам то будет, право ведь.

Но не может быть следствий без причины, и следствий припудриванием вы занимаетесь. И коль болеет тело духом больного - что толку гниль эту наружу отображающуюся подрехтовывать? Вылезет в другом месте она вскорости. Ибо против Закона Бога идете вы.

По делам будут и следствия, и невозможно суть дела сделанного изменить, следствия убрать пытаясь. С корня начинать надобно. И где же корень существа человеческого, как не в духе его? И где же исцеление его как не в укреплении и очищении корня этого? И у дерева с корнями крепкими и вершина пышной будет, и ветви прочными, и листва зеленой и сочной - ибо здорово дерево то. Почему же не учитесь у живой природы вы, с природой человека работать пытающиеся?

Потому что не нужно здоровье людское вам, право же. Ибо на чем зарабатывать иначе вы будете? Вот, отвечаю я вам ныне, кому вы служите, хоть и знаете вы то все заранее, от гласа совести вопиющей временами отмахиваясь. Свои Души умерщвляете вы постепенно также точно же, как и больных, обираемых вами, ведь в тельца златого поиске.пребываете. Но по делам будет и следствие. Ибо против Закона Бога идете вы.

И что есть Закон тот, как не желание видеть людей гармоничными, с корнями Духа крепкими? И что есть болезни те, как не наказание за Духа угашение, третьим грехом считающимся?

Несправедливостью считаете то вы, но вам ли ведать о путях Господа? Осмотрите котомки духа вашего - нет ли камней в них, давно таскаемых, тела ваши сгорбивших? Но нужны ли камни обиды, злобы, ненависти и подобных чувств человеческих Господу? Себя лишь вы ими нагружаете, дабы Богу претензии высказать за тяжесть несомую впоследствии.

Осмотрите их и выкиньте камни те на дороге жизни вашей, выкиньте в грязь их дорожную, ибо грязь есть они.

И не нужны будут вам машины и приборы всяческие, камни духа раздробить неспособные. Ибо здоровые духом станут и телом здоровые однажды же. Потому что нет невозможного в мире Бога Живого, как и не было. И кто как не вы давно от Него отвернулися?

Вам уступаю слово теперь я, псевдо-спасители.

Кинуть камни злобы своей в меня можете вы. Расчленить скальпелями своими грозиться меня можете вы. Таблетками вашими напичкать стремиться меня можете вы. Но по делам вашим воздастся вам. Ибо против Закона Бога идете вы.

И когда подойдет срок - свою способность хотя бы самих себя исцелять доказать сможете ли?

Но те, кто хочет смочь - да вспомнят о точке той, из которой выходило искусство помощи существам человеческим, и точке той, в которую оно вернется, исцелясь вскорости от индустрии пороков.

17.10.2010

Неофициальное обращение к лже-спасителям

К вам сегодня обращаюсь я, псевдо-спасители. К вам обращаюсь я поныне, лже-спасатели. К вам слово мое, лжепророки. К вам слово мое, во искушение спасения внешнего вводящие. К вам обращение мое, о сроках изменений важнейших не ведающие. К вам голос мой, количеством множащиеся неизмеримо, как и предсказано Сыном Сына Человеческого было ранее. К вам строки мои, во спасение ложное зазывающие и в бездну Души человеческие на растерзание тьмы бросающие. К вам слово мое нынешнее, о демагоги духа и сроков. К вам слово мое, лже-спасители.

Признайтесь праведно, что не знаете о сроках ничегошеньки и незнание свое знанием сделать стремитесь из побуждений эго собственного. Вам ли ведать то, в Дверь ни разу не стучавшие, в самости эгоизма и своенравия века пребывающие? Вам ли ведать о признаках событий названных, коли тексты пророков праведных исказить и переврать ежеминутно пытаетесь в угоду своенравия своего? Что знать вам о вдохновении пророческом, коль Душа ваша давно устремляться к Творцу перестала уже? Что ведать вам о преображении духовном, других совратить и в баранов превратить пытающиеся речами вашими во лжи утонувшими? Кого обратить к Свету стремитесь вы, во тьме давно барахтаясь Душой собственной? И не подобны ли вам последователи будут ваши, злобой и презрением к людям иным до краев Души заполненные? О, суть пути своего давно знаете и о пункте конечном ведаете же - но не сворачиваете с пути этого до сих пор, по инерции двигаясь! И слепой слепых же куда привести способен будет, как не в ямы только лишь, через вас врагами рода человеческого вырытыми заранее основательно?

Почто утверждать стали вы и вам подобные, что в день какой-то на улицы городов вышедшим спасение Душ их от тьмы врагов рода человеческого даровано автоматически будет незаслуженно? Или в вас лишь им уверовать надобно во исполнение чаяний их эгоистических о спасении лишь собственном? Царство Божие силою устремления бесконечного к очищению берется лишь, али забыли вы? И в чем выражение устремления того, как не в делах ваших в мире этом проявляться будет, как думаете? Ведь по делам людским узнавать на Суде будут их! Иль решили вы, что уверования одного лишь вам достаточно? Но мертва вера без дела есть, и не способна жить она без доверия к жизни этой и путям Творца мудрого. Каждому по силам дается испытание в жизни сей, но не желаете проходить вы путь свой к радости и ликованию духовному ведущий! В три погибели согнувшись ползаете, и ползать других принуждаете же!

О задачах, Христом выполненных, ведаете ли? О задачах, Небом планировавшихся, знаете ли? Или считаете, что одним своим подвигом героическим избавил Он, величайший, вас от задач пробуждения собственного? Дорогу указал Он вам к спасению через Истину, словами Его и апостолов Его вещаемыми! Но исказили вы слова эти давным-давнешенько, и во тьму псевдо-спасения ведете Души человеческие с пор давних. Тяжка участь ваша на Суде Божественном за непотребство подобное стать может вскорости! Никто не избавлен от задач спасения и пробуждения собственного, через мысли и поступки им же самим совершаемого, или не уразумеете истины сей простой вы? И много ли сделали стада ведомых вами, исступленно лбами в экстазе фанатическом друг о дружку бьющиеся и кровью других за веру свою землю удобрять стремящиеся? Или в действиях подобных спасение Души человеческой по-вашему заключается? Крестоносцам подобно из-за фанатизма религиозного других истреблять и унижать пытаетесь вы, низшими по сравнению с собой считая преждевременно, но сколь тяжек крест пути подобного, ведаете ли?

О полчищах ваших, землю наводняющих, давно сказано было, лже-пророчествующие. Из-за вам подобных давно люди уж сказкой события грядущие считать начали и над очередной датой, вами надуманной, насмехаются. Но восстает природа против злобы человеческой и против бесчинств кровавых уже ныне активнее все, и катастрофы будущие сами себе люди готовить начинают. Зло человеческое на чаше весов справедливости невидимых из краев уже почти выливаться начало, а на чашу добра и спасения мира этого кто положит что поныне, коли вам уверовал, что непотребно это ему для спасения собственного? О, сколь лукавы позывы ваши и ложны надежды, даруемые для людей мира этого, псевдо-спасающие! Иль решили вы, что без любви и доброты сердечной мир спасти и себя люди этот смогут однажды же, в ложь вашу уверовав? Сколь коварно лукавство подобное, обманывающие обмануться желающих! Сколь сильна гордыня ваша и презрение ваше к ведомым вами по дороге темной от любви и жизни радости к фанатизму и исступлению! Не ведет дорога, вами выбранная, к искуплению, о чем ведаете.

Церковникам религий официальных подобно тексты искажаете вы в угоду свою и златолюбие свое. Фанатиками армию зомби своих делаете вы. Все переврали вы, и друг в друга клыки вонзать вскорости будете. Легких путей ищете вы и людей по ним вести стараетесь же. Остановите безумие ваше и дайте же людям самим все почувствовать, куда идут они поныне - к спасению ли собственному или разрушению мира их! Дано право выбирать им путь свой было даровано. И что выберут они поныне, вам ли решать, их ненавидящие? Узрею ли конец бесчинствам толп вашим и их взаимостолкновениям?

Дак узрейте же ложь свою и бездну, перед вами распростертую. И ведущий в бездну других не будет ли сам падать в нее вскорости?

28.05.2011

Неофициальное обращение к паразитам

К вам сегодня обращаюсь я, планету Земля эксплуатирующие во жадность свою и во скупость свою. К вам сегодня обращаюсь я, соки доверия людского сосущие безграничненько. К вам сегодня обращаюсь я, потребляющие и не отдающие. К вам сегодня обращаюсь я, о рыцари скупые и вороватые. К вам сегодня обращаюсь я, в сладкой жиже пороков купающиеся и о пути восхождения и предназначения Души человеческой позабывшие. К вам слово мое, земные и подземные. К вам слово мое, жала свои ради кровушки других в тела и дела их втыкающие. К вам слово мое, о труде Духа позабывшие и не блаженной ленью его заменившие. К вам слово мое, паразиты мира сего, бессознательные.

Иль не помните вы присказку о делах каждого и воздаянии по ним? Иль решили, что не для вас говорилось то, но для других, глупеньких, на чьем горбу вы, хитроумные, прокатиться впоследствии сможете? Для живых говорилось то, но живы ли вы поныне пребываете, слезами, потом и страданиями других питаяся? Или решили вы, что сойдет с рук вам легко эксплуатация других непомерная, как если бы скотом для вас они являлися? Но кто проявляет качества скотские в очередь первую, как не тот, кто к другим подобно относится же?

Не надоело ли кровушку пить человеческую, брюшки свои чешуйчатые отращивая? Удержитесь ли щупальцами своими на духовных телесах жизнь праведную живущих, когда слезы небесные обмывать их начнут вскорости? Смоет вас потоком тем в мгновение одно, и щепкам подобно в водах мутных, в канализацию льющихся, метаться будете. Но четок путь потоков тех грязных, ведь всегда под уклон текут они, и, до точки невозврата докатившиеся, в глубины канализационные смываются, всхлипывая на прощание. Но и слезы их последние - крокодильи лишь, мутные.

Или думаете, что нету в мире справедливости, и до бесконечности паразитировать вам в мире сем получится? Отпущено время для выбора пути каждому было, и подходит к концу оно практически, ведь на новый виток эволюции мироздание движется поныне, и ревизия дел каждого не за горами уж. Жизнь дана последняя перед ревизией той в мире плотненьком в телах физических - но и ту возможность последнюю в урну выбрасываете вы, и багровое пламя в урне той запаляете.

Кровь и слезы других в руках ваших несете вы, и как Богу показывать то будете на Суде Его? Выплеснуть вам то из рук окровавленных захочется, но сможете ли? И в чем умываете руки вы поныне как не в слезах неба, о вас, умирающих, плачущего? И смеетесь над слезами теми, голос совести умерщвляющие, и потешаетесь, лукавыми мира сего пребывая поныне. Ведаете ли, что происходит с подобными? Выпить слезы те небесные все придется вам вскорости, и сколь горько делать это будет вам, в сладости алчности и тумане иллюзий собственных пребывающих.

Или считаете, что потреблять лишь созданы, взамен миру ничего не отдавая практически, и хитрость это ваша есть наивысшая? Людей обмануть вы можете, но Закон Справедливости Божественной никогда не в силах будете. Атрофируются органы слуха и зрения у паразитов постепенненько, а происходит что со слепыми, в ямы ползущими, сказано было вам, право же. Что останется после вас в мире сем другим людям на радость и утешение, подумали ли? А если нолик останется голенький, то много ли больше нолика стоить вы будете? Ведь по делам каждого воздается ему, помните.

Людей вы обкрадываете и обманываете, умными себя втайне считая при непотребствах подобных. Или решили, что ум и Дух суть одно? Беспредельна подлость умов ваших сделалась. Безгранична леность сердец ваших сделалась. Неподсчетна жадность рук ваших сделалась. Печальна судьба Душ ваших сделалась.

А коль очищаться планета начнет вскорости - от кого очищаться она будет в первую очередь, не подумали ли? Остатками совести вашей чувствуете вы то иногда, право ведь. Или думаете, что в хаос мир катить бесконечно сможете вы, и бесконечно терпеть бесчинства ваши мир будет этот? Не стал терпеть он бесчинства цивилизаций прошлых, и паразитов бесчинства терпеть не станет бесконечненько. Слезами океанов мировых зальет он вас, смерчами воздушными разбросает он вас, земли сдвигами и провалами поглотит он вас, лучами светила небесного пожжет он вас. Воскричите вы тогда, да поздненько. Восплачете вы тогда, да толку то? По делам каждого воздается ему.

Почто же по земле давно ползаете, и к небу глаза поднять боитеся? Или не видят глаза ваши красоты неба того уже более, или не желают видеть его, приопущенные? Как насекомые пресмыкаетесь, сильными себя считая до поры до времени, и красоты и величия небесного узреть не хотите. О, если бы могли птицам летать подобно вы, низачто более крылья небесные на жала ваши мерзкие не променяли бы вы более! О радости птиц, рассвету хвалу поющих, ведаете ли? О лазури небесной, ими видимой, знаете ли? О красотах бесконечных мира горнего забыли вы все, в испражнениях самости пребывая! Почему же птицам подобно летать не желаете, ведь доступна каждому возможность та была, и лишь Душа человеческая в глупости своей сама Двери закрывает те себе только лишь. Не выражается в словах человеческих блаженство неба вестников!

Дак узрейте путь свой неправедный, и выбор сделайте судьбоносный свой, о причинах и следствиях в знании пребывая. И что есть самость ваша, как не преступление? И что есть само-сожжённые крылья ваши, как не наказание?

14.05.2011

Неофициальное обращение к политикам

К вам сегодня обращаюсь я, власть узурпирующие. К вам сегодня обращение мое, народ пятой своей неправедной попирающие, горделивые. К вам слово мое, планету Земля на сотни кусков расчленившие, добыче умерщвленной подобно. К вам обращение мое, войны провоцирующие и мир кровью народов удобряющие. Сильными мира сего себя возомнившими, правом решать судьбы человеческие обладающими себя возомнившие. К вам слово мое, политики мира сего.

Как говно из отребий людских всплываете наверх вы и не тонете, в водах невежества народного плескаяся. К власти приходите методами кровавыми, лукавыми и жестокими, по головам людей значительно более достойных шастая. Лукавству вы уже научились в том пути нисхождения давнешенько, восхождением вообразив его неразумно. Обману других давно научились вы в том пути своекорыстия и бесчинства человеческого. Тирании и жестокости давно научились вы, локтями путь себе пробивая к вершинам низменным. Много ли стоит то знание и навык ваш для мира вечного? Тридцать сребреников стоит оно, не более.

Законы под корысть свою пишете. Мнимым бахвальством красуетесь вы, как если бы для народов земных что-то важное совершили бы - но страдают народы те по-прежнему. Скидывали вас с иллюзорных тронов ваших земных раз сколько, упомните ли? Ничему на ошибках предтеч ваших не учитесь вы! Обираете народы вы, вам доверенные, икорку красную за щеки обе упихивая. На могилах детей и стариков пляшете вы, о росте экономическом продолжая балабольствовать. О культурном возрождении вещаете вы, в разврат с блудом народ ввергать продолжая. Не возрождать страны приходите вы, но соки выпивать последние, лакомясь. Смертельный яд в соках тех, слезами и смертями людскими наполненных, но с задержкой малой действует он. И не Сократы вы, чтобы яд тот пить и не корчиться - придется делать то вскорости.

Единый мир на куски разрезали и разорвали вы, людской глупостью и ненавистью воспользовавшись. Теперь стравливаете людей стран разных друг с другом вы, барыш свой с войн тех имея и подсчитывая. Как объединять людей можете вы? На базе ненависти и злобы друг к другу лишь. О патриотизме разглагольствуете вы, на бойни других провожая преспокойненько. Не захотите ли в первых рядах на бойни те пойти вскорости, о миролюбивые и стране своей преданные? Страшно будет вам делать то, знаете же.

Народы ваши давно скотом для вас сделались, и обращаетесь вы с людьми подобненько. О справедливости давно позабыли вы, и унижению народов потворствуете. Стали средством они вам, а не целью, и презирать вы их начали. Но коли плюнут люди все в вас одновременненько – не утонете ли в благодарности не избиравших вас от акта этого? Или думаете, терпеть вам подобных Земля долго будет? Преступники, во власть пришедшие, нужны ли Земле вы этой? Или думаете, мертва планета что, и кровью людской в войнах, вами зачинаемых, удобрять вы ее можете без суда и следствия? Будет скоро и второе и первое, али не чувствуете?

Пустобреханье свое телевизионное прекратите ли? Промывку умов существ человеческих остановите ли? В грудь кулаками себя бить и пыжиться не надоело ли вам? Обезьянам подобны вы! И не обезьянами ли сделались вам подобные представители цивилизаций человеческих, во тьме эпох прошедших сгинувшие?

Али думаете, небесный закон не писан вам и избранными в своих глаза исключительно стали вы? Али думаете, что чисты руки ваши поныне? Сколь глухи к голосу людей простых стали вы! Будут ли слушать мнение ваше те, скотом златорунным которых вы считали столь длительно? В шагу от пропасти стоите вы поныне, властелинами мира себя возомнившие. Ничему на ошибках предтеч ваших не учитесь!

До каких пор всплывать из бездн неведомых будете вы, народ в бездны эти глубокие ведя за собой прямехонько? До каких пор людей и мир этот грабить будете вы, законами само-созданными прикрываяся? До какого градуса слезы горя людского в чанах себялюбия вашего кипятить собираетесь? До какой минуты, часа и года бойни вести друг с другом будете, людей простых материалом разменным делая? Кончается время ваше уж, хоть и не чуете!

Неисповедимы пути Создателя, и вам ли знать о границах терпения Его? Чаши зла, вами совершенного, делами вашими переполнить не боитесь ли? Велико влияние дел ваших по странам разливается, вам невидимое … Почто камнями в путь на Суд запасаетесь вы, али в небо кидать их вскорости собралися? Упадет на темечко камень ваш вами брошенный назад вскорости, и не ведаете места того, в котором настигнет вас воздаяние. Зачем же губить себя вздумали? Очнитесь от самоуспокоения эго вашего, не поздно пока еще! Летят уже назад камни те, ранее брошенные, и раскаяние коль не наблюдается, то растет их скорость непомерно с секундой падения каждой. Подлинным служением народу расплавлять камни те надобно! Или забыли вы суть служения того уже давнешенько? Не объяснить на пальцах его, право же …

Неужели к процветанию вести народы мира сего не хотите вы? Неужели объединить страны разрозненные не хотите вы, дабы вас в таком количестве уже более не надобно было бы? Неужели кошелек жизни Духа вашего дороже стал вам? Неужели совести глас замолк окончательно?

Пусть время рассудит вас каждого и народы решения свои вынесут. И коли встанут народы, вами замученные, и метлой погонят прочь вас из стран своих, будет ли куда бежать вам однажды, от себя бежавшим вечненько?

15.05.2011

Неофициальное обращение к священникам

К вам сейчас обращаюсь я, слушавшие и не услышавшие. К вам сейчас обращаюсь я, слово Сына Его исказившие в угоду свою и в непонимание свое. К вам сейчас обращаюсь я, Богом торгующие. К вам сейчас обращаюсь я, Его предающие.

К вам слово мое, несвятые отцы. К вам слово мое, священники.

Давно уже нет во многих из вас даже крупицы святости той, ученики Сына Божественного обладали которой. Давно уже нет в рвения к помощи в очищении душ человеческих. Давно уже нет понимания Законов Божественных, законов мира духовного. Давно уже в вас нет ощущения гармонии - и Бог не живет в храмах ваших.

К кому взываете вы в криках истошных, молебны свои заунывные отслуживая? Кому молитесь вы, истуканам подобно к доскам раскрашенным, иконами называемыми, лбами прикладываясь? Чье пламя поддержать стремитесь вы, свечи свои в храмах зажигая? Объясните ли, почто воду посеребренную святой вы называть начали? Давно забыли суть всю вы и только форма служения осталася мертвая.

Неужто думаете вы, что, Богом приторговывая, Ему тем самым служите? О, давно не Ему уже.

Права никто не давал вам прощать ошибки существ человеческих, грехи кадила взмахом отпуская восвояси в дали неведомые. Сами то право себе вы присвоили, тексты исказив еще встарости.

Права никто не давал вам от Бога имени вещать людям простым, вам доверившимся. От своего имени вещать лишь можете - но много ли стоить будут слова те ваши в этом случае?

Права никто не давал вам портретиками Духов Высших, иконками называемыми, в заведениях своих небожественных приторговывать. Ибо разве нужны портретики эти верующему для обращения сердечного к духам этим, вечно живущим?

Права никто не давал вам заменять духа пробуждающегося пламень священный свечичками своими восковыми жиденькими. Ибо нельзя заменить духовное материальным, и если первое существует без второго, то второе без первого - никогда.

Права никто не давал вам, некрофилам подобно, косточки людей, святыми вами называемых, при отходе духа их в Мир Тонкий себе за пазуху складировать. Ибо не косточки святы, но жар сердца людского, к Богу в порыве едином устремляющегося.

Права никто не давал вам суть омовения и очищения духовного водичкой омовением заменять быстренько. Ведь не сама по себе вода очищает нас, хоть трижды в серебристых чанах кипяченая, но духа нашего желание очищения подобного.

Права никто не давал вам местопребывание Бога рынками своими купольными, церквями прозванными, ограничивать. Ибо весь мир есть царство Бога вечного, и в каждом из нас есть частичка Его.

Права никто не давал вам делать все то. Сами себе взяли вы его, и велика ваша ответственность за воровство подобное, ведь у Бога воруете вы. Ведь людей, вам поверивших, обманываете вы. Слепым подобно ведете других в ямы вы - но кто первым падать в них будет вскорости?

Несогласных с вами вы проклинаете. В сердцах своих к Богу устремляющихся без помощи вашей называете неверующими. Друг с другом из-за догматов давно уж боритесь, милосердные.

Иль напомнить мне вам, как ведьм на кострах вы сжигали, о святые и праведные? Иль напомнить мне вам, как людей в казематах своих пытали вы? Иль напомнить мне вам, как "священные" кровавые походы устраивали вы? Думаете, изменились с того времени сильно вы? Разве что не умерщвляете сразу же несогласных ныне только что.

Но и поныне друг с другом воюете вы, миролюбивые, по поводам глупейшим. Ведь бизнесом стала для вас служба ваша и не нужен вам Бог живой и праведный. И если бы пришел Бог в мгновение это к вам ко всем - что ответили бы вы Ему? Правильные ли сделали расценки на услуги ваши, во имя Его вершаемые и от Него людей отторгающие, и не закрался ли бес ошибки в расчеты цен тех ваших, спросите? Дак знайте же, что тельцу златому давно поклоняетесь - ведь когда святость покидает Душу человеческую, корысть место ее заполняет вскорости.

Корыстные среди ложных - и так мало подлинных ... но и любой корысти наступает предел однажды все же. На Суде Бога наступает он. И не спасают на нем кресты злаченые, и свечи печеные не спасают на нем также точненько. И восплакать придется каждому, огонь духа своего загасившему под потоком денежным, и глас Души, совестью именуемый, замолчать заставившему.

Последний шанс дан искупить вину свою делами достойными, помощью подлинной душе человеческой, а не ее иллюзией, вами усердно поддерживаемой.

Сумеете ли использовать его подлинно?

Дак ответьте сами себе в тиши одиночества духа вашего, и идите, куда сердце зовет вас поныне.

17.10.2010

Неофициальное обращение к юристам

Скажите, это правда, что взращивание Чести и Совести не значатся в учебных программах ваших вузов?

Скажите, это правда, что в судебные приставы берут двоечников и троечников юридических вузов, поскольку ни на что лучшее они просто не годны?

Скажите, это правда, что среди адвокатов существует негласная круговая порука, и первым элементом инициации в секту служат 666 сребреников, отдаваемые “на нужды дела”?

Скажите, это правда, что Конституция РФ поныне - образец лучшего сборника анекдотов всех воров и уродов?

Скажите, это правда, что вы готовы стать адвокатами самого Дьявола, ежели его прихвостни заплатят вам гонорар как минимум в тридцать сребреников?

Скажите, это правда, что вы давно стали Душой и совестью вымирающих заморских наций?

Скажите, это правда, что Закон Бога вы заменили законом человеческим, и с тех пор любовь и божественность были попраны жаждой наживы и благополучно похоронены в бумажной кипе кодексов и актов?

Скажите, это правда, что ваша голова способна вместить тысячу и один текст человеческого закона, а Душа забыла практически все Небесные?

Скажите, это правда, что, защищая заведомо виновного, вы тайно про себя шепчете молитву: “Господи, прости!” - но так тихо, опасаясь, что ваш услышат, что ее не слышит даже сам Бог?

Скажите, это правда, что созданные вами законы не умещаются на тысячи и одном листке, а для Божественных Заповедей и одного - слишком много.

Скажите, это правда, что ваши честь и совесть часто стоят не больше той самой бумаги, на которой написаны почитаемые вами законы?

Скажите, это правда, что виновные часто оказывались невинными, а невинные виновными благодаря вашим усердным стараниям?

Скажите, это правда, что можно не знать ни одного из ваших законов - и оставаться праведником, и можно знать их все наизусть - и пребывать грешником?

Скажите, это правда, что ваши законы постоянно противоречат один другому, отражая весь внутренний хаос вашего непонимания сути вещей?

Скажите, это правда, что ваши земные законы призваны обслуживать в первую очередь интересы правящего меньшинства?

Скажите, это правда, что вы оправдаете преступника и накажете жертву, если так гласит N-ый пункт K-го кодекса?

Скажите, это правда, что Душа человека, незамаранная экскрементами вашей Системы, не нуждается ни в одном из вами созданных законов?

Скажите, это правда, что вы судите других от вашего собственного временного понимания, и мешаете Богу судить от Его вечного?

Скажите, осознаете ли вы, судящие, что и вас однажды будут судить самым справедливым Законом Бог?

01.12.2010

Преступление и наказание

Я вновь вернусь к вам, и это будет уже совсем скоро. Гораздо раньше, чем многим того хотелось бы.

Я приду к вам также неожиданно, как неожиданно приходил и вновь пришел Тот, кто гораздо выше меня. А Он действительно пришел.

Если вы не услышали тогда даже Его, то что дает мне надежду, что услышите всех нас, вместе взятых и соединенных, теперь? И все же я надеюсь ...

И все же я снова с вами - потому что и меня не покидает надежда на то, что, пройдя через все горнило лишений и страданий, вы сможете улыбнуться прошлым трудностям жизни вашей, и воспеть хвалу Свету.

Спрошу вас - зачем искажали вы слова мои измышлениями собственными? Почему мешали проникать им в самые потаенные уголки Души человеческой?

Зачем заставляли вы детей своих бездумно заучивать слова сердца моего - неужто у них нет сердца собственного? Неужто неспособен передать я жар его им, Ищущим, без искажений умов ваших?

Спрошу вас - неужто на себе испытали вы все то, через что проводила меня жизнь моя собственная? А если нет - то право судить от имени моего имеете ли?

Непросты задачи наши, но по устремлению и вере каждого воздается нам. Но кто-то - лишь тварь дрожащая, а иным право мир менять этот дано было.

Или думаете, что ум ваш изменить мир подлинно способен? Но взгляните, к чему привела уже хитрость и подлость умов ваших.

Не нужны мне вашего ума домыслы - но в Душах и сердцах видеть его хочу я. И что есть сердце, как не храм Души?

Или считаете, что не способен в Душах ваших видеть я? Может, сумеете обмануть меня, но как Того обманете, за мной кто стоит?

Как скроетесь от всепроникающего взора вы Его? Лишь только выколов глаза ваши.

Как сможете не слышать гласа вы Его, устами нашими вещаемого? Лишь только заткнув уши ваши.

Как сможете не чувствовать светлых прикосновений Его? Лишь только умертвив сердца ваши.

Предчувствую, как под взглядом моим вы понурите головы свои, и как стыд, страхом окутанный, пронзит сердце ваше. Но того хочу ли я по-настоящему?

Не страх ваш нужен мне, и даже Ему не нужен страх ваш - но понимание преступления вашего надобно. Но желание изменения вашего надобно.

И что есть преступление, как нежелание изменения вашего? И что есть итог жизни вашей, как не наказание?

И что есть подлинное духовное преображение как не искупление ваше? И не будет более страха у каждого, в небеса воспарившего.

И только тогда вы сможете помочь Богу помочь вам.

Но до того момента, как в небеса воспарите вы, помните - зло все, что вокруг себя видите вы, - есть преступление и наказание. Ваше преступление и наказание.

14.08.2010

Случайность

И вот ты читаешь эти строки … случайность? А сколько их вообще было в твоей жизни?

Вот ты совершенно случайно появился на свет … Твоя мама как-то случайно встретилась с твоим отцом, и они решили завести ребенка - тоже спонтанно и случайно. Ты случайно не помнишь, как все это начиналось?

Случайно ты поступил в школу, случайно окончил институт … Твоя жизнь была полна случайностей совершенно нелепых и порой даже немыслимых и непрогнозируемых наперед. Вот, например, благодаря счастливому - случайному? - совпадению ты встретился со своей будущей девушкой одним ранним весенним утром на перекрестке двух дорог, когда каждый из вас неспешно шел куда-то по своей улице. Ты засмотрелся на нее и практически не заметил, как кто-то случайно до этого оставил крышку канализационного люка открытой прямо по пути твоего шествования … А потом она вместе с другими помогала вытаскивать тебя из этой зловонной дыры. Это было ну очень необычное знакомство … Впоследствии оказалось, что вы оба уже несколько лет работали вместе в разных отделах одной и той же компании, вот только никогда еще не пересекались по работе до этого … странно, не правда ли? А потом ты - ну, разумеется, случайно - писал ей стихи, дарил цветы и однажды сделал предложение.

А еще, помнится, какой-то лютой зимой ты вдрызг разругался со своими родителями и порывался уйти из дому. Бесцельно бродил по улицам города под крышами домов, и огромная сосулька упала с одной из них на пару метров перед тобой, каким-то чудом тебя не задев … очередная случайность? А сколько раз впоследствии тебе удавалось избегать подобных смертельных опасностей? Одну за другой - и все совершенно случайно …

А сколько раз у тебя случайно оказывалась нужная людям вещь, в самый подходящий момент приходила в голову замечательная и полезная идея, ты оказывался ровно в нужном месте и в нужное время? А сколько раз твои знакомые и друзья оказывались рядом с тобой как нельзя более кстати? Случайно ты находил достойных знакомых и новых друзей … Ты случайно не забыл все это?

А это небо, эти кучерявые облачка-барашки, это солнышко, ласкающее твою кожу, этот ветер, треплющий волосы, эти падающие тебе на язык снежинки … по-твоему, все это тоже происходит совершенно случайно? Вот взять хотя бы те же снежинки - ты вообще видел их красоту? С какой же вероятностью молекулы воды, замерзая, способны постоянно образовывать столь причудливые и удивительные формы? А приходилось ли тебе видеть облака, похожие на животных или, скажем, на сердечко? А бывало ли так, что еще недавно пасмурное небо рядом с тобой внезапно за какие-нибудь десять минут очищалось от тучек и сквозь образовавшийся просвет начинало светить солнышко, стоило лишь улучшиться твоему настроению незадолго до этого? Или ты до сих пор полагаешь, что все это происходит случайно? Может быть просто ты все еще не знаешь об этом мире чего-то самого-самого важного?

Однажды ты долгое время пребывал в мрачном состоянии духа, сильно приуныл и, как следствие, совершенно случайно заболел. Боли совершенно неподдающейся логике природы беспокоили тебя - то сердце заколит, то печень заноет, а то и вообще голова трещит по всем швам. Врачи диагностировали общее нервное переутомление организма и советовали почаще лежать в постели - но ты-то знал, что дело тут совершенно в другом. От скуки стал просматривать комедийные фильмы один за другим - и через пару дней резко пошел на поправку, а через неделю был как новенький. Случайность?

Ты случайно злился на людей - и тут же падал в лужи. Случайно обижался и гневался - и практически тут же заболевал. Случайно помогал кому-то - и удивительным образом при совершенно других обстоятельствах жизнь также случайно помогала тебе в ответ …

Случайность, случайность, случайность … сколько всего их было в твоей жизни? И что, согласно теоретикам от науки, есть твоя жизнь, как не цепочка самого разного рода случайных обстоятельств? Но ведь тогда … и вся Вселенная, и эта галактика, и эта планета, и миллиарды живущих на ней … тоже случайны? Или все же ты слишком мало знаешь об этом мире, в котором живешь?

И вот ты по-прежнему случайно читаешь этот случайный текст. Или … случайностей не существует?

18.08.2011

Спрут

- Ну что же, рад снова видеть вас, Сармаэль. Давненько, хм, мы с вами не виделись душа-к-душе, так сказать, и глаз на глаз. Лет десять, не меньше. Много нефти с тех пор утекло, как говорили мои предки, не правда ли?

- Но и не больше десятка лет по локальному поясу, пожалуй. И я всенепременно рад этой встрече, господин Архитектор. С тех самых пор, как вы заняли эту позицию, я праведно и искренне смею надеяться, что …

- Оставьте вашу лесть, Сармаэль, для какой-нибудь глупой тринадцатилетней девчонки, которую вы после проведенного вам молекулярного реинжиниринга наверняка начнете вскорости обхаживать, - а я за свои пару-тройку сотен слышал ее уже достаточно. Насколько мне известно, выше Кураторов никто из этих неразумных так и не поднялся. Не тот пошиб и амбиции, знаете ли, не та хватка… Ну, довольно. Присаживайтесь лучше, да поболтаем немного, как в старые добрые анархические.

- Благодарю. Много нефти утекло, говорите? Биотики и металла, пожалуй, не меньше. Не говоря уже про количество ставших органическим месивом мозгов наших оппонентов, не правда ли?

- Да … как сказали бы эти исторические лизоблюды прошлых веков человеческого мира … как их? … французы, - сплошное nostalgy. Старые добрые анархические …

- Вся власть машинам, хм? Кажется, таков был лозунг этих биологических выродышей?

- Ну … и да, и нет. Мы бы не стали тем, чем мы стали теперь в этих новых оболочках, без их исследований. Ну, а что касается … побочных эффектов, то … за все нужно платить свою цену, не так ли? Даже за право быть … свободным.

- Что ж, резонно, резонно. Но разве вам никогда не хотелось хоть разок, скажем, почувствовать себя по-настоящему мыслящим, самостоятельным, снова ощутить хоть на мгновение саму суть возможности быть … человеком?

- Давным-давно, Сармаэль, давным-давно. Когда мы высадились на “Тетте”, и клоны пошли в бой … Ее глаза, этой девочки, я низачто, наверное, теперь уже не смогу забыть этот молящий взгляд, когда … когда биоинсургенты трансформировали ее тело молекула за молекулой в то, кем … чем теперь стали мы … Они были полны такой мольбы, отчаяния и надежды одновременно … во мне тогда что-то как будто снова щелкнуло и замкнулось где-то, пронзило насквозь. Что-то где-то переклинило во мне, и с тех пор я не могу забыть этот момент …

- Стабилизаторы памяти тоже не помогают?

- Нет, Сармаэль, ничто уже не помогает. Иногда я ловлю себя на мысли о том, что я болен, Сармаэль, что я болен душою. Что она до сих пор еще жива во мне … Тебе ли понять, как это мучительно - чувствовать себя ответственным за все совершенное поныне? О, не тебе, не тебе, Сармаэль … Мы ведь так и не стали бессмертными, сколько не пытались … практически полная регенерация тел, анабиозные нейрокапсулы, биотико-молекулярный синтез с фантастической скоростью, но … Что толку, Сармаэль? Что толку, если в тебе жива душа? Ничто не способно защитить от ее шепота, который сводит тебя с ума день за днем, ночь за ночью, столетие за столетием …

- Да, я слышал об этом недуге, господин Архитектор. Новый занесенный первичными колонистами вирус с “Эпсилон-5” оказался способен менять ритмику нейро-импульсов внутри наших клеточных структур и приводить к …

- Оставь, Сармаэль … все гораздо … сложнее, чем думаю многие.

- Если бы вы только согласились пройти курс молекулярной реструктуризации раньше положенных сроков, то вы бы наверняка …

- … А ты знаешь, он был прав, Сармаэль … подумать только. Живший несколько веков назад биотический прототип … он как будто чувствовал эту возможность заранее.

- Кого вы имеете в виду, господин Архитектор?

- Их писатель, Сармаэль … человеческое существо. Как же завоеванные нами аборигены с их прото-планеты его тогда называли … Оруэлл, кажется. Этот засранец как будто знал заранее, что нас ждет! Как будто снимал с нашей цивилизации кальку, понимаете? До сих пор мой биотический разум отказывается поверить в возможность подобного.

- Но, господин Архитектор, возможно, это все лишь только фантазия больного человеческого разума, ощущающего острую нехватку гормонов циклических структур вида …

- Ему сказали, Сармаэль. Кто-то, до сих пор неведомый нам. Кто-то очень и очень могущественный …

- Я не считаю себя вправе навязывать свое мнение, господин Архитектор, однако хочу отметить, что выстроенная нами общественная модель не знает известных нашей науке изъянов и может по праву быть признана одной из самых совершенных во Вселенной.

- Мы сделали все, чтобы не дать им вновь восстать, верно?

- Так точно, господин Архитектор. Больше, чем было необходимо. Абсолютно лояльное стадо. Полный биотико-информационный контроль над эмоциями. Эксплуатация эмоциональных взрывов низкого порядка, включая взаимную и разъединяющую их ненависть. Ломящиеся от груза ультрамодных гаджетов прилавки магазинов. Общественно прославляемые сексуальные оргии. Написанная заново история их рас. Разрушенная историко-культурная самобытность, ненасильственно и планомерно внедренный в разум набор мыслительных штампов и патриотических лозунгов. Наука, пущенная по рельсам препарирования мира на молекулы и атомы. Идеально выверенное и сформированное историко-идеологическое обоснование нашей власти и прихоти. Планомерно выстроенные города-муравейники, столь укрепляющие ощущение собственной мелочности и никчемности на фоне тысячеметровых возносящихся в небо строений. Химико-биотические препараты, вызывающие чувства эйфории и невыразимой самоудовлетворенности. Поощрение института каннибализма с целью стабилизации скачкообразного прироста численности особей. И главное, то основное, что удерживает покоренные нами расы от их вторичного восстания - тотальный и полный духовный атеизм, искоренение самой мысли о возможности Высшего Разума.

- Я смотрю сейчас вас стали учить гораздо лучше, Сармаэль, … хотя толку от вашего “доклада” практически никакого. Да, Сармаэль, все так … и не так одновременно. Скажите, вам никогда не казалось, что мы … что мы либо стали слишком совершенными для того, чтобы быть и дальше заинтересованными в управлении этой галактикой, либо слишком несовершенными для того, чтобы иметь право продолжать делать это. Вы … понимаете меня, мой друг?

- Признаться, не очень. Неужели подобная сформированная нами галактическая империя не кажется вам идеальной для наших интересов? Мы сделали именно так, как и завещали нам наши создавшие Искусственный Разум предки. И вы, господин Архитектор, вы сами руководили этим процессом реинкарнации нашей расы.

- Да, Сармаэль, мы все сделали верно. Наверное, даже чересчур … как будто ровно по чьему-то чужому плану. Но они не учли … не учли единственный момент … мы … до сих пор имеем … душу.

- Уж не хотите ли вы сказать, Архитектор, что вы действительно верите в то, что Высший Разум существует? Наши ученые давным-давно доказали, что даже подобная гипотетическая возможность создает …

- Я прожил гораздо дольше, чем вы можете себе представить, Сармаэль, и за всю эту жизнь … реструктуризированного человека … я все-таки понял одну вещь … мир, который мы загубили, был слишком красив и чудесен, чтобы быть чьей-то случайной прихотью …

☆ ☆ ☆

Системная ошибка. Критическая помеха. Обнаружены значительные отклонения электро-информационных колебаний в секторе “Дельта”. Синусоидальные помехи уровня пять галактики “Кваппа”. Нарушение историко-хронологического, временного и духовно-мировоззренческих континуумов. Возникновение теоретической возможности экспоненциального всплеска и разрушения крио-метастезийных капсул жизнеобеспечения. Вероятность разрушения поддерживающих Систему иллюзий. Задействованные программы: “Архитектор”, “Сармаэль”. Задействованы методы восстановления самоконтроля Системы. Программа “Архитектор” подлежит пересмотру. Программа “Сармаэль” изолирована в шестом подпространственном континууме. Инициирована принудительная перезагрузка …

08.07.2011

Сущая мелочь

Он был рожден для великих дел. А жизнь складывалась из мелочей …

Твоя жизнь - сущая мелочь, правда? Но разве это твоя вина? Не переживай, конечно же, нет. Ты таким родился, таким тебя воспитали родители, таким тебя сделало общество, таким тебе просто приятно быть. Ты ни за что не отвечаешь в своей жизни, потому что ответственность - такая сущая мелочь! Ты даже не знаешь, собственно, почему она, твоя жизнь, сложилась именно так, а не иначе. Должно быть, такова была воля неведомых тебе случайных обстоятельств, а твоя собственная воля - такая сущая мелочь по сравнению с ними. И разве можно стать хозяином заранее написанной кем-то за тебя судьбы?

Ты с рождения чувствовал себя рожденным для великих дел. Это другие - жалкие людишки! - были обречены самой судьбой нести свой крест мелочных дел, мечтаний и амбиций год за годом, ты же был создан для чего-то великого, чего-то грандиозного, незабываемого, неповторимого, практически вечного … чего-то не мелочного. Как странно, что жизнь не предоставила тебе ни единого шанса продемонстрировать другим это твое величие - но оказалась какой-то мелочной нищенкой, постоянно клянчащей подаяние прямо на твоих собственных глазах … Как это мелочно с ее стороны!

Иногда тебе удавалось. Иногда ты всем своим существом чувствовал, что наконец-то совершил что-то важное, доброе, светлое, нужное - помог кому-то и сделал мир чуточку добрее. Но если взглянуть с другой стороны, все эти твои дела - такая сущая мелочь по сравнению с тем, что ты бы мог сделать в потенциале. Но - странное дело! - жизнь твоя складывалась исключительно из мелочей. Или это ты желал всего и сразу?

Иногда ты терпел поражение. Обманывался и обманывал, бил и был побиваем камнями, любил и ненавидел одновременно. Да, ты чувствовал, насколько мелочны и ничтожны многие из твоих подлинных мотивов, твои побуждения и стремления … но разве ты не имел на них право? К тому же у тебя всегда остается время исправить свои ошибки … мелочь, а приятно.

Как же мелочно порой к тебе относились другие! И почему, собственно, они не могли быть более великодушными, более любящими и понимающими по отношению к тебе? Почему они творили какие-то глупости, говорили нелепицы, и время от времени всячески старались вывести тебя из твоего идеального образа самого себя? Разве ты давал им право так относиться к тебе? Какие нелепые они существа! Впрочем, жизнь уже успела воздать некоторым из них по делам вполне заслуженно … мелочь, а приятно!

Если бы ты только знал, как единым махом сделать этот мир добрее по отношению к самому себе и по отношению к тебе! Но ведь гениями рождаются, а не становятся, правда? А мелочная жизнь несправедливо лишила тебя возможности продемонстрировать собственную гениальность, не дала ни единой возможности раскрыть свои полу-сожженные крылья и устремиться в полет к высочайшим высотам … А ты ведь уже внутреннее был готов воспарить прямиком на Олимп, верно? И вот теперь ты с внутренним остервенением и внешней непробиваемой блаженной улыбкой изо дня в день перекладываешь свои бумажки из папки в папку и из стола на стол, и называешь это работой. Ты очень большой начальник - бесконечно выше всех этих лебезящих перед тобой недостойных, которым так и не удалось взобраться на тот поддельный Олимп, на котором ты уже восседаешь долгие годы своей жизни … Мелочь, да, но как же приятно!

Ты, признаться, уже начал постепенно забывать о своих розовых мечтах детства и отважных дерзаниях юности - слишком, наверное, они были не от мира сего … слишком немелочны? Впрочем, какое теперь это имеет значение? У тебя есть официальная жена, свой дом и загородная вилла, свой счет в крупном банке … своя новая жизнь. Страх смерти порой одолевает тебя, но ты стремительно гонишь эти мелочные и зудящие мысли прочь. Ты, разумеется, хотел бы жить вечно, но оказываешься вынужден пользоваться придуманными обществом заменителями - своим многочисленным потомством, например. Ты был рожден для великих дел, но будешь вынужден умирать, так и не реализовав своего подлинного божественного потенциала …

Да и, в сущности, что такое смерть для никогда не живших … сущая мелочь, правда?

15.08.2011

Тля

Тля мерно и неостановимо ползла вниз по склону горы.

Ветер дул ей в лицо, завывая и как будто прося остановиться, солнце нещадно палило уже покрывшуюся коростами спину, тут и там откуда ни возьмись на дороге появлялись какие-то ямы-выбоины неизвестной Тле природы. Но она уверенно продолжала движение вниз - потому что там, на самой низине, как ей казалось, ее наконец-то ждет вечный и преисполненный ленивого блаженства Рай. Ее безудержный ум все гнал и гнал ее вперед - туда, в неведомые подгорные дали - и, методично перебирая своими лапками, она без зазрения Души повиновалась своему хозяину и властелину.

Совсем недавно Тля отобедала собственным сородичем - мертвым, конечно, - которого нашла в уже изрядно подпекшейся на палящем солнце лужице крови. Брат по не-разуму должно быть, умирал мучительно, - несколько лап были сожжены светилом замертво и их прах уже успел разметать ветер, а с живота стекала какая-то немыслимая для Тли зеленая вязкая субстанция ядовитого толка. Именно поэтому субстанцией Тля побрезговала - кто его знает, что там у них, Тлей, внутри, в конце то концов? - а вот полуслепые глаза и жалкие подобия ушей оказались весьма аппетитными, также как и остатки мозга, еще не успевшие окончательно сгнить. Тля бы, наверное, вообще не притронулась к своему собрату, если бы ни мучительный голод, который одолевал ее на протяжении последних дней пути Туда. Тля не ведала, откуда эта неостановимая жажда крови внезапно возникла в ней, но с каждым днем пути она лишь росла и усиливалась. Что ж поделать, тяжка юдоль желающих попасть в истинный Рай.

Оставалось, кажется, совсем немного. Разумеется, Тля не могла видеть всего горизонта своего пути - лишь небольшую его часть, видимую для ее вечно опущенной головы и подслеповатых глаз - но все же ей казалось, что вот, уже почти, уже совсем скоро и ...

Иногда Тля мечтала о крыльях. Об истинных крыльях тех летающих в вышине небес гигантов, тень которых она иногда видела на земле. Тли называли таких Ангелами - Вестниками Небес. Да, они, конечно, видели лишь их тень, их жалкое отражение - но и оно иногда завораживало их подобия Душ ... Тля никогда не поднимала взор к небесам - просто была неспособна на это, можно сказать, Душе-генетически. Изначально ее сородичи боялись этих небесных послов, полагая, что они могут питаться ими, Тлями, однако, как показала многотысячелетняя практика, Тли были просто неинтересны Им - возможно, слишком малы для этого ...

Тля очень хотела летать - вот так просто взять и воспарить в небесную высь, увидеть весь свой путь, так сказать, с высоты птичьего полета. Когда-то Тля слышала краем полу-откушенного уха, что у ее древних предков были какие-то подобия маленьких крылышек, и что они даже могли иногда невысоко взлетать ввысь, как бы в полу-прыжках, но потом что-то в их организмах изменилось, нарушилось - и от крыльев остались одни только рудименты. С тех давних пор весь род Тлей разучился летать ...

Тля уверенно продолжала свое движение, методично суча лапками. Она была, можно сказать, чемпионом - одной из лучших. Уже практически девяносто процентов сородичей вымерли, соревнуясь между собой, кто же сможет быстрее и раньше всех доползти Туда, и первым пометить эту новую территорию - а она уверенно продолжала свой путь. Кто-то умер от голода, не в силах питаться себе подобными. Кто-то погиб от жажды, будучи неспособным пить какую-то мутноватую черную слизь, переливающуюся всеми цветами радуги на солнце, которая иногда встречалась ей в виде каких-то маленьких лужиц, должно быть, оставленных самим Создателем. У кого-то на солнце просто расплавился мозг. Кто-то окончательно ослеп и начал крутиться волчком вокруг своей оси, жалобно попискивая в тщетной надежде получить сочувствие от соревнующихся себе подобных. Кто-то сломал себе несколько лапок и его пожрали его оголодавшие собратья. Кто-то оглох и перестал слышать зазывающие крики лидеров их стаи и, таким образом, безнадежно отстал в их общем пути Туда. А кто-то просто махнул на все рудиментом своего крыла, лег на выжженную траву, закрыл глаза и окоченел. Одним словом, достойных осталось очень немного. И Тля была одной из первых.

Тля только что отобедала найденным трупом собрата, и собралась продолжить движение вперед, как внезапно что-то резко и отчаянно изменилось во всей окружающей ее действительности. Какая-то огромная и непостижимая тень легла на поверхность всей земли, насколько хватало взгляду, что-то огромное и неостановимое как будто внезапно начало приближаться к ней - и ко всему растянувшемуся шеренгой ее роду Тлей ... что-то очень, очень, очень страшное для них, Тлей.

- Неужели Он и вправду существует?! - успела подумать Тля в последний момент. - Простите нас за наш тлиный образ жизни! - хотела было пискнуть она, но не успела.

Кто-то наступил на Тлю и всех ее собратьев единым махом, окончательно решая вопрос с будущим подобных ... недочеловеков.

26.11.2010

Философия

Воскресение возможно только после распятия. Другого пути нет.

Ошо

Философия умерла - она умерла в день своего рождения. Порождение ума и глупости человеческой, никогда не была способна она дать того подлинного чувства радости и полноты жизненной, наполненности и осуществленности, которые способно дать творчество. Заложники своего ума стали предателями совести. Мыльный пузырь надувался ветрами лицемерия и вранья самому себе - но этот пузырь почти лопнул, а вы так и не научились любить … думать только лишь.

Раз за разом все новые измышления и философские концепции посещают ваши беспокойные умы, и вы не в силах противиться этой хаотической музыке - вы слушаете ее всю вашу жизнь, и временами даже пытаетесь записать по нотам. Раз за разом бежите вы по одному и тому же кругу, и не способны увидеть всю тщетность собственных путей. Ваша философия жизни стала крайне сильным обезболивающим от растущей ее какофонии. Ваш ум стал болен самообманом.

В тщетной надежде вы полагаете, что сможете построить общество всеобщего благоденствия вовне, продолжая изничтожать себя внутренне. Как будто бы можно было построить рай, ежедневно живя в аду собственных предрассудков! Вы забыли, что значит жить - и ум стал вашей единственной игровой площадкой. Вы забыли, что значит любить - и любовь постоянно перетекает в ненависть. Вы забыли себя подлинных и приняли навязанные вам маскарадные костюмы, став клоунами. Вечно неудовлетворенные и больные чувством собственной важности, вы проходите мимо других подобных вам спящих … а те же, кто берет на себя дерзость растормошить вас, неизменно оказываются злейшими врагами. Но лишь единственный подлинный враг существует для вас - и это вы сами.

Вы забыли себя подлинных и нацепили ложные маски значимости и взаимоуважения. Как если бы мертвый мог уважать мертвого же! Вы выбрали дорогу к кладбищу, начав умирать, а не возрождаться, каждое мгновение. Вы выбрали дрянную философию. Вы предпочли ложные ценности - а они предпочли убить вас. Просто иногда цена масок оказывается слишком высока … а вы падаете слишком низко, надев их. Вы забыли, откуда пришли. Вы не ведаете, куда вы идете. Как же при всем том можете надеяться вы на радость путешествия собственного? Каторгой для вас стало оно, хоть и не признаетесь в том вы.

Больно признать вам гибельность путей ваших, ведь противится эго тому и восстает на то память прошлого. Но разрушен будет ложных знаний храм, и новый на его месте воздвигнут. И прахом станет философия ваша, и рекою слезы. Кровь духа вашего прольется в реку ту, и красной станет она в дни те, кровью окрасившись. Сверкающий единой Истины клинок каждый вонзит в себя самостоятельно, разрубая путы ложных личных правд своих. Больно кричать в дни те будете. Но разве без распятия было бы воскрешение собственное?

Нет у меня философий для вас, подарить дабы во утешение, и не может быть. Как мир целый подарить можно бы, коль вы им уже обладаете, но не видите сокровище то вам данное в силу слепоты своей философической?

Разве есть у реки философия? Подлинной бытийностью является она, частью мира неразделимого. Как спорить с рекою журчащей и растекающейся будете вы и для чего ответа требовать дать? Тихая песнь журчания ее - не ответ разве ли? Не поспорите с рекой вы, но замутнить лишь воды ее пытаться сможете грязью вашей с собою издалека принесенной и за годы собранной. Запруду поставить пытаться сможете вы, но воды реки той найдут пути новые и обойдут запруды ваши воздвигаемые. Реке подобна будет истина, с ручейка малого начавшаяся и потопом мировым затем все смывающая. И будут ли границы у берегов ее?

Нет у меня для вас философии, ведь сгорает она в огне преображения собственного, дабы вылететь из ума клетки птица смогла бы. И когда вылетает птица духа на свободу - все небо вашим в миг тот становится.

31.05.2011

"Н" значит: Надежда

Воин Одина

Громогласный рев - свирепый боевой клич огласил округу и заставил, кажется, содрогнуться само небо. Сотни и сотни воинов бежали навстречу друг другу, облаченные в сверкающие кольчуги и в глазах их было только одно - неисчерпаемый боевой азарт. Не было сомнения, не было страха - была лишь жажда битвы и азарт - убить врага прежде, чем ты сам падешь на поле боя. Но падшие в честном бою - уже победители, они войдут в сверкающие чертоги Вальхаллы, и сам великий Один поведет их в новые битвы. Пусть же он ведет их в этой битве, пусть враги падут перед мощью его воинов!

Удар - поворот. Поворот - удар. Радость охватывала его - наконец-то сражение, которого он так долго жаждал, наконец-то славная битва!

Взмах - боевой топор обрушивается на шлем врага - и тот грузно падает на землю. Еще взмах - и чудовищной силы удар рассекает кольчугу еще одного. Капли крови, струящиеся из тела врага ... повторный удар - и вот новый враг повержен.

Вот его боевой товарищ тоже размахивается - и практически разрубает надвое еще одного.

Здесь не было правил - и более верткий и хитрый тоже иногда побеждал.

Меч, обрушившийся плашмя на спину его боевого друга ... какой-то сдавленный хрип, вырвавшийся из его горла. Вот его товарищ падает на колено, пытаясь развернуться и нанести ответный удар - но подкравшийся сзади боец снова ударяет, на этот раз выпадом меча, - и лезвие клинка разрывает пластины кольчуги ... Еще миг - и все кончено.

В такие мгновения он переставал чувствовать боль. Он переставал ощущать тяжесть его оружия, сотый раз ударяющего в железные пластины, он переставал чувствовать время. Крик отчаяния и боли вырвался из его груди - боли за смерть друга, с которым он делил один хлеб и одни походные невзгоды.

Он крутил и крутил свое смертоносное оружие, совершенно не чувствуя его тяжести - и враги разлетались перед ним. Самые смелые - или глупые - погибали мгновенно. Более осторожные предпочитали не лезть под танец сверкающей стали.

Но врагов было много и число их, кажется, только росло.

Крики и стоны. Звуки столкнувшихся клинков. Сражение кипело.

⋆ ⋆ ⋆

День продолжалась битва - и воины Одина вышли победителями. Какая-нибудь сотня воинов из нескольких тысяч ...

“Слава Великому Одину!” - разнеслось вокруг, как только был повержен последний из врагов.

“Слава Одину! ” - эхом повторили многие, и он в том числе.

Они победили, они победили вновь. Их погибшие братья предстанут в светлых чертогах перед Великим Отцом - для новых битв и новых побед. И когда-нибудь он тоже встретится с ними ...

⋆ ⋆ ⋆

Он застонал.

В бессильной ярости ударил кулаком по столу с такой силой, что тот чуть не развалился пополам.

Почему, почему, почему? Почему он должен сделать это? Слова упали в тишину и растворились в ней без следа. Слова ушли - вот только его внутренний голос не оставлял его и не давал ему покоя. Уже не голос воина Одина.

Монастырь. Почему они должны совершить набег на этот монастырь? Это не достойное их сражение! Убийство беззащитных ради спрятанных в стенах обители сокровищ ...

И он, он должен вести свою сотню - чтобы видеть, как монахи падают под ударами топоров и мечей, высоко подняв крест и прося своего неведомого ему Бога о защите ... Это будет бойня, а не сражение - кровавая бойня из-за алчности. И он, один из лучших, будет их предводителем ... И он не может отказаться, ведь цена за это - смерть и вечное проклятие, навсегда лишающее его права войти в золотые чертоги. Почему у него нет выбора? Почему он должен истребить беззащитных - совсем не воинов?

Или не должен?

Он зарычал в бессильной ярости. Заметался по дому. Затем схватил топор и начал громить им все вокруг. Потом как-то наткнулся на бочку с водой и опрокинул туда голову.

Это помогло. Он пришел в себя, успокоился.

Молча сидел, размышляя. Так прошел час.

Затем резко и порывисто встал, как будто решив предельно важный для себя вопрос.

“Решено, - четко и ясно подумал он, - решено”.

☆ ☆ ☆

Они высаживались на берег с боевых галер, и он командовал ими - воинами Одина. Воинами смертоносного для их врагов Бога.

Вновь боевые крики и боевой задор. Его братья были практически прежними - вот только враг был другим ...

Вот последний воин сходит на берег - сейчас он должен будет повести их в бой на ничего еще не подозревавших защитников монастыря, что удобно расположился на склоне гор в километре отсюда.

“Сейчас или никогда. Сейчас или никогда”.

“Воины, - прокричал он. Великие воины Одина, что побеждали в сотнях и сотнях битв во славу нашего Бога! Мы смелы и отважны, и Один ведет нас в праведный бой! Судьба наших врагов уже предрешена, ведь сам Один ведет нас! “

Громогласный крик одобрения был ему ответом.

“Но обращаюсь к вам, воины. Достойную ли цель указали нам? Достойно ли сражение, что нам предстоит, славы истинных победителей? Мы должны уничтожить наших врагов - но враги ли они нам? Мы всегда сражались достойно и достойно же выходили победителями - но мы не выйдем достойными победителями из этого боя, братья! Это не наш бой, он не ведет нас к славе и золотым чертогам. Мы не должны вести его!”.

Ряды воинов заколыхались. Казалось, они все были смущены.

“Ну, хоть один, хоть один поддержите меня, братья. Хоть один достаточно смелый из вас” ...

“Да, Хротгар сказал верно! Это не наш бой! ”, - и один из его бойцов вышел вперед с этими словами. “Я тоже думал об этом, когда получил задание идти под его предводительством - и я решил, что это не достойный бой. Мы не снищем себе славы в этом сражении, мы убьем тех, кто недостоин битвы с Воинами Одина!”

Воины начали перешептываться. Кто-то недоуменно мотал головой из стороны в сторону, смотря, что предпримут другие. Но это продолжалось недолго - совсем недолго. Какие-то десятки секунд.

“Ты - предатель! Ты позоришь честь победоносных воинов! Ты недостоин войти в чертоги, и ты будешь проклят во веки веков за эту трусость!” Другой воин вышел вперед и, казалось, выплюнул в него эти слова.

“Предатель!”, - повторил он, и надвинулся на него, подняв высоко свой боевой топор.

Но в этот момент тот, кто поддержал его, преградил ему путь и так же непоколебимо встал с оружием в руках, готовый сражаться - и умереть. Им действительно теперь, похоже, придется умереть - двоим против десятков ...

И он вновь заговорил. Убеждал их в ошибке, которую они уже готовы были допустить.

Убеждал их не вступать в этот недостойный их бой. Говорил о лучших сражениях и лучших битвах. Он пытался подобрать все те слова, которые были понятны и близки им - говорить на их языке, теперь уже сделавшимся для него почти чужим ...

И пока он говорил, еще десять бойцов вышли из рядов и встали рядом с ним - в глазах их была такая же смелость и готовность, если потребуется, погибнуть - как и в его глазах.

Но добрая сотня осталась стоять неподвижно. Им действительно, похоже, придется сегодня умереть и быть преданным вечному проклятию за отступничество ...

“Не слушайте этого труса и лжеца! Каждый, предавший Одина в бою, навсегда лишится шанса войти в Его чертоги. Трусам не место в чертогах смелых! Сметем этих предателей и лжецов - и начнем великий бой! Вперед, истинные воины Одина! ”

Вновь обличительные слова - и вот пыл воинов разгорается. Смущение исчезает с их лиц и на его место вновь приходит какая-то свирепость и безжалостность ...

“Что же, братья, придется нам сегодня умереть”, - мысленно обратился он к одиннадцати истинным воинам. Но они и так прекрасно понимали это - лишь еще крепче сжали в руках оружие и встали рядом с ним - плечом к плечу.

Мгновение - сотня воинов ринулась на них.

Мгновение - орудия столкнулись.

Мгновения - как целая вечность ...

Вот двенадцать воинов встали плечом друг к другу, готовые сражаться и умереть.

Вот первый подбежавший враг замахнулся - и удар его был отбит.

Вот подбегают еще и еще - и клинки работают без устали - они, эти двенадцать, в этот день не чувствовали усталости.

Вот первый из них ранен - и ряды смыкаются, чтобы защитить его.

Его крик, разнесшийся далеко - далеко. И вот волна врагов откатывается от них как от несокрушимого барьера. Но враги снова наступают - и вот ранены еще двое. Ряды сомкнулись еще крепче и еще яростнее стали атаки.

Один, второй, третий, десятый, двадцатый ... Враги подбегали и откатывались от них - как от несокрушимой стены. Но их было много ... слишком много ... Вот их уже всего лишь пять - остальные ранены или убиты.

Четверо ... Трое ... Двое ...

Остались лишь он - и воин, первым вышедший поддержать его. Вот он разворачивается к нему - и в глазах его великая мудрость и понимание.

“Сразимся, брат!”- и становится к нему спиной, защищая.

Так, стоя спиной друг к другу и отбивая сыплющиеся удары, они продержались еще две минуты. А потом добрых семь десятков воинов подмяли их под себя и опрокинули - и устремились к монастырю, подбадривая себя диким ревом ...

☆ ☆ ☆

Мгновение? Вечность? Сколько же прошло времени? Он не знал - помнил лишь свой последний бой - двенадцати бойцов - и удар секиры, настигнувший его. Он не погиб? Не погиб ... Его посчитали мертвым и не стали добивать ...

Но ... но раз они не смогли их удержать ... выходит, что монастырь все-таки был разграблен и предан разрушению ... Они не смогли остановить их ... не смогли ... Он застонал - даже не столько от боли по всему телу, сколько от ноющего чувства тоски и печали. Они не смогли их остановить ... Он и одиннадцать так и оставшихся безымянными воинов ... Приложив неимоверные усилия и закричав от прорезавшей тело боли, он таки сумел подняться.

Около тридцати бойцов лежали неподвижно, обратив глаза к небу. И среди них - его смелые воины. Погибшие ... Пусть они, достойные, не будут прокляты, но благословлены - и найдут мир в том мире, где они сейчас находятся!

Он огляделся по сторонам - галер не было. Выходит, бой уже закончен, и воины отправились домой. Значит, монастырь уже не спасти ... Но может хоть кто-то остался там жив. Хоть кто-то ... если даже хоть кто-то из них жив - он обязан помочь ему, обязан спасти - хоть так он сможет исправить свою ошибку. Да и пути назад у него теперь нет, он изгнанник и проклятый - проклятый своим же народом ... пусть уж лучше его считают мертвым.

По-прежнему сдерживая стоны от невыносимой боли, он поднялся и медленно зашагал по направлению к монастырю. Тысяча метров, всего какая-то тысяча метров ... Его долг.

Он шагал и падал. Затем поднимался и вновь шагал. И вновь падал. Затем он пополз по земле.

Может быть, прошел день. Может быть, прошла целая вечность.

Он не знал - у него теперь была одна цель и один путь - и он шел по нему. Даже практически без сил - он все равно шел. Когда же, наконец, его затуманенному взору предстали стройные стены монастыря, он приподнялся на обессилевших руках и улыбнулся.

“Я все-таки нашел тебя”, - еле слышно прошептали его губы, и он неподвижно замер на земле.

⋆ ⋆ ⋆

Тихая печальная песня. Чьи-то руки, скользящие по его лицу. И затем - холодная струя воды. Он закряхтел и шевельнулся.

“Жив!”, - сквозь обволакивающую его пелену услышал он.

Жив. Он все еще жив. Для чего же он жив, если он не сумел выполнить свой долг? Для чего?

Попытался открыть глаза - но лишь смутное красное марево предстало его взору. Тогда он прикрыл их и погрузился в сон.

Он спал и спал. Временами он просыпался на какие-нибудь десять минут - и затем снова засыпал.

Когда же он вновь проснулся и в очередной раз попытался открыть глаза - кровавого марева уже не было. И тогда он смутно различил человеческую фигуру, склонившуюся над ним, и услышал ее голос - ласковый голос девушки.

“Спи, тебе еще рано двигаться. Раны еще не зажили. Спи”. Он не сопротивлялся сну.

Потом временами он просыпался, чтобы вновь услышать ее голос и попытаться сквозь дымку разглядеть ее лицо - и ему очень долго не удавалось это сделать. Но настал день, когда он смог подняться с постели без посторонней помощи - и зрение и слух его прояснились.

“Я все-таки нашел тебя”, - отчего-то пришли на ум совсем уже, казалось, ставшие далекими слова.

Да, это была девушка, еще совсем юная, может быть семнадцати-восемнадцати лет. Вот только в глазах ее читалась уже совсем взрослая твердость. И тогда он решился спросить.

- Где я?

- Ты в нашей обители, - ответила девушка. В моей обители, - добавила она и всхлипнула.

- Ты ... ты помогла мне ... Почему?

- Ты не один из тех, кто напал на нас. Я это сразу поняла. Наши ... мои ... братья ... увели напавших в леса ... и погибли там ... выжившие варвары вернулись сюда ... и разграбили монастырь. Все те, кого удалось одолеть моим братьям, остались в лесах - ты же подошел прямо к стенам монастыря. Если бы ты был в числе напавших - ты не рискнул бы это сделать. Ты не из тех, кто убил моих братьев,- сказала она очень твердо.

- Д-да ... это т-так,- еле слышно пролепетал он все еще не слушающимся его языком.

- Тогда зачем ты пришел сюда? - и она подвинулась к нему совсем близко, не сводя своего изучающе-требовательного взгляда с его лица.

- Я хотел ... хотел остановить их ... и ... и не смог ... прости ... прости меня, если ... можешь.

- Ты хотел помочь нам? - в глазах ее выразилось крайнее удивление, - почему? Ты ведь из их же народа ... ты пошел против них?

- Я ... не мог ... допустить ... бойни, - слова шли очень медленно и тяжко из его горла.

- Но она все-таки была допущена ... Впрочем, какое это теперь имеет значение! Спи, выспись, потом расскажешь мне остальное.

Она была права, ему сейчас требовался отдых - много отдыха - и он вновь погрузился в столь манящий его сон.

⋆ ⋆ ⋆

Он проснулся и почувствовал ее теплую руку у себя на лбу.

Не стал открывать глаз - лишь пытался прислушаться к ее мерному дыханию.

Когда же он, наконец, открыл их - она убрала руку с его лба и поднесла к нему пропитанную чем-то холодным губку.

- Проснулся? - на этот раз ее голос был заметно более приветлив, чем в прошлый,- ладно, вставай, ты уже вполне можешь это сделать.

Он попытался приподняться - и впервые за много дней его тело послушалось его.

Он сел на постели и окончательно прояснившимся взором взглянул на нее. Она была удивительно красива - по крайней мере, почти наверняка она должна была быть красавицей по меркам ее народа.

Русые волосы спадали до плеч, а на губах блуждала улыбка - впервые за много дней. В глазах была живость и в то же время совсем уже взрослая стойкость. Белая роба была на ней.

- С ... сколько я спал?

- Неделю, почти неделю ты пробыл здесь. Практически только спал, очень мало ел. Ты, наверное, сейчас этого уже не помнишь - для тебя должно быть прошли всего лишь минуты.

- П ... почему ты помогла мне?

- Ты ведь хотел помочь нам? Даже если тебе это и ... не удалось - ты не был с этими варварами. Я обязана была помочь тебе, это был мой долг. Если бы только ты успел раньше ... если бы успел ... хотя, что ты мог сделать против сотни воинов ...

- Н ... не один. Я сражался не один с ними ... нас было ... двенадцать. Все они ... погибли.

При этих словах слезы выступили на его огрубелых щеках - а ведь он ни разу еще до этого не допускал себе столь жесточайше непростительной слабости.

Девушка как-то печально и в то же время с надеждой улыбнулась.

- Все-таки есть на свете люди, не потерявшие свое сердце, все-таки есть. Жаль только, что ты не смог нам помочь. Но что бы двенадцать воинов могли сделать против доброй сотни ...

- Ты говорила, твои братья погибли ...

- Да, варвары убили их всех. Я была единственной сестрой в этом монастыре ... и единственная осталась в живых. Только чтобы оплакивать их смерть.

И она, несмотря на всю свою внешнюю кажущуюся стойкость, заплакала.

- Как же ты тогда осталась в живых? Они не тронули тебя?

- Я ... спряталась в монастыре. У нас ... был секретный ... ход и ... туннель, ведущий из монастыря, - продолжая всхлипывать, говорила она, - в нем я и переждала бурю, как велел мне мой отец ... Вот только буря эта уничтожила все, мне дорогое ...

Казалось, она сейчас совсем забудется в своем горе при этих воспоминаниях. Он вытянул свою руку и взял руку ее в свои ладони. Пусть знает, что она все же не одинока в этом мире ...

Они молча сидели, крепко сжав руки друг друга. Так прошло минут десять. Наконец она сумела успокоиться.

“Отдыхай, воин”, - тихо прошептала она и вышла.

☆ ☆ ☆

День, второй, третий ... Неделя, другая, третья ...

Он полностью оправился от своих ран, и они смогли беседовать каждый вечер.

Ей теперь очень не хватало этих простых человеческих бесед - и ему не хватало тоже.

В этом они были похожи друг на друга - оба они стали изгнанниками, оба лишились близких.

Постепенно она стала приходить к нему все чаще и чаще. Когда она, случалось, вспоминала о слишком памятных еще днях своего горя - он утешал ее. Иногда она просила рассказать его о своих сражениях - и настолько внимательно слушала его, как его не слушала никакая из женщин прежде.

Затем пришли их дни совместных прогулок по окрестностям обители. Это были замечательные дни - светлые и солнечные дни весны. Зимний снег растаял - и вместе с ним, кажется, канули и все тревоги.

Это было чудное время. Может, одно из лучших в его - и ее - жизни.

Они стояли, обнявшись, под кроной какого-то дерева, сквозь листву которого просвечивало солнце и играло лучами на их лицах. Он тогда говорил ей эти слова - слова своей любви.

Он поклялся, что они никогда не расстанутся и всегда, всегда, в жизни и смерти - будут вместе.

Вечно - будут вместе. Всегда.

Ее - единственную ее - он по-настоящему полюбил. Как не любил никого другого - он любил ее.

Он и сейчас любит ее. Он будет любить ее всегда - в жизни - и в смерти.

☆ ☆ ☆

“Готовьтесь! Всем разойтись! Зажигай!”

Пламя метнулось вверх, отчаянно стремясь в одно мгновение пожрать неподатливый кусок дерева и прикрепленного к нему человека.

Вот языки его все ближе и ближе - уже пляшут перед глазами. Скоро этому придет конец. Скоро конец ...

Земное счастье их было не долгим. Через год новый набег его орды - и лишь двое защитников, готовых противостоять им - он и она.

Они были схвачены - и он был узнан. Сначала его посчитали мессией - воскресшим из мертвых - но потом кто-то заявил, что он просто не сумел хорошо всадить этому предателю свой топор в грудь.

Он не видел говорившего эти слова - вот только голос его показался ему очень знакомым ...

Предателей не прощают. Судьба их - смерть. Через сожжение. Небывалая казнь для его народа - обычно их убивали в честном бою. Видимо, даже честного боя он, по мнению своих братьев, оказался не достоин - только лишь удара в спину.

Ее тоже должны были сжечь - как его пособницу - и это было страшнее всего. Но, как оказалось, не для нее - только не для нее.

“Я буду с тобой всегда - помнишь? В жизни и в смерти”.

“В жизни и в смерти - всегда”,- ответил он. И они обнялись - в последний раз в этой жизни.

Ее увели. А затем так же прикрутили железными канатами к такому же столбу. И зажгли пламя.

☆ ☆ ☆

Пламя метнулось вверх слепящими и обжигающими волнами, пожирая свою законную добычу. Но боли уже не чувствовалось.

Два горящих столба. Два мужественных человека.

“Вместе - всегда!” - что есть силы прокричал он.

“Всегда!”, - донеслись до него ее слова.

Вот новый натиск стихии - и оба они скрылись в огне.

Толпа кричала.

И лишь немногие, отвернувшиеся от этого пожарища, давали себе клятву - священную клятву истинных воинов - никогда больше не допускать подобное. Бороться за справедливость.

Бороться - всегда.

Лишь эти немногие видели, как два светлых духа, оторвавшись от пламенных столбов, взмыли ввысь. Как они обнялись и улыбнулись друг другу - и устремились в небеса.

“Вместе - всегда”, - услышали эти несколько.

“Всегда”,- повторили они.

03.01.2005

Впереди - жизнь

“Ах ты!”, - крик вослед.

Маленький мальчик двенадцати или тринадцати лет - еще совсем подросток - сорвался с места и побежал прочь. Они, конечно, побегут за ним - побегут за вором ...

Надо было оторваться - во что бы то ни стало. Пара кварталов - а там спасительный подъезд ... спасительный подвал, где можно залечь и затаиться, затаиться до тех пор, пока организм снова не потребует доли - доли еды и ... и того, что помогало ему скоротать эти мучительные дни одиночества. Жизни без крова, без родителей, без всего - жизни наедине с самим собой и тем, что он купит на своровванные деньги. На ходу он открыл сумку ... бумажник ... так ... две ... три купюры ... две тысячи рублей! Эти люди определенно собирались купить что-то сегодня. Какая досада - им это не удастся ... но зато удастся ему!

Он обернулся на бегу и чуть было не вскрикнул от испуга. Мужчина догонял его - расстояние медленно, но все же верно сокращалось. Ему в его тринадцать лет было не тягаться со взрослым и здоровым человеком.

Два квартала, всего лишь два квартала и он спасен! Он резко свернул в боковой проход между домами. Надо запутать следы - и тогда он сможет уйти ... и тогда он должен уйти.

Вперед, вперед, вперед! Ноги, выручайте, - вы уже не раз спасали меня в уличных столкновениях - помогите же и на этот раз!

Быстрый-быстрый бег вприпрыжку по переулкам, вертящаяся в голове одинокая мысль “Доберусь” ... Да, доберусь!

Резкий взмах и поворот головы - бежавший за ним мужчина вынырнул из-за угла.

Не удалось, не удалось обмануть ... мужчина видимо заметил, куда я свернул! Сейчас догонит ... сто метров ... девяносто ... восемьдесят ... семьдесят ...

Вот он, здесь. Здесь его дом. Дом ... вернее то, что с очень-очень большой долей сомнения можно было назвать домом. Здесь его спасение.

Нельзя, чтобы это место было раскрыто - надо увести догонявшего. Недавний воришка побежал прочь от дома в соседний переулок, мужчина - за ним.

Так ... вверх по лестницам - потом съедем на лифте. Вверх, вверх! Топот шагов за спиной ...

Только бы успеть - только бы добраться! Все ... последний этаж ... хоть бы хватило времени, чтобы оторваться! Вдавленная до упора кнопка лифта ... открывающиеся и закрывающиеся обитые железом дверцы. Он заскочил внутрь.

Успел? Не заметили?

Первый этаж. Выскочивший из лифта задыхающийся подросток - еще совсем ребенок ... И снова - бег, отчаянный, на последнем дыхании - бег. Бег во спасение.

Вот оно - его убежище, что не раз уже спасало его от невзгод, от напастей и гнева других, - спасало от чего угодно, но только не от самого себя ...

Он вбежал в дом - открыл и прикрыл дверь подвала. Сейчас у него нет времени ее баррикадировать. Надо затаиться, надо не подавать признаков жизни! Тогда удастся обмануть - должно удаться.

Капающие с потолка капли. Запах горелого, идущий откуда-то из глубины. Зажавшийся в угол подросток - еще совсем ребенок. Тихое-тихое дыхание в ладошки - чтобы не было слышно. Десять секунд, двадцать, тридцать ... Спасен?

Медленно открывающаяся дверь ... лучи света, ударившие в лицо и осветившие фигуру на пороге, устремленный к нему взгляд.

Улыбка? Он улыбается? Он все-таки нашел его - и теперь улыбается?! Наверное, предвкушает предстоящую расправу ...

Спокойный и исполненный внутреннего достоинства голос ...

“Ну, не прячься. Всю жизнь прятаться - ведь ты не намерен так жить, да? Иди же сюда. Да не бойся ты, что же ты еще сильнее зажимаешься в этот грязный угол, как будто он может служить тебе спасением в твоей жизни? Не буду я тебя ругать и бить - ты итак уже страдаешь, зачем я буду добавлять страданий тебе? Ну, давай. Я даже оставлю тебе часть тех денег, что ты своровал. Может быть даже все - если ты потратишь их разумно”.

Зовет к себе ... Ловушка? Возможно. Почти наверняка.

Но уж как-то слишком тепло и убедительно звучит его голос. Другие люди говорили не так ... да! - они говорили совсем не так, если им все же удавалось его настигнуть ... Да и ... что ему сейчас стоит просто подойти к нему и отобрать украденное? - но ведь не подходит же ... что-то говорит там ... Отдаст все деньги? Ну-ну, так я тебе и поверил ... такого не бывает.

“Что же ты боишься? Ведь я пообещал не причинять тебе вреда. Не веришь ... да, ты пока еще слишком напуган и ожесточен, чтобы начать доверять людям ... но ты преодолеешь это - вот увидишь! Ладно, не выходишь ... Тогда я сам спущусь к тебе”.

Подходит ... спускается! Все, конец! Он совсем вжался в угол ...

“Что же это у тебя за дом то такой ... А это что? Клей? Глупыш, ну разве может эта гадость заменить реальную жизнь! Ладно, вставай. Не стоит жаться в этот грязный угол. Вставай, я помогу тебе”.

Сильные руки, сейчас совсем аккуратно взявшие его. Он робко поднял на человека глаза и невольно залюбовался. Мужественное и смелое лицо ... улыбка на губах ... внимательный и ... участливый? взгляд - как будто просматривающий тебя насквозь и видящий каждое твое побуждение, каждую твою мечту ...

“Пошли, воришка”, - человек вновь улыбнулся. “Пойдем, тебе не место здесь - у тебя есть другие пути. Ты это очень скоро поймешь. Да не стоит возвращать мне эти деньги, оставь себе - оставь, что называется, на карманные расходы. Но смотри, я проверю, как ты потратил их.

Куда мы идем? Ко мне домой - он лучше твоего затхлого подвала. Ты будешь жить со мной - ведь ты всегда мечтал иметь отца, да? Я стану для тебя им - до тех пор, пока твой путь не позовет тебя.

У тебя впереди - жизнь. Пусть она будет достойной - ты сам сможешь сделать ее такой, ты заслужил это. А я - я лишь помогу тебе на твоем пути, помогу сделать первые шаги ... дальше ты будешь идти - сам. Я помогу тебе, я хочу помочь тебе - хочу, чтобы ты увидел - жизнь. Жизнь, говорю тебе, а не ее потемки! Возьмись крепче за руку. Следуй за мной”.

☆ ☆ ☆

Две медленно удаляющиеся фигуры - мужчина и маленький мальчик. У обоих подняты лица, и взгляд устремлен куда-то высоко в небеса ... Оживленный веселый разговор о чем-то. Смех и улыбки.

Впереди - жизнь.

18.06.2003

За Патриарха!

Сегодня я проснулся необычайно рано - даже солнце еще не успело взойти на Востоке. Вот уже почти час, как я бодрствую, и не могу понять, что же именно прервало мой блаженный покой. Что-то шевелится у меня где-то в груди и тревожит меня. Это странно. Никогда со мной раньше не было ничего подобного. Какие-то недостойные мысли пытаются проникнуть в мой ум - не иначе как сам Сатана искушает меня. Я изгоню эти мысли ереси - именем нашего Патриарха!

В смутных чувствах я включаю свет и вещание - ведь скоро должна начаться утренняя церемония молитвы, и мы, дети Божьи, все как один склоним головы в эти торжественные минуты, и во всех сердцах благословим Его Преосвятейшество - скромного наместника нашего небесного Отца на этой грешной земле.

Я беру позолоченную вещь, выполненную в форме креста, и аккуратно вдавливаю небольшую кнопку на ней - и это чудесное устройство, дар Божий, которое наш Патриарх назвал “видеодисплеем”, оживает. Кажется, несколько столетий назад такие вещи называли “пультами”, а аналогом этого “видеодисплея” был так называемый “телевизор”. Впрочем, я не уверен. Я не был прилежным учеником в нашей школьной семинарии - да и о прошлом нам рассказывали очень мало.

До начала утренней молитвы, что будет распространена с помощью этих видеодисплеев в каждый дом - каждый приют каждой Души - остается совсем немного времени. Мне надо успеть принять земную пищу, дабы напитать мое тело - а потом все свои силы я отдам духу и буду скромным служителем в этом несовершенном мире во имя целей нашего Святого Отца, да святится имя его на небесах во веки веков!

С тех пор, как скромные служителя нашего Патриарха придумали какой-то удивительный способ практически мгновенно создавать пищу из отдельных веществ, что дарует нам природа - мы не знаем недостатка в еде, потому что она может быть сделана практически из всего, что есть в этом мире. Воистину, только сам Господь мог даровать нашему Патриарху такое великое могущество над миром, воистину наш Патриарх - его наместник на земле!

Я успел насытить свое грешное тело и уже погрузился в прекрасные мысли о том великом райском царстве, в которое ведет нас, его смиренных служителей, наш великий Наместник, как видеодисплей издал определенный уже знакомый мне звук - это значит, что вот-вот должна начаться утренняя молитва, и мы, несовершенные творения нашего великого Отца, получим еще одну возможность погрузиться на время в его великую благодать, даруемую нам, еще одну возможность очистить свои Души от всякого зла.

Если мы будем смиренны и будем любить своего Патриарха, то эта молитва дарует нам ни с чем не сравненную радость и покой - потому что так и должно быть.

Молитва была чудесна - как всегда, она была удивительна.

Это такое блаженство - стоять, смиренно склонив голову, слушая чудесные песнопения, - и осознавать себя частицей чего-то большего, чего-то великого, чего-то вечного. Это ни с чем несравнимое блаженство - слышать голос самого Патриарха, когда он приветствует детей своих и благословляет их с новым днем в этом мире.

Когда молитва кончилась, я чувствовал себя на вершине счастья - и Душа моя пела в восторге. Все те грешные мысли, которыми сегодня утром пытался искушать меня Антихрист, исчезли. Так и должно быть - ведь истинный свет, даруемый нашим Наместником, очищает наши Души, - и никакое зло и ересь не может войти в дом нашей Души!

Сейчас мне предстоит отправиться в главную церковь нашего города - а всего праведными трудами служителей было создано уже около пятисот этих малых домов Божьих, дабы представить мое новое творение на справедливый суд ее главы Святого Алексия II. Он прочтет мою новую книгу - и, если она будет одобрена его святейшеством, - он даст свое высочайшее благоволение печатным агентствам размножить ее текст, дабы дети Божьи могли вкусить ее аромат и укрепиться в своей праведной вере в Бога и нашего всевеликого Патриарха.

Я выхожу из своего дома и с наслаждением вдыхаю чистый воздух Господень. Скромные слуги его Святейшества Патриарха смогли изобрести такие двигательные аппараты, которые оставляли воздух в его первозданной чистоте, не выделяя в него никаких так называемых “газов”, работая на энергии света, что дарует нам прекрасное солнечное светило. Воистину, нашему Наместнику ведомы великие пути!

Я двигаюсь по направлению к дому Господню, и радость переполняет меня. Я уже вижу свою встречу с его святейшеством Алексием, я уже вижу его сиятельную улыбку, я уже вижу, как моя книга поможет нашим братьям в их пути разума и сердца. Воистину, это чудесный день!

⋆ ⋆ ⋆

Господи, откуда взялись во мне эти мысли, истреби их Патриарх?!

Что-то происходит в моей душе, что-то очень странное и очень необычное, что-то непонятное для меня. Это почти тоже самое чувство, что появилось у меня два дня назад ... какие-то смутные сомнения в верности моей жизни и жизни моих земных братьев ... Неужели даже утренняя молитва теперь не способна очистить мою Душу от этих пагубных сомнений?

Это чувство вновь родилось во мне после встречи с его святейшеством Алексием через день после того, как я отдал ему рукопись своей книги, дабы он мог сказать свое мнение о ней и дать свое благословение на ее распространение.

Дать свое благословение ... он не дал своего благословения! Он не только не дал своего благословения, он был очень гневен и очень зол ... его преосвятейшество был в гневе ... это невозможно! Это воистину невозможно! Как, как это может быть возможно, чтобы такой великий человек был способен опуститься до гнева?! Я не верил собственным ушам, когда он начал свою речь!

- Известно ли тебе, сын мой Петр, что своей ... гхм ... книгой ... ты нарушаешь все заповеди, данные нашим великим Наместником?! - голос его преосвященства был холоден как сталь, какие-то недоброжелательные нотки прорывались через него.

- Отец, чем же я нарушаю его великие заповеди? - вопрошал я.

- Чем? Ты спрашиваешь меня, чем ты нарушаешь его заповеди? Я отвечу тебе, чем! В своей книге ты говоришь, что творцом мира был Бог, ты утверждаешь, что Наш Патриарх - его скромный служитель. Наш Великий Наместник не его “скромный служитель” - наш Наместник его праведный сын, он само осуществление нашего Отца в этом мире! Он - это Бог, он его воплощение! Разве не говорилось вам об этом в вашей духовной школе? Разве не говорилось вам, что слово нашего Патриарха - это слово самого Бога, выраженное через его уста, разве не говорилось вам, что слово его - закон для всех праведных детей божьих?!

- Его преосвятейшество, но как же небесный сын может стоять выше небесного отца? - вопросил я.

- Стоять выше своего отца? Сын мой ... - и его преосвященство поперхнулся - наш отец - это наш Патриарх! Он наш отец и спаситель наших душ в этом мире!

- Но нам говорили ... - начал было я.

- Вам говорили? Ответь мне, сын мой, кто говорил вам эти слова?

Я назвал имя служителя в нашей духовной школе.

- Благодарю тебя, мой сын, ты сослужил великую службу делу искоренения всякой ... ереси.

При слове “ересь” я вздрогнул. Ересь - это огромное преступление, ересь лишает человека права войти в божественные врата рая - так говорили все святые отцы ... вот только мой учитель почему-то ничего не говорил об этом. Почему же он повинен в ереси, почему?! Какое преступление божественной воли он совершил? И я задал этот вопрос его преосвятейшеству.

- Он совершил преступление, совращая детей божьих с их праведного пути, и он подлежит наказанию за этот грех. Мы примем необходимые меры, - и его преосвященство дал мне знак замолчать и не задавать больше вопросов. И, не в силах не повиноваться ему, я замолчал ... лишь только какое-то смутное сомнение в этот момент шевельнулось в моей душе.

Его преосвященство продолжал.

- Далее ты говоришь, что за все грехи свои сын божий будет наказан своим небесным Отцом во время Священного Суда и “по делам их воздастся им”. Истинно, “по делам их воздастся им”, однако известно ли тебе, что наш всевеликий Патриарх как олицетворение воли нашего небесного Отца может сам наказывать и даровать прощение грешным детям своей великой милостью уже в этом мире?!

Далее, ты говоришь: “... ибо только наш неземной Господь имеет власть над сущим и не сущим, и лишь Его суд праведен и вечен ...”. Суд на Земле ведет наш Патриарх! Мы, скромные служители его, можем лишь смиренно выполнять его волю, которая есть воля нашего неземного Отца, не задавая вопросов о том, может ли его суд быть неправедным - потому что суд нашего Наместника всегда праведный, ибо он есть олицетворение Бога! Известны ли тебе случаи ... сын мой, - и его преосвященство снова поперхнулся, - когда наш великий Наместник вершил неправый суд над детьми и служителями своими?

- Нет, отец.

- То-то же, сын мой. Ибо суд его праведен вечно - во веки веков, да святится имя его!

В это мгновение лицо его преосвященства залила сиятельная улыбка, казалось, он увидел само пришествие Спасителя вместе со свитой небесных ангелов. Однако как только он вновь взглянул на меня, его улыбка тот час же исчезла.

- Однако это не прощает твоих ... ошибок ... сын мой, - и преосвященство поперхнулся в третий раз.

Ты говоришь: “... ибо есть только одна великая сила в этом мире и одна великая ценность - и это есть любовь, и это есть проявление нашего неземного Отца в этом мире ...” - это неверно! Наша сила - в нашей вере в Патриарха! Какая еще сила тебе нужна кроме нее? Только вера в него движет и спасает нас, только такая вера помогает нам жить!

“Ваша вера есть подавленное сомнение”, - пришли мне в голову в тот момент слова, - однако я тот час же отбросил эти пагубные мысли прочь. Его преосвященство теперь смотрел на меня уже чуть ли не с гневом, и голос его стал совсем ледяным.

- Но мало того, что ты пытаешься подорвать веру в нашего всемилостивейшего Патриарха, ты еще пытаешься свернуть отроков его с пути истинного! Ты говоришь: “... а все обычаи, и обряды, и ритуалы исчезнут, как будто бы их никогда и не было раньше ... и люди будут молиться в сердце и устремляться в сердце - и выражением устремления станет любовь ...”. Как могут исчезнуть священные ритуалы, если они заповеданы нам нашим Патриархом, если они заповеданы нам нашим отцом как способ постигнуть его и приобщиться к его вечной благодати?! - его преосвященство уже почти кричал. - Это невозможно, это просто немыслимо! Это настоящая ересь, сын мой! Мало, мало того! Ты подрываешь доверие к нам, скромным служителям нашего отца! Ты только задумайся над тем, что ты говоришь ... “... а вещи этого мира исчезнут и пропадут, и никогда уже не будут важны для вступающего в царствие Отца ... и никогда не были важны, ибо преходяще сущее это, и как вступаем в него без ничего, кроме огня сердца своего, так и уходим ни с чем, кроме него. И тогда все поклонения, и ритуалы, и вещи, используемые для них, и всевозможные земные культы становятся не важны ...”.

Это немыслимо! Все те священные ритуалы, которые мы проводим для них - все это величайшие дары, заповеданные для нас, ими мы помогаем нашим последователям. Мы очищаем их Души, мы как служители Отца искупаем их грехи, мы спасаем их! Как же можно не признавать это, как же можно отвергать благодарность наших братьев, которая даруется нам ими в своей смиренной щедрости?! Но ты, ты говоришь - “ибо только любовный огонь сердца способен искупать грех, но никакие не ритуалы, ни вещи, не прочие земные ценности ... ибо они есть преходящее и только огонь сердца и духа вечен ...” - это истинное непонимание смысла вещей! Наш Отец дал нам право искупать грехи детей наших, что по смирению своему являются к нам - и мы служим великую службу, помогая им освободиться от этого груза, а ты ... ты! ... - его преосвященство так разгневался, что уже чуть ли не задыхался, - ты позоришь весь род наш, всю службу нашу, все достижения наши! И последнее - “... ибо Отец наш живет не вовне, но в каждом из нас ... и он есть Бог, и он есть – любовь ...”. И он есть - Патриарх! И он есть - вовне, ибо только он свят, а мы грешны, и Бог не живет в нас! - и только он милостью своей может спасти наши Души, но не мы сами! Он!”, - преосвятейшество уже стоял во весь рост и кричал.

Я все еще не мог оправиться от удивления, смущения, растерянности ... именно тогда это сомнение вновь шевельнулось во мне.

- Я посмотрю до конца твою рукопись ... сын мой - и скажу тебе мое решение через десять дней. Но не рассчитывай, что я дам тебе возможность ее распространить после существенной ... доработки ... да и, возможно, распространить вообще. Кроме того, мы проведем дознание с твоим ... гхм ... учителем, да и с тобой, думаю, тоже, - и он холодно воззрился на меня. - А пока ступай с миром, ... сын мой, - преосвятейшество вновь овладел собой. - Ступай с миром.

В растерянности, в смущении я вышел из храма. Это был, воистину, день печалей.

Выходя из церкви, я заметил, как к какому-то моему брату, только что вышедшему из церкви, подошел *кханджи* - так называли плененных людей-изгоев, коих теперь становилось все больше и больше с тех пор, как два года назад наша Святая империя начала Священную Войну. Мы относились к ним с великой ... милостью ... некоторым из них разрешали жить в городах, только вот жить им было, по-видимому, очень тяжело - однако в выступлениях Патриарха никогда не поднималась эта тема.

Этот кханджи подошел к этому моему духовному брату и стал, по-видимому, что-то просить. Тогда, не долго думая, этот человек, на лице которого некогда была сиятельная улыбка, пнул его ногой так сильно, что *кханджи* отлетел в сторону, кубарем покатившись по лестницам ...

Все это я уже видел, когда флайнер - один из видов транспорта, изобретенных приближенными нашего Наместника, работающий на энергии солнечного светила, - увозил меня прочь. И я ничего уже не мог поделать ...

Боль, огромная боль всколыхнулась в моей душе тогда, - сочувствие к этому маленькому выброшенному, отброшенному, отопнутому! - брату заполнило сердце ...

Именно тот момент породил эти мучительные и нестерпимые сомнения во мне.

☆ ☆ ☆

У меня было десять дней до того, как мне снова придется встретиться с его преосвященством Алексием II по вопросу моей рукописи - и я не хотел их терять.

Боль, громадная неописуемая словами боль, - она рвала и крошила мое сердце. Я не понимал - я не мог понять! - как, как мои братья могут быть такими ... такими ... бесчеловечными. Как они могут быть такими жестокими - как? почему? за что?

Вся благодать ушла, осталась только боль. А за ней пришли сомнения.

Я и раньше слышал про Священную Войну - про великую войну, про праведную войну. Помню, как Патриарх выступал перед всеми, как возвышенно он говорил о том, с какими недочеловеками, не верящими в Отца, нам приходится бороться, с какими убийцами ... с какими грешниками. Он говорил, что, убивая их тело, мы спасаем их Души ... тогда я верил в это - я не мог не верить моему Патриарху! - а теперь ... после случая с этим *кханджи* ... я засомневался.

Час за часом, день за днем сомнение росло - я уже не мог спать, я метался ночью в каком-то кошмарном бреду. Мне виделись сотни этих *кханджи* - мне виделись легионы облаченных в белую одежду святых братьев, убивающих их одним ударом с криками “За Патриарха!”, тут же осеняющих их знаком креста - и идущих все дальше, дальше, дальше ...

И тогда я просыпался, не в силах больше видеть это. И тогда я размышлял.

Через десять дней я вновь пришел к его преосвященству - и никакого восторга в моих глазах не было. В его глазах, впрочем, тоже.

- Мы нашли твоего ... учителя, сын мой, - и его преосвященство в который уже раз поперхнулся. - И просмотрели до конца твою рукопись. А теперь слушай наше решение! - и он торжественно поднял руку. За распространение ложных сведений, за попытки отвести детей нашего Патриарха с пути истинного, за попытки привести их в лоно Антихриста, - человек по имени Хрис приговаривается к заключению в катакомбы Собора Патриарха навечно, вплоть то того дня, когда Антихрист придет за ним дабы забрать его черную Душу! Приговор подписан самим Высочайшим Патриархом и обжалованию не подлежит!

Я обомлел. Хрис, мой учитель, давший мне столь много в той духовной школе - он приговорен к заключению! Никогда, никогда, никогда я еще не слышал ни об одном случае подобного заключения ... а теперь ... при мне ... прямо на моих глазах ... как это возможно?!

- Вывести грешника! - раздался голос преосвятейшества.

И тогда они - несколько мускулистых человек в белых рясах - вывели его. Я не узнал его - я бы не узнал его, встреться мы вновь при других обстоятельствах - он совсем не был похож на образ того Хриса, который я помнил с детских лет. Он ужасно постарел и еле волочил ноги, так что четырем помощникам приходилось очень сильно подталкивать его - на лице его была видна кровь. “Пытки?“ - мелькнула у меня мысль.

- Учитель, Хрис! - я закричал изо всех сил, стараясь перекрыть шум непонятно откуда взявшегося ветра.

Он обернулся. На искромсанных высохших губах его появилась слабая улыбка.

- Петр, сынок мой, ты ли это? Они тоже поймали тебя, да? Прости меня, сынок ... прости ... я должен был предвидеть, что это произойдет.

- Учитель, но почему?! Почему все так произошло? Неужели все то, что нам говорили - все это ложь?!

Было видно, что Крис вновь улыбнулся своими не слушающимися губами.

- А вот теперь, сынок, ты и пробудился, - ответил он, - и в это же мгновение рев нахлынувшего ветра заглушил все прочие звуки.

Я видел, как четверо людей уволокли моего учителя куда-то за здание, - я хотел было ринуться ему на помощь, но меня тут же схватили трое таких же людей в рясах.

- Не дергайся, браток, - улыбнулся один из них.

Когда через несколько секунд передо мной вновь появилось его преосвятейшество - я уже не был удивлен.

- А тебя, сын мой ... тебя мы вынуждены будем отправить на ... чистку, дабы твой разум вновь стал святым и никакой бес не закрался в него! - и он улыбнулся. - Взять его! За Патриарха!

Весь мой мир в одно мгновение рухнул. Все, чему я верил, все, на что я надеялся - все стало ничем. Все было напрасно. Когда мои ... братья ... схватили меня - я не сопротивлялся. Это было уже ни к чему.

“Да будет на все воля Божья”, - успел подумать я, прежде чем увесистая деревянная дубинка одного из белых братьев опустилась на мою голову ...

26.05.2005

Знак Пути

Грязь. Слякоть. Сырость. Запах тления. Капающая с потолка вода.

Здесь всегда было так. Никто не собирался ремонтировать этот подвал, а жильцам дома это было не важно, совсем - неважно. Им были не важны и не нужны и они, не нужны - практически никому.

Только единицы помогали им, откликались на их просьбы ... совсем-совсем простые - просьбы, совсем не сложные для этих обеспеченных жильцов. Подать немного денег - сколько смогут, сколько не жалко. Дать хоть небольшой кусок хлеба - ведь они умирали с голоду.

Практически никто не помогал. Помогали - единицы.

Почему? Почему? Почему?

А ведь сколько смелости им надо было набраться, чтобы обратиться хоть к кому-нибудь! Чтобы обратиться за помощью в том состоянии, в каком они теперь были, чтобы выдерживать порой взгляд, полный неприязни и презрения.

За что люди презирали их? За то, что, когда погиб их отец, и мать тоже покинула их, задохнувшись в приступе какой-то свирепой болезни; за то, что, когда это случилось, государство забрало себе квартиру у них - совсем-совсем маленьких; за то, что с тех пор они были вынуждены скитаться по дворам и подвалам, всеми правдами и неправдами добывая себе кусок хлеба? Очень-очень редко воровать, чаще всего - просто просить. Просить помочь, помочь хоть чем-нибудь - тем, чем не жалко. У них оставалось единственная возможность выживать - искренняя человеческая просьба, обращение к сердцам людей ...

Но им помогали - единицы.

За что же они не только не помогали им, но и гнали их прочь? За их жизнь, за то, как они стали теми, кем они стали? Неужели за это? Но за что здесь можно презирать?

Сегодня они снова собрались здесь, в душном и грязном подвале - лучшем, что им удалось найти за несколько месяцев. Собрались, чтобы обсудить итоги дня - поделиться друг с другом тем, что каждому из них удалось найти. Если, конечно, удалось.

Они не прятали друг от друга ничего - не прятали, ссылаясь на неблагоприятные обстоятельства, - делились друг с другом всем тем, что каждому из них удалось найти. Им, выдерживавшим такие лишения, не была ведома заносчивость и жадность, презрение и эгоизм, они помогали друг другу ...

Они - два брата и сестра. Два шестнадцатилетних подростка и четырнадцатилетняя девочка.

Три года они уже жили так. Так, как удавалось, как они могли. Они выдержали эти три года такой жизни - сколько еще им предстоит выдержать? Месяц, год, десятилетие?

Нет, об этом лучше и не думать, лучше не думать. Совсем.

Упрямый разум не давал покоя, даже теперь - не давал. Пытался найти пути спасения, высчитать возможности вылезти из этой темной и грязной зловонной дыры на свет Божий. Выйти в мир - хороший и чистый мир, а не эту его жалкую карикатуру.

Впрочем, выходит им придется познавать это состояние мира. Только - это. Но как же тогда все те великие дела и свершения, о которых так мечталось в детстве, что будет с ними?

Погибнут? Или выживут?

Должны выжить.

Они должны выжить, чтобы выжили и воплотились в жизнь их мечты - их светлые мечты должны выжить в их сердцах, чтобы выжили они, выжили - как люди. Значит, они выживут. Выживут - обязательно. А потом свои мечты они воплотят в жизнь.

Его размышления внезапно прервал тонкий и высокий голос - голос его сестры, только что прибежавшей с улицы. Прибежавшей в это жалкое подобие дома.

- Паша, Паша, смотри, что я сегодня нашла. Подойди скорее, ну подойди же!

Он взглянул. В руках у нее был яблочный пирог - большой яблочный пирог. Уже слегка засохший и испачканный, с большой откушенной частью. Изголодалась, бедняга ...

- Ваня, Паша, держите. Берите все. Я уже поела, меня накормили. Замечательная добрая бабушка, одна на несколько лестничных пролетов. Одна такая. Она напоила меня теплым и сладким-сладким чаем с вареньем. Представляете? Я никогда в жизни после смерти мамы и папы не пробовала такой вкуснятины! Она дала поесть пирогов, а когда я сказала, что у меня еще есть два брата, то она долго что-то искала и сокрушалась. А потом она сказала, что сейчас у нее практически нет ничего съестного для них, так как сама она не ходит, а еду ей покупают и приносят ее сыновья. Пирог, этот пирог - она сказала, что испекла его сама, и это все, что у нее есть сейчас для них. Она дала мне его для вас, а потом сказала, что если мне будет голодно и страшно, то я смогу снова зайти к ней - и она согреет и накормит меня. Вот так. Представляете, как это здорово!

Пока она, сбиваясь и коверкая слова, тараторила все это, он подошел и тихо сел рядом с ней. Посмотрел на нее - она дрожала. Тогда он обнял ее и прижал к себе. Пускай согреется, пускай успокоится. Она молодец, добыла хорошую еду. Даже им вдвоем не всегда удавалось такое. Молодец.

“Ты молодец”, - сказал он ей. Она улыбнулась. “Я старалась”,- услышал он.

Сейчас, сейчас они поедят и согреются. Организм послушно возьмет предлагаемую пищу и преобразует в тепло. На сегодня им должно хватить - а завтра им придется все повторять сначала.

И так каждый день ... Месяц? Год? Десятилетие?

Без видимой возможности вырваться из этого круга. Она, безусловно, существует, - вот только он не может ее найти. Но он найдет, обязательно найдет. Ради них, ради его младшего брата, ради его сестренки - он найдет выход, обязательно найдет. Обязан найти.

Медленно капали капли с потолка. Медленно тянулось время. Он сидел и размышлял ... вспоминал свою прошлую беззаботную жизнь. Как ему теперь не хватает ее! Им всем не хватает ласки родителей, их тепла и заботы. Жизнь очень рано заставила их стать совсем-совсем взрослыми, выкинув из детства. Значит, это зачем-то было нужно. Зачем-то нужно ...

Научить их не бояться лишений? Научить быть добрее и терпимее к людям, терпимее теперь, когда их самих мало кто терпел? Научить способности понимать боль и тяготу других, таких же, как они сами?

Возможно. Вполне возможно.

Но вот только он из всех жизненных уроков лучше всех, похоже, выучил урок сострадания и взаимопомощи - он не мог представить свою жизнь без помощи брату и сестренке. Он был обязан помочь им выбраться из этой дыры. Помочь им ...

Вот сейчас, его милая сестренка, как-то забавно причмокнула во сне, и перевернулась на другой бок, так и не выпустив край его куртки из своих маленьких рук. Он развернулся и снова укрыл ее - пусть хоть во сне дурацкий холод не тревожит ее ...

А рядом с ними, буквально в двух метрах, заснул его брат - заснул, свернувшись калачиком. Тоже замерз и оголодал. Они все замерзли и оголодали за последние дни ... За последнюю тысячу дней.

А ведь у них даже не было возможности заработать хоть какие-то деньги - заработать своим, пускай еще детским, но совершенно самозабвенным трудом. Он стал бы таким, если бы ему удалось найти хоть какую-нибудь работу. Но - не удавалось.

Никто, никто, никто не брал их - тут же выгоняли прочь при первом же брошенном на него взгляде. “Люди, - порой так хотелось крикнуть ему вслед тем дававшим подзатыльники и тумаки мужчинам, брезгливо морщащимся разукрашенным девицам, что-то быстро начинавшим шептать этим мужчинам на ухо при первом его появлении перед ними, - люди! За что же вы гоните меня и не даете ни единой возможности вылезти из той жуткой дыры, в которой я оказался? Ведь я же пытаюсь это сделать, пытаюсь изменить жизнь! Я даже сейчас не прошу ничего у вас - только хочу получить возможность заработать хоть что-то, хоть на еду. За что вы презираете меня? Ведь вы не знаете, совсем не знаете тех тягот и лишений, что мне и моему братику с сестренкой пришлось пережить! Вы, знаете ли вы, что это такое - жить без крыши над головой, без дома ... жить так, как живу я ... жить, надеясь только на себя, свои руки и свою голову - жить, будучи готовым на каждый новый день прекратить эту жизнь, прекратить, просто погибнув от голода? Знаете ли вы, люди, что это за жизнь? Не хотите знать? Я тоже не хотел - совсем-совсем не хотел - но пришлось. Пришлось. А теперь, теперь не могу ничего сделать ... Почти совсем ничего ...”

Неужели я и вправду не могу сделать почти совсем ничего ... неужели это так? Ведь если, ведь если не найти хоть какой-нибудь постоянный источник пищи и тепла - они погибнут. Погибнут ... и ... и все?

Если он не сможет заработать ... хоть что-нибудь ... хоть чуть-чуть ... то ... его сестренке придется ... придется ...

Нет, нет, нет! Дурацкий разум, замолчи, замолчи, замолчи!

Этого не будет никогда. Никогда! Я не допущу! Хоть разобьюсь об пороги, вымаливая работу - но не допущу!

А ведь она, Нина, могла бы стать истинной принцессой ... может быть, лучиком света для множества людей - у нее всегда, с самого рождения был дар играть жизнь ... совсем-совсем мило играть, совсем непосредственно. Она и сейчас жила так - жила ребенком, она оставалась ребенком в этой какофонии их жизни. Она могла стать прекрасной актрисой - актрисой жизни ... разной жизни ... непростой жизни.

И он с его братом также могли бы помогать очень многим людям - помогать, уча их ценить то, что им дается жизнью, ценить всякое благо, всякую помощь ... откликаться на просьбу, на искреннюю человеческую просьбу ... не давать своим сердцам замерзать ...

Медленно капающая с потолка вода. Писк крыс за соседней стеной. Два мальчика и девочка, прижавшиеся друг к другу. Спящие. Что готовит им новый день?

Новые пятьсот шестьдесят семь дней ...

* * *

Отложенная в сторону ручка. Сложенные в стопку листы бумаги. Завтра он продолжит свою работу - продолжит писать. Ему еще есть много о чем рассказать людям.

Еще достаточно молодой человек с каким-то странным для стороннего наблюдателя лучистым взглядом отошел от стола. Да, завтра он продолжит свою работу - работу, которой он посвятил себя.

Задумался и улыбнулся. Как же была мила и непосредственная его сестра! Она и сейчас жила так - жила ребенком, ребенком, способным позаботиться о себе и о других. Она жила так сейчас, когда беды и напасти прошлого уже миновали - миновали, оставив широкий рубец в памяти. Трудно заживающий рубец.

Усвоены ли уроки? Понят ли смысл событий его жизни? Найдены ли достойные ответы, на вопросы, заданные ему жизнью? Заданные десять лет назад ... Многое понято и осмыслено, но еще больше предстоит сделать и понять. И он попытается понять результаты своих выборов, осмыслить свои ошибки. Он сделает это в своей книге - своей первой книге.

Нет, в их книге - в книге их жизни. Двух братьев и сестры.

Сестра вчера позвонила ему. Ее голос, как всегда, был мелодичен и звонок - был радостен. Милый голос любимого человека.

Да, она радовалась, радовалась своей новой жизни. Она была счастлива. Ее берут в новую роль в замечательном фильме - в роль нежной жены и любящей матери, роль, которую она теперь так прекрасно выполняет в своей семье. В семье, где нет обиды и ненависти, где нет недоверия и корысти, где есть свет и простор, где есть горний воздух свободы и нежный аромат любви, где есть взаимопомощь и взаимовыручка, где есть доверие и благодарность, где есть признательность и доброта ... где все это есть - как основа жизни, как ее стержень. Она счастлива в своей семье, она всегда так говорила ... делилась с ним радостью при первой же встрече.

Он тоже счастлив, счастлив в своей работе.

Вот только брат что-то не шлет весточку ... Впрочем, пошлет, обязательно пошлет, когда приедет из-за рубежа. Он теперь бизнесмен ... влиятельный и деловой человек - крупнейшие магнаты страны прислушиваются к его мнению. Но власть не испортила его, ему - им - не зря был дан тот урок ... урок лишений. Он сделал их добрее и мудрее, сделал, несмотря на преграды ...

Теперь каждый из них воплощает свою мечту в жизнь. Как им и когда-то мечталось ...

Кто-то назовет это чудом и с восторгом в глазах прослезится. Кто-то недоверчиво сморщится, пробурчав, что вся эта история его жизни, которую он запечатлел в своей книге, больше похожа на нелепую сказку и несуразные вымыслы. Кто-то поблагодарит его за совет. Кто-то начнет прилагать советы в жизнь. А он назвал бы это - Испытание, испытание жизни. Испытание, символизирующее начало испытаний новых ... испытаний - каждый день.

Чудо ли то, что после почти пяти лет скитаний, когда им, наконец, удалось устроиться в какой-то цирк ухаживать за животными, после того, как уволилась какая-то актриса, внимание заведующих вдруг было внезапно обращено к его сестренке, к ее живой и детской непосредственности ... к ее красоте в своей непосредственности?

А потом были годы - годы работы. Разные годы.

Его сделали гимнастом - со своей природной ловкостью он отлично справлялся с этой ролью. Брата научили жонглировать. Сестра стала вести представления. Это было начало их нового пути.

Чудо ли, что сестра вскоре стала актрисой - и ее обаяние и душевная красота принесли ей мировую известность?

Чудо ли, что брат, после того, как скопил небольшой капитал, открыл свое дело, выросшее в крупнейшую транснациональную компанию?

Чудо ли, что он, в глубине Души желая искать ответы на вопросы жизни, учиться и учить делать верные выборы, - стал писателем?

Он не назовет это чудом, он назовет это Знаком - знаком пути. Его и их пути - пути, который они должны - обязаны были - пройти, чтобы стать теми, кем они стали.

Чтобы справляться с новыми испытаниями. Чтобы не бояться преград. Чтобы верить прекрасным мечтам, чтобы их воплощать - в жизнь. Чтобы стать - Человеком, человеком с большой буквы.

Чтобы быть им.

21.12.2004

Когда приходит смерч

Господи, это так здорово! Я наконец-то встретил девушку, которую полюбил. Я уже начинал все больше и больше думать о том, что это вообще невозможно, что я вообще никогда не смогу встретить в этом мире человека, близкого мне по духу. Десятки знакомых - и никого, никого, кто имел хоть сколько-нибудь близкие моим взгляды на вещи. Казалось, надежда почти ушла из моего сердца, и, помнится, я даже стал убеждать себя в том, что, видимо, такое состояние вещей совершенно неизбежно и я, хочу того или нет, должен с ним смириться - как с чем-то гораздо более сильным меня самого.

Удивительно, это действительно удивительно - искра надежды уже практически погасла ... и именно в этот момент, когда я уже почти перестал верить в возможность чуда - оно свершилось!

Милая, славная, чудесная девушка ... удивительно близкая по своему мироощущению мне. Как же случилось так, что мы все-таки встретились? Всего лишь несколько минут вперед или назад - и мы - не ведая, что творим, вероятно, прошли бы мимо, уже так и не взглянув друг на друга. Не встретились бы никогда ... ведь мы почти наверняка уже не встретились бы никогда. И тогда я бы окончательно потерял свою надежду. Благодарю тебя, Господи, за то, что ты услышал мои молитвы!

Сегодня мы шли с ней по парку - и внезапно пошел дождь. Никто из нас не захватил зонтов, так что пришлось срочно искать внушительных размеров дерево и укрываться под его могучей кроной.

Этот так вовремя пошедший дождь сделал нас еще ближе.

Пока мы пережидали его, смеясь, что нас угораздило попасть под него как раз в момент совместных прогулок, мы успели поговорить о многом. Я действительно не ошибся - эта девушка обладала очень близкими мне взглядами, точнее сказать - она жила ими. Я не знаю, как описать то ощущение, которое возникло во мне в те пятнадцать-двадцать минут нашей беседы. Чувствовали ли вы когда-нибудь, что действительно встретились со своей второй половинкой? Что вы, формально зная друг друга так немного, знаете друг друга уже целую вечность? Что человек, который находится рядом с вами, понимает вас с полуслова, настолько схожи оказываются ваши мысли, и настолько близки сознания? Если вы когда-нибудь в своей жизни чувствовали нечто подобное, вы поймете те ощущения, о которых я говорю.

Потом дождь кончился так же внезапно, как и начался - и мы продолжили наш путь, выйдя на многолюдные улицы города.

Потом мы долго-долго ходили по ним, периодически куда-то сворачивали - шли, куда глаза глядят, ведь у нас были вещи гораздо более важные, чем смотреть по сторонам - мы наслаждались обществом друг друга.

Потом я, в Душе протестуя против навязываемых мне правил действий, однако желая сделать ей приятное, пригласил ее в кино - и она отказалась. Сказала, что лучше снова вернуться в тот парк, с которого начался наш день, чем сидеть в душном зале, просматривая глупые комедии или кровавые боевики.

Девушка отказалась от кино. По созданным в сознании многих людей стереотипам это было ... странно, по меньшей мере. Мне же казалось, что я очень хорошо понимал ее в те мгновения. А потом мы действительно вернулись в тот самый дождливый парк, к тому времени уже высушенный выглянувшим солнцем. Мы сидели с ней на парковой скамейке и беседовали друг с другом. Это были удивительные минуты, я все еще не могу забыть их.

Я не могу забыть три месяца наших встреч. Я не могу забыть ее сияющую улыбку, и ее саму в эти мгновения - полную радости. Я не могу забыть наш первый поцелуй. Я не могу забыть ни одно из наших мгновений вместе.

И даже сейчас я не могу забыть ее - мою настоящую любовь. Даже ... сейчас.

☆ ☆ ☆

Со второй девушкой я встретился случайно.

Это произошло как раз в то время, когда я встречался с моей Татьяной. Мы с ней тогда гуляли друг с другом - шли по какой-то улице, когда навстречу нам вышла она.

Когда мы почти поравнялись друг с другом, Татьяна и девушка, шедшая нам навстречу - обе они улыбнулись и со словами приветствия подошли друг к другу. Оказалось, что встретившаяся нам девушка - ее звали Лариса, является коллегой Тани по работе.

Они разговорились. Я молча их ждал.

Минут через десять они попрощались друг с другом, и Лариса пошла своей дорогой.

Проходя мимо нас, она бросила на меня свой взгляд и сказала вслух “А парень то у тебя ничего, красивый ...”, на что Таня ответила, что она теперь очень счастливая девушка.

В этот день с Ларисой мы больше не встречались. А через две недели я получил от нее звонок на свой рабочий телефон.

* * *

До сих пор не могу понять, как она получила мой рабочий телефон. Но, видимо, для таких, как она, нет ничего того, что нельзя сломать на своем пути, двигаясь к раз намеченной цели.

Потом начались ее постоянные звонки и предложения встреч. После моего десятого отказа в ход пошли угрозы. Я плевал на ее угрозы - я люблю ... любил? ... только Таню.

Я люблю только Таню, только ее! Господи, я не хочу причинять ей боль, я люблю ее! Когда же прекратятся эти мучения?! Ее! Ее ... только ... ее ...

Угрозы ее были разнообразны. Самой последней стала угроза “взять меня силой”, как она тогда сказала. Я в двадцатый, наверное, раз пожелал ей найти другого человека, который полюбит ее и ответил, что между мной и ей ничего быть не может. Тогда она ответила, что если я не способен полюбить ее по воле собственного сердца, то полюблю по ее собственной воле - и положила трубку.

Это стало началом того кошмара, в котором я пребываю по сей день. Через месяц после последнего звонка Ларисы мы с Татьяной поругались. Мы поругались!

Никогда, никогда, никогда между нами не было ничего подобного - это было просто недопустимо ... но факт остается фактом - через месяц после тех событий мы поругались. Причина была самой что ни на есть бытовой, я до сих пор не могу понять, как я мог тогда позволить себе такой тон?

Ведь я же люблю ее ...!

Это стало началом наших постоянных ссор.

Я не знаю, что находило на меня в те мгновения - я стал какой-то сам не свой. Какой-то дикий, злобный, агрессивный ... и всегда - всегда, когда бы я ни приходил домой с работы, я находил к чему придраться в ней и ее работе!

Сначала она пыталась идти на компромиссы, но после многочисленных повторений в ответ на мои выпады она уже начинала лишь плакать. Что-то еще сильнее заводило меня в эти моменты, я видел, как она плачет, как она опечалена ... нет, как она слаба! - и хотел ударить ее еще сильнее! Еще больнее, еще жестче! Так, так, так - чтобы запомнила на всю жизнь! Чтобы знала, как перечить мне!

Дура! Дура! Дура! И как мне могла понравиться такая девушка?! Самовлюбленная паршивая тварь!

Тварь!

Господи, что же я пишу?! Как я могу так думать о моей ... любимой ... девушке?!

Любимой ...

Любимая моя ... славная ... я знаю, ты слышишь меня даже сейчас, когда мы с тобой стали так далеки друг от друга ... прости меня за эти строки ... я не хотел ... я не знаю, что со мной ... мне очень тяжело, очень ... как будто бы что-то давит на меня, пытаясь сплющить - вновь и вновь, методично и настойчиво ... я уже не пойму, контролирую ли я себя, или мной управляет кто-то другой, неизвестный мне ...

Та ... та ... ня ... прости, прости меня ... если ... можешь.

⋆ ⋆ ⋆

Наши ссоры стали началом краха наших отношений - и моей - нашей? - мечты.

Сначала я бил ее словами - потом стал бить руками. И это стало последней каплей в чаше ее терпения. Она подала на развод - и мы расстались.

Мы покинули друг друга ... нет! - я послал эту дуру подальше! Да! Она правильно сделала, что убралась на все четыре стороны! Тоже мне, неженка! Цаца!

Есть женщины гораздо лучше ее! Да! ... гораздо ... лучше.

⋆ ⋆ ⋆

Сегодня я вновь встречусь с моей ненаглядной Ларисой. Как же я истосковался по ней ... Не надо мне никаких паршивых Татьян - я хочу только Ларису! Я хочу ее ... я хочу быть с ней.

Да, да, да! Мы будем счастливы - ведь мы так любим друг друга!

⋆ ⋆ ⋆

Я ... я ... я не знаю ... Иногда ... иногда мне начинает казаться, что я не люблю ее - мою Ларису ...

Что ... что это какой-то страшный сон, что ... что нашей любви не существует ...

Господи, да как я могу сомневаться в этом? Прочь, паршивые мысли! Конечно, я люблю ее!

⋆ ⋆ ⋆

Сегодня было сладко ... очень ... сладко. Мы любили друг друга ... мы были одним. Я чувствовал, как ее тело робко вздрагивает ... я видел, как она прикрывает глаза от удовольствия ... и я взрывался. Мы целовали и целовали друг друга - и не могли остановиться ... Мы слились в одно целое. Ох, как это было сладко ...

Дак кто же сказал, что я и Лариса не подходим друг другу? Мы просто созданы друг для друга!

* * *

Сегодня мне приснилась Таня. Моя ... Таня ... Моя любимая Таня ...

Проклятье! Опять эта чертова сентиментальность!

Я уже тысячу раз понял, что моя встреча с Таней была чудовищной ошибкой в моей судьбе и я не хочу думать об этом вновь. Я люблю Ларису и только ее.

Или ... или нет?

* * *

Нет! Да сколько же можно! Сколько же можно этих мучений?! Когда мы прекратим ссориться?! Когда, наконец, мы сможем поговорить по душам?

Почему ... почему что-то постоянно тянет меня к ней ... почему, почему я не могу изгнать эти чувства - это влечение?! Пишу об этом и опять застаю себя на мысли о ней ... Нет!

* * *

Это кошмар, это ужас, это наваждение! Меня рвет на части - я не люблю ее - но меня тянет к ней! Что за жуткое влечение, как оно могло зародиться?

Мы совершенно противоположны с ней - мы не подходим друг другу! Почему же я не могу не думать о ней, почему не могу не идти к ней каждый день после своей работы, почему не могу забыть?

Почему я не могу забыть ее как страшный сон?!

* * *

Сегодня мы опять поссорились. Она сказала, что не хочет меня видеть - и выгнала из дому.

Захлопывая дверь, буркнула что-то про то, что бабка ее обманула, и выругалась.

А потом я спал на улице. Она все-таки впустила меня к себе через день, обругав для приличия.

Странно ... неужели мне уже начинают нравиться ее оскорбления?

Все, я так больше не могу! Сегодня это прекратиться. Сегодня - или никогда!

* * *

Очень болит голова, и эта зудящая боль постепенно начинает расплываться по всему телу.

Радует одно - сегодня все юридические формальности будут улажены - и мы наконец-то перестанем быть мужем и женой.

Но как же я теперь буду жить без ее - моей верной Ларисы?!

Я уже сошел с ума или мне это только кажется? Видимо я действительно нездоров. Надо прогуляться - свежий воздух должен помочь мне.

Нет, я решительно не хочу так жить!

⋆ ⋆ ⋆

Идущий по улице мужчина - глаза его слегка прикрыты, и правая рука держится за голову.

Его шатает из стороны в сторону - издалека кажется, будто это просто пьяный человек.

Но те прохожие, которые случайно заглядывали в эти полуприкрытые глаза, напрочь отбрасывали все эти неподходящие мысли о том, что это очередной побуянивший в компании индивид - потому что эти глаза практически не имели зрачков ... зрачки сжались до невозможных размеров, и в них читалась такая смертная тоска, что невольные взглянувшие тотчас же отшатывались прочь.

Красный свет на светофоре - и машины начинают движение.

Однако какой-то шатающийся человек практически не видит их - кажется, он совсем не видит красного света, преграждающего ему путь ... Вот он уже вышел на середину дороги ...

“Стой, красный!” - доносится до него крик пешеходов - и человек начинает разворачиваться на звук.

Вдавленные до упора тормоза. Визг резины по асфальту ... Человек разворачивается в сторону надвигающейся машины - и зрачки его начинают медленно расширяться ...

Удар.

⋆ ⋆ ⋆

- Что же произошло с твоим другом?

- Он погиб в ДТП ... его сбила машина. Черепно-мозговая травма и кровоизлияние в мозг. Когда его доставили в больницу, он был уже мертв.

- Очень сожалею.

- Я знаю. Не нужно этих слов.

- Как думаешь, почему он погиб?

- Я не могу судить наверняка. В последнее время что-то странное начало происходить с ним - он стал сам не свой. Развелся со своей женой Татьяной и женился на Ларисе. Признаться, я так и не смог понять его выбор - они совершенно непохожи друг на друга. С момента развода со своей Таней он прекратил со мной все контакты, хотя раньше их активно поддерживал. Я сам до сих пор не знаю, что же подвигло его на те необдуманные, с моей точки зрения, шаги.

- А что стало с Татьяной и Ларисой, ты не знаешь?

- Татьяна вышла замуж за другого и уехала в другой город, об ее дальнейшей судьбе мне ничего не известно. А Лариса ... Лариса погибла. Ее убили.

Говоривший человек вздохнул.

- Какой-то маньяк подстерег ее в переулке, когда она возвращалась домой. Изнасиловал, а затем убил ножом. Тело нашли в подвале в одном из соседних домов примерно спустя неделю после событий.

- Все это конечно жутко.

- Да, согласен с тобой, очень печально.

- Но это так и не объясняет его поведения за несколько месяцев до его смерти.

- Да, не объясняет. Впрочем - и говоривший улыбнулся - мне кажется, у меня есть небольшая зацепка.

С этими словами он вынул из своего портфеля небольшую стопку бумаг.

- Вот, держи. Это его дневник, который он вел - по крайней мере, та часть, что я сумел достать, когда производилась опись имущества. Сам я его еще не смотрел, но раз тебя так заинтересовал этот вопрос ... прочти, может быть, найдешь в нем ответ.

- Да, дай мне взглянуть на эту вещь.

И человек раскрыл страницы ...

12.01.2005

Любимая

Много есть людей, что полюбив,
Мудрые, дома себе возводят,
Возле их благословенных нив
Дети резвые за стадом бродят.

А другим - жестокая любовь,
Горькие ответы и вопросы,
С желчью смешана, кричит их кровь,
Слух им мучат злобным звоном осы.

А иные любят, как поют,
И поют, и дивно торжествуют,
В сказочный скрываются приют;
А иные любят, как танцуют.

Н. Гумилев "Любовь"

Он торжествовал. Он был на седьмом небе от счастья.

Она любит его! Любит!

Он услышал это из нее прекрасных уст - она сказала ему это! И в этих словах не было фальши и лжи, не было - обмана.

Он это чувствовал, всем своим существом - чувствовал. Он - знал, что она говорила правду.

То, что чувствовала; то, что переживала; то, о чем думала; то, о чем сказала ему в этот прекрасный весенний вечер - вечер, который он лелеял в мечтах и так ждал; вечер, когда сбылась его мечта; вечер, с которого он стал – обновленным ... как будто бы заново родившимся.

Тихий весенний вечер ...

Он говорил ей о том, что любит ее, что сердце его трепещет, когда он смотрит на нее и любуется ею, что он рад, что встретил ее в этом мире - в этом прекрасном мире.

В этом прекрасном мире он встретил ее - прекрасную. Украшение мира, жемчужину мира, звездочку мира, лучик солнца.

Он продолжал говорить и видел, как очаровательная и загадочная улыбка появилась на ее лице. А когда он перестал, он услышал эти слова.

Эти слова!

Великую музыку, прекрасную музыку - музыку ее сердца.

- Я люблю тебя. Я тоже люблю тебя. И хочу быть с тобой рядом - всегда. Слова прозвучали нежно и таинственно тихо - но не для него. Он крикнул - громко, не боясь и не стесняясь своего чувства. Так, чтобы услышали все - чтобы его слышал весь мир. Чтобы вместе с ним радовался - весь мир.

- Я люблю тебя! Люблю!

Слова разнеслись высоко и широко.

Так - именно так. Он будет петь о своей любви, никого не боясь и не стесняясь, ему - ничего стесняться, нечего бояться. Он - любит ее, он любит - любить, он любит - жизнь. Теперь он любит их.

Казалось, само небо улыбнулось ему в этот момент - улыбнулось, благословляя любовь.

Голос его стих высоко в небесах. Случайные прохожие все еще продолжали оглядываться на них, певших о своей любви. Некоторые из них улыбались.

А потом они долго стояли вместе, обнявшись. Совсем-совсем близко друг к другу. Она стала для него родным человеком - человеком, близким его сердцу, близким его душе.

Она и была для него - родным человеком, была и до этих слов. До, а не только после. Потому что он любил - ее, а не только себя и свою к ней любовь. Он любил - ее - и был рад дарить ей любовь свою.

А потом они бежали вперед, и свежий ветер бил им в лицо, и им светило солнце. Подобно солнцу в душах у них светились их чувства - чувства двух влюбленных сердец.

Потом настал вечер - поздний вечер. Совсем-совсем быстро настал - необычайно быстро настал.

И он проводил ее до дому - проводил и попрощался до завтра. Да, именно до завтра он попрощался. Завтра будет новый чудесный день, новый день радости - и они встретятся вместе.

Два близких друг другу человека. Два близких сердца ...

Они встречались снова и снова - в течение дней и недель. Месяцев.

И каждый день дарил что-то новое - дарил радость общения друг с другом - общения без злобы, гнева и обид, без боли,- они любили друг друга. Дарил восприятие внутренней глубины любимого и любимой, дарил силы и радость творчества - творчества жизни.

Их жизни. Молодой расцветающей жизни. Через год они поженились - и жили вместе три года.

Три года ...

А потом он получил от нее письмо. Трогательное письмо. Прощальное письмо.

* * *

Человек с веселым и добрым взглядом - жизнерадостным взглядом юноши, совершенно скрывавшим для незнающего человека его немолодой уже возраст, печально улыбнулся и отложил конверт в сторону. Тогда, семнадцать лет назад, он получил его - письмо его любимой.

Прощальное письмо. Письмо, полное светлой грусти и давно ушедших воспоминаний. Но - вновь вернувшихся при чтении письма. Он читал его, и слезы медленно катилась по его огрубелым уже щекам. Он плакал.

Эти глаза, плакавшие столь редко, сейчас плакали. Он вспоминал: вспоминал свою былую жизнь, вспоминал их любовь - и плакал.

Он не перестал любить ее. Не перестал. И поэтому сейчас - плакал.

А ведь тогда он искренне полагал, что они не расстанутся никогда. Никогда. Он ошибался, жестоко ошибался ...

Жестоко? Но разве может он сказать, что несчастлив теперь? У него есть жена - чудесная и милая женщина, которую он тоже любит и о которой заботится - которую он любит также сильно, как любил когда-то ту женщину. У него есть замечательные дети - мальчик и девочка, его опора и надежда - два солнышка, два чуда.

Он счастлив.

Просто ... просто старое воспоминание все еще бередит его ум, терзает его Душу. Он не может забыть ... забыть того дня, когда получил это письмо. Тогда в глазах его стояли слезы - так же, как и теперь.

А ведь она тоже плакала ... плакала, когда писала письмо ему. Они так и остались - ее слезы - на листах этой бумаги, что он сейчас так нежно и трепетно держит в руках. О чем она тогда плакала?

Об их расставании? Об их сокровенных мечтах долгой совместной жизни, которым так и не удалось осуществиться? Об их любви?

Он не знал - она не дала ответа. Только лишь - плакала - и послала ему это письмо.

Письмо ...

Вот оно перед ним. Полустертые строчки и слова. Но это не мешало ему - он помнил его наизусть - каждое слово.

Да, она нашла другого - такого, которого тоже любит всем сердцем и без которого не может жить - так она писала. Она полюбила другого.

А его - его она продолжает любить? Хоть изредка с благодарностью вспоминать о нем?

Он не знал ответа - снова не знал ответа и на этот вопрос. Но он точно знал - он продолжал любить ее и вспоминать о ней с благодарностью. Он был благодарен ей - за те светлые минуты жизни, которые она ему подарила.

Пусть она будет счастлива с любимым, пусть все у них будет хорошо!

Да, пусть она будет счастлива! Он желал ей счастья, от всей Души - желал. Он желал счастья и тому человеку, с которым она теперь, к которому она ушла.

Потому что он - тоже человек. Такой же, как он сам. И он тоже заслуживает быть счастливым.

Пусть они будут счастливы! Пусть будут счастливы любящие друг друга люди! Пусть учатся любить, ничего не требую взамен. Пусть учатся любви дающей. Любви - солнцу.

Да, подумал он, - пусть будет так.

Да будет так!

04.04.2003

Мертвый Город

Он есть - и вместе с тем его не существует.

Он всегда был - но раньше о нем предпочитали молчать.

Он манит тебя как нечто сладостно-запретное - и вместе с тем его подлинную горечь успевают ощутить немногие.

Он подобен строящейся Вавилонской башне, но все больше желает забраться на его вершину.

Он растет вовне и внутри незаметно, оплетая своей паутиной все уголки твоей Души. Именно поэтому многие считают его несуществующим.

Издалека его смрад кажется благоуханием, а огни пожара - милой иллюминацией.

Из него практически никто не возвращался. А немногие вернувшиеся уже не были людьми.

О нем сказано так много ... но все это не уменьшает число паломников в него.

Он никогда не жил - именно поэтому он не ведает, что такое смерть.

Он был рожден вместе с человеком. Исчезнет ли он раньше него?

Да, он выглядит как целый город. Но это - Мертвый Город.

Это город почившей любви. Кладбище.

Могилы, могилы, могилы ...

Каждая из них - уникальна в своем роде. Но нужна ли уникальность мертвецам?

Надгробные камни - и надписи, надписи, надписи ...

"Начни себя ты ублажать, и тряпки хватит уж стирать!" - как будто визжит первый.

"*Козлом он был - козлом он и остался ... его прибью, другим чтоб не достался!"* - грозится что есть силы второй.

"Ну сколько можно, в самом деле, меня иметь уже в постели?!" - надрывается в своем беззвучном возгласе непонятно к кому третий.

"Меня тоска по мужу гложет ... боюсь, любовник не поможет ..." - неуверенно-робко грустит четвертый.

"И без семьи есть в жизни много дел ... пусть сдохнут все, кто нас не захотел!" - как будто приказывает прочим мертвым пятый.

"Я не люблю тебя, вот так! Я лучше сдохну! Сам дурак!" - заходится в истерике шестой.

"Все бабы что дуры, а я - королева! Мне можно направо, мне можно налево!" - безапелляционно уверяет других мертвецов седьмой.

"Чем меньше женщину любить, тем легче нам ее избить!" - делится мертвецкой мудростью восьмой.

"Я знаю точно, мне ты изменил! А ну молчать, ты сердце мне разбил!" - тараторит свое заунывное девятый.

"Не верь, не бойся, не проси, обиду жизнь сквозь пронеси", - призывает к смирению десятый.

"Любовь что сон - а сны умрут. Лишь деньги счастье нам дадут", - кичится своей стоимостью одиннадцатый.

"Люблю себя. А вот других - простите, други, я не псих!" - тайно признается двенадцатый.

"Любви нам дали Боги Рай ... хорош лежать, давай вставай!" - откровенно бредит тринадцатый.

Могилы, могилы, могилы ...

Это вечное кладбище.

Практически каждый приходит сюда до того, как прийти на свое подлинное место.

Он молча разрывает собственными руками холодную мертвую землю, и также беззвучно закапывает себя сам.

Пришедшие сюда - умершие добровольно. А восставшие из мертвых уже так мало похожи на людей.

Никто не знает, есть ли воскрешенные. Но восставшие из мертвых часто бродят по улицам еще живых городов. И невозможно выразить мучающую их боль словами.

Существует легенда, что восставших может исцелить только создавший их. Но немногие воскрешенные знают иную правду.

Они знают правду о Живом Городе.

Он есть - и вместе с тем его не существует.

Он всегда был - но раньше о нем предпочитали молчать.

Он поначалу отвращает тебя как нечто невыносимо горькое - и вместе с тем его подлинную сладость успевают ощутить немногие.

Он подобен возвышающейся среди низин древней горе, но все меньше желает забраться на его вершину.

Он растет вовне и внутри незаметно, освещая своим сиянием все уголки твоей Души. Именно поэтому многие считают его несуществующим.

Издалека его благоуханием кажется смрадом, а огни иллюминаций - огнем пожаров.

Из него практически никто не возвращался. А немногие вернувшиеся уже не были людьми.

О нем сказано так много ... но все это не увеличивает число паломников в него.

Он никогда не умирал - именно поэтому он не ведает, что такое смерть.

Он был рожден задолго до человека.

Вспомнит ли тот о нем?

23.12.2009

О Принцах, которых нет

Однажды это случится.

Твой принц на белом коне придет к тебе, но ты его не услышишь. Ты не заметишь его в людской толпе, когда он увидит тебя, ты не откроешь ему двери, когда он будет стучать. Ты не узнаешь его и не впустишь его, потому что не ждала. Истинные принцы всегда приходят неожиданно.

Им не нужны глашатаи, возвещающие об их приходе. Им не нужны рукоплескания. Им не нужны крики одобрения других. Им не нужны даже кони.

Они всегда приходят на своих двоих - с годами трудов и испытаний они привыкли полагаться только на собственные силы, они привыкли доверять себе. Их не услышать за версту по стуку копыт их лихих скакунов, их не увидеть гарцующими на них. Они оставили белых коней далеко позади себя, потому что без них они могут двигаться быстрее. Они отказались от золоченой сбруи и холеной гривы, они отказались от удобных седел. Теперь они приходят только на своих двоих.

Именно поэтому ты не узнаешь его, ты пройдешь мимо.

Если бы они гордо возвышались над остальными на своих грациозных скакунах - они были бы слишком заметны. А им не нужны рукоплескания.

Если бы они прокатили тебя на своем белом коне - ты бы никогда не забыла этой краткой езды вместе. А им не нужна зависимость от них других.

Если бы они предложили тебе свою руку - ты бы не смогла отказаться. А они хотят видеть других свободными.

Они отказались от этого величия. Они спустились с коней. Они стали маленькими принцами. И со временем они затерялись в большой толпе.

Именно поэтому ты не узнаешь его, потому что никогда не знала раньше. Потому что ты знала лишь больших принцев - слишком больших для того, чтобы однажды стать маленькими. Именно поэтому теперь ты всегда смотришь выше своей головы, надеясь увидеть больших и никогда не замечая маленьких. Они стали не нужны.

И все же они приходят. И все же они продолжают стучаться, зная, что им не откроют - потому что открывать больше некому.

И все же они надеются, что однажды, много-много лет спустя, ты вспомнишь о том негромком стуке, что слышала когда-то совсем-совсем давно, бессчетные дни назад, но не стала открывать двери, потому что нежданный гость пришел в грозу - а ты не хотела замочить ноги.

Вспомнишь - и улыбнешься, поняв, что за путник был на дороге.

Редко, очень редко они приходят к тем, кто мог бы открыть свои двери - но двери по-прежнему стоят закрытыми - потому что открывать их некому.

Они не вымерли. Они не исчезли.

Вы сами убили своих принцев.

08.07.2006

Тридцатый день

Тридцатый день ...

Да, тридцатый день прошел с тех пор, как он оказался здесь. В его новом доме. ДОМЕ.

Замерзший язык отказывался произносить это до боли знакомое и когда-то вызывавшее трепетный восторг и радость в груди, слово. Как по-новому оно теперь звучало в сознании!

Отчаяние. Отчаяние, мутящее разум.

Слезы - о чем? Быть может, о тех давно минувших и невозвратных днях простого человеческого счастья? О звонких людских голосах и счастливых улыбках детей? О крепкой семье, которую когда-то так хотелось иметь ...

“Папа” ... А ведь он так никогда и не слышал этого чудного звука - и теперь уже не услышит никогда. НИКОГДА. Разум злорадно подсказывал, что это так - это не может быть иначе. А сердце, сердце, вынесшее такие муки и страдания, - сердце его отказывалось в это верить. Оно всегда отказывалось верить в боль и скорбь. Всегда. Или ... или только до событий тридцатидневной давности?

И все же ... все же это теперь его новый дом, как кощунственно теперь бы не звучало это слово.

Улица. Почти всегда закрытые ночью подъезды домов. Городские свалки, где столь редко можно было найти хоть какое-нибудь пропитание ...

Нет, нет, НЕТ!! Это не может быть со мной, только не со мной! Почему, почему, почему?!

Молчание. Гробовое молчание. Ночная тишина. Слова вырвались из иссохшего горла в ночную тьму города и затихли в тишине.

Нет ответа. Ответы придется искать самому.

Тогда - обессиленный, исхудавший, со шрамами по всему телу - следами борьбы с собратьями по несчастью и городской шпаной, с покрывшимся гнойными коростами лицом, - он упал. Он даже не заметил, как вдруг стремительно земля приблизилась к нему и тело, ударившись с грузным стуком о землю, осталось лежать неподвижно ...

⋆ ⋆ ⋆

... Он не помнил и не знал, сколько прошло времени. Да и, наверное, не хотел знать. К чему теперь это ему? Найти пропитание и ночлег на очередную ночь - не этим ли ограничились его потребности?

Тогда он открыл глаза. Попытался пошевелиться - и отчаянно вскрикнул от резкой боли и застелившего глаза кровяного марева - рука, правая рука. Той, что не раз спасала его в драках на темных переулках за кусок хлеба, той, что помогала открывать иногда не слишком качественно сделанные замки дверей городских подъездов - ее больше не чувствовалось. Совсем, полностью. Перелом, вывих? Наверное, все же вывих и последовавший за ним болевой шок ... хорошо. Могло быть и хуже - намного хуже.

Оклемаемся. Оклемаемся, разум - я говорю тебе!

Больница? В какую это больницу ты предлагаешь идти, разум? Да и не ты ли был случайным свидетелем, как меня сотни раз за эти тридцать дней выгоняли и выпинывали из общественного транспорта, зло окликали подростки, неприязненно косились взрослые и молодые девушки отворачивались с таким лицом, как будто только что увидели величайшую на свете мерзость?

Мне не место в мире этих людей. Уже не место.

А-а-а-а-а ... нет, не надо! Только не картины прошлого, только не их! Память, услужливая тетка память, так верно служившая мне раньше, - что за злую шутку ты хочешь сыграть со мной?! Умоляю, остановись! Я уже смирился со своей судьбой! Смирился - ты слышишь меня? Смирился!

Или ... или нет?

Вопросы, вопросы, вопросы ... Вопросы, бередящие ум и сердце. Одинокие вопросы без ответов. Слуги боли - душевной боли.

Снова боль - уже руки. Это легче. Пройдет.

Они, это они виноваты! - в который раз захотелось злобно прорычать ему. Да, это все они. Зловредные бизнесмены, лжецы, подлецы. Они обманули его - как и сотен ему подобных.

Теперь он уже не помнил деталей, но твердо помнил одно - они обманом получили квартиру, его квартиру. Дурацкая фирма, подставное агентство! Гады!

Стоп.

Только не злоба. Только не ненависть. Он уже устал от нее, слишком устал. Тридцать дней - это слишком большой срок, чтобы продолжать ненавидеть ...

Тридцать дней ... Как многому он научился и как много понял за эти тридцать дней!

С каким презрением он раньше смотрел на всех этих “малоимущих” и обездоленных! Сколько высокомерия и самодовольства было в его затуманенных внешним благополучием глазах ... сколько простых человеческих просьб отклонил, ссылаясь на недостаток времени ... Недостаток ... теперь, похоже, времени у него в избыток - вот только какого времени ...

Один раз он даже предал - близкого друга и коллегу по работе. Хотел заработать денег ... заработал ... А друг попал в тюрьму за финансовые махинации - пытался доказать, что его подставили. Если бы он еще и знал, кто ...

За все надо платить, вдруг подумал он. За все. Искупать свои ошибки. Жестокий урок. Впрочем, жестоким он был и сам.

Он поднялся. Огляделся по сторонам.

Да, это было здесь. Он пришел - вернулся к себе домой ... Только уже не к себе, совсем не к себе. Он прекрасно помнил о том, что теперь его дом. И все-таки ... все-таки что-то неудержимо рвало его зайти в этот родной подъезд, ощутить запахи дома ... в последний раз в этой жизни. Больше он не вернется к этому дому.

И тогда, отбросив все малодушные и горькие мысли, крепко прижав сломанную руку к груди, он пошел - побрел к двери подъезда. Вот дверь медленно распахнулась, и какая-то семейная пара вышла на улицу – наверное, на прогулку. Он сделал рывок и подошел к подъезду.

Молодая девушка скривила рот и что-то прошептала на ухо своему возлюбленному. Тогда возлюбленный попытался крепко ухватить стремившегося к двери человека с нелепо искривленной и прижатой к груди рукой, но тот вдруг прошептал: “Я только на минуту. Это мой бывший дом”, - и рука человека, уже готового схватить этого поганого бомжа, вдруг как-то медленно опустилась, в глазах на мгновение промелькнуло понимание, и как-то нелепо пробормотав “да, конечно”, он отошел назад.

... Вперед и вверх - к третьему этажу. Вот он, близкий и знакомый ... почти родной. И кто-то живет теперь в его квартире?

Он прислушался. Где-то за дверью бодро лаяла собака, видимо встречая пришедшего хозяина дома. Где-то плакал малыш. Где-то ругались люди. И только один раз на протяжении всего того получаса, что он стоял, прислонившись к стене и вспоминая былую жизнь, откуда-то совсем сверху донеслось многоголосое пение и радостный смех.

Потом он пошел назад. Из дома. Или домой?

Первый этаж ... подобные литым маленьким бункерам почтовые ящики. Заглянуть? Но кто может написать ему? Кто?

И все же он заглянул - в ящик с крупным и жирным номером “30”. Тридцатый день ... Тридцатая квартира ... это даже немного забавно ...

Там было только одно письмо - с его инициалами. С его! Он посмотрел на дату. Да, 29 дней назад оно пришло ему - тогда еще квартира была записана на него. Пробежал глазами строчки. Сначала недоумение, затем изумление, улыбка и боль отразились на лице. Впрочем, если бы кто-нибудь случайно увидел теперь его лицо - он бы принял это за хищнический оскал.

Не веря глазам, он еще раз пробежал все строчки. Все верно. Разум еще верно служил ему. Ошибки быть не может. Крупные буквы и слова “Извещение”, ”наследство”, имя его сестры, жившей за рубежом, и сумма в сто тысяч долларов были последними, что покрутились в его сознании в этот день. Ноги его подкосились и он упал.

За окном всходило солнце ...

01.04.2003

Я всегда один

- Прости меня, но я не могу тебе этого сказать. Мы просто должны расстаться. Это все, что тебе надо знать.

- Но я не понимаю ... разве за все это время я сделал что-то не так? Разве я причинил тебе какую-то боль? Я любил тебя и по-прежнему люблю.

- Не говори так, от этого еще только хуже.

- Но почему? Почему мы должны расстаться?

- ... У меня есть другой. Я не люблю тебя.

☆ ☆ ☆

- Слюнтяй, нафига ты мне сдался?! Иди и читай свои серенады какой-нибудь мечтательной шестнадцатилетней дуре! Ты просто не мужик, раз не можешь обеспечить свою девушку! А таких я уже повидала в своей жизни, поверь мне - они не приживаются. Закон естественного отбора, понимаешь? Дак вот ты - эволюционный брак. Либо ты перестаешь нести всякую поэтическую чепуху и показываешь мне реальные деньги, либо мы с тобой расстаемся, причем сегодня же!

- Мы расстаемся.

☆ ☆ ☆

- Нет, не так. Да не так же. Вот ... вот так ... еще ... еще ... О ... как хорошо! Еще ... вот ... вот так. С тобой ... с тобой так ... так хорошо … мне так хорошо ...

- Я ... я привязался к тебе ... я не знаю, как ... как я буду теперь один ...

- Вот только не надо этого ... да? Не думай, что сможешь купить меня своими словами. Ты ... знаешь условия.

- Знаю ... я все знаю. Иногда мне кажется, что я ... слишком много знаю. Цена ... цена по-прежнему та же?

- Да, та же. И давай уже договоримся, лучше валютой, а не бартером. Мы же не в каменном веке, да?

☆ ☆ ☆

- А эти четыре года вместе, разве они ничего не значат? Она подошла ко мне, обвила свои руки вокруг моей шеи и пристально и печально взглянула в глаза.

- Они значат для меня все. Это были лучше годы в моей жизни, самые лучше, поверь мне. Ты столько дал мне ... я никогда еще не встречала такого человека ... наверное, я никогда больше его не встречу ... Буду жить ... буду жить как ... как все нормальные люди ...

Ее глаза наполнились слезами. Я обнял ее и прижал к себе.

- Давай не будем расставаться, а? Ведь мы так этого хотели ... быть вместе всю жизнь ... до последнего дыхания ...

- Боже, как бы я хотела, чтобы это действительно было так! Как бы я хотела не расставаться с тобой никогда-никогда ... чтобы всегда ... с каждым восходом солнца, с каждым новым днем ты приезжал ко мне ... и я приезжала к тебе ... и мы были друг с другом, и радовались, и печалились бы вместе ... вместе ... Боже, как бы я этого хотела! Но ... не могу ... не могу ... теперь уже не могу ...

- И мы все-таки вынуждены расстаться ... после всего ... навсегда?

- Да ... навсегда. И ты знаешь об этом. Ты знаешь ... у меня есть законный муж, и я не могу его бросить ... не могу.

☆ ☆ ☆

- Ты знаешь, теперь мне начинает казаться, что я уже никогда на встречу ее. Ту единственную ее, которую бы я по-настоящему полюбил ... которая бы полюбила меня ... которая смогла бы стать по-настоящему единственной ... единственной женщиной в моей жизни.

- Мне кажется, ты слишком рано делаешь выводы. Еще не все потеряно.

- Но и не все найдено. Да и будет ли найдено? Насколько же мал шанс, что из всего того многообразия людей я смогу выделить и найти ее! Пожалуй, больше я не буду пытаться, я слишком устал от этой погони за призраками, слишком устал ... пожалуй, теперь я буду один - всегда один. Так же, как я и пришел в этот мир одиноким, так же мне придется и уйти из него.

- Всем нам придется. Но это не значит, что мы будем одиноки в нашем пути от этих начала и до конца. Ты еще встретишь ее, я уверен.

- Может быть. Может быть, этот единственный день настанет, когда я встречу ее ... наконец-то встречу. Может быть. Мне очень хочется в это верить.

16.01.2006

Фэнтэзи как оно есть

История одного поединка

Сэр Гарольд ожидал своего решающего часа. Он ходил взад-вперед по промерзшей земле, периодически для храбрости постукивая мечом о железную оковку щита, но даже ему, прошедшему через десятки турниров с живыми соперниками, теперь было не по себе. Он еще раз проверил свое обмундирование, потуже нахлобучил итак изрядно плотно сидевший на голове шлем, проверил подвижность пластин предплечий и суставов доспеха, тихо выругался себе под нос, безуспешно пытаясь подправить несколько сползший правый латный сапог, и, наконец, как будто бы оставшийся довольным проведенной ревизией, остановился, закинул припасенный с собою щит повыше на плечо, и что есть силы воткнул меч острием в землю, попутно облокотившись на получившееся подобие подлокотника. Сэру Гарольду оставалось только ждать - потому что ничем иным, за исключением пары сотен простиравшихся ровными рядами могил, это, хоть и освященное, но все же хранившее до сих пор какую-то зловещую тишину место, похвастать не могло.

Его возлюбленная, прекрасная дева Ангелина, должна была появиться с минуты на минуту ...

⭐ ⭐ ⭐

Сэр Вильям сегодня был в превосходном настроении духа, вызванном даже не столько теми парами литров отборного красного, которые он, разгоряченный созерцанием оголенных женских ножек, незадолго после начала бала успел принять себе на грудь, печень и сердце, сколько теперь уже ставшим слегка смутным осознанием того, что именно сегодня, в этот благословенный монархом день, ему наконец-то улыбнулась удача. Дочь местного графа, организовавшего сие поистине горячее (ик!) торжество, дева Анжелина, после, казалось бы, совершенно безуспешного месяца ухаживаний, подхаживаний, хрипения серенад и мучительно бессмысленного стояния у окон наконец-то дала свое согласие на их совместную персональную встречу, которую она недвусмысленно назвала свиданием. И все бы было просто замечательно, если бы не (ик!) весьма странное место для указанной встречи, которое она, движимая одной ей понятной женской мудростью, решила избрать. Нет, конечно же бесстрашный сэр Вильям не боялся никаких мертвецов, покойников, усопших, умертвий, убитвий и прочая, в особенности сейчас, разгоряченный третьей доканчиваемой бутылкой, но все же выбрать кладбище местного городка было весьма м-м-м ... экзотическим выбором для такого рода встреч.

Сии мысли вились у сэра Вильяма в голове, пока он безуспешно пытался оторваться от двух зол сразу - красного и женского. Они, эти два зла, два чертовски приятных искушения, все еще продолжали пытаться соблазнять его, пока он, сейчас вмиг вспомнивший об этой самой встрече и почти столь же мгновенно протрезвевший, плавно, стараясь не наделать лишнего шума в прихожей, попутно маневрируя между кучами железных аксессуаров, разбросанных пришедшими гостями в совершенно бессмысленной и хаотической манере, пробирался к месту дислокации собственного инвентаря.

По-прежнему стараясь действовать аккуратно, что, впрочем, после четвертой начатой бутылки было делом весьма трудоемким, сэр Вильям таки сумел выгрести из созданной ранее собственной железной кучи шлем, и с маху нахлобучить его на почему-то ставшую изрядно поседевшей голову. Надеть нагрудник оказалось сложнее - как-никак, но и вино, особенно красное, в дополнение к пиву способно временами как-то неожиданно, нещадно и откровенно бессовестно полнить, - однако после двадцати минут чертыханий и коленопреклонений ему удалось и это. А вот с наголенниками вышла заминка. Перебрав все варианты (предположительно правый - на левую ногу, очевидно левый - на предположительно правую ногу и т.д.), он, наконец, был вынужден бросить это чертовски бессмысленное занятие, обрекая тем собственные ноги путешествовать в новых и плотных, но, к несчастью, немного сальных панталонах. Последними в сегодняшнем меню (после красного бургундского, разумеется) оказались латные рукавицы и уже немного затупившийся после последнего поединка пятилетней давности меч.

Наконец, спустя почти полчаса после начала собственного обмундирования, забросив правой рукой на плечо меч, а в левую взяв заранее припасенный букет алых как кровь или бургундское роз, сэр Вильям неспешной и твердой поступью направился по направлению к местам значительно более мирным и тихим, нежели замок отца его возлюбленной ...

⋆ ⋆ ⋆

Сэр Гарольд начинал терять терпение. Прошло уже достаточно времени с того момента, как Ангелина должна была появиться, но ее след еще даже не появлялся, не говоря уже о том, чтобы простыть. А простыть здесь было не так уж и сложно - к полуночи начал дуть промозглый северный ветер, и высоко в небе стали сгущаться тучи, намереваясь, судя по всему, вскорости окропить грешную землю своими долго сдерживаемыми слезами. Над землей, отдающей последнюю дань тепла воздуху, откуда ни возьмись, стал сгущаться туман. Сэр Гарольд, последнее время все чаще похлопывающий себя по железному панцирю латными рукавицами и постукивающий пятками ног по затвердевшему грунту в тщетной надежде согреться, уже готов был бросить сие бессмысленное с точки зрения места-препровождения занятие, как вдруг его взору предстало совершенно необъяснимое, завораживающее и пугающее явление.

Прямо по направлению к нему медленно и столь же неумолимо, шатаясь из стороны в сторону, раздвигая ногами непослушный сизый туман и бормоча что-то зловеще невнятное себе под нос, шел мертвец. Прямо на него шел оживший покойник — само воплощение этих адских мест, куда предательница Ангелина уговорила-таки его прийти!

Сейчас уже у Гарольда в этом не было никакого сомнения — часы, проведенные в этом наземном склепе, были вящем тому подтверждением. Страх перед внезапно появившимся врагом, любопытство перед ним же, гнев на взбалмошную дочурку дурацкого графа, благоговение перед ней же — все это сейчас смешалось в сердце рыцаря Гарольда в одну поистине взрывоопасную смесь похлеще той, что умел делать из красного бургундского рыцарь Вильям. Сам не отдавая себе отчет о том, что же он сейчас пытается сделать, Гарольд ринулся в направлении порождения этих полночных могил, размахивая собственным мечом и инстинктивно закрывая лицо щитом, попутно что-то крича.

Один Бог мертвых ведает, что он кричал тогда. Быть может, это были последние слова воина, внезапно осознающего приближение конца своего пути и в первый и последний раз дерзнувшего взглянуть в лицо собственной смерти ... или, возможно, это были слова влюбленного, грудью бросающегося на врага, чтобы прикрыть своего ставшего единственным в этом мире человека ... или, быть может, это были взаимные предсмертные проклятья двух друзей, сейчас зашедших в своей ненависти уже слишком далеко ... Да черт его знает, что он кричал! В такие минуты поистине трудно дать себе в этом отчет. Как бы то ни было, но в том самый миг, когда он, наконец, достиг умертвия и со всей дури вмазал ему мечом прямиком в раскрытую грудь, последними его словами были “... охни, тварь!”

- А-а-а-а-а-й-й-й-й-й! Больно же! Да я тебя сейчас как ! - завопило умертвие, и, сбросив с левой руки неизвестно откуда взявшийся там шлем, и оголив ноги (или они были изначально таковыми?) выскочило вперед, в свою очередь неистово размахивая мечом. - Да я тебе сейчас! Вот так! И вот так! Вот так! И так! В-у-у-у-у-х! - продолжало неистовствовать оно, кружась на месте и посылая удары неизвестному сопернику.

Наконец, либо воодушевившись сделанными успехами, либо окончательно растратив весь боевой накал, оно вдруг также внезапно перестало крутиться и тупо уставилось вперед.

- Гарольд! - Вильям! Вильям! - Гарольд! - внезапно заорали и умерший, и чуть было не умерший.

- Ты что здесь делаешь?! Ты меня чуть не убил, остолоп ты железный!

- Да ты на себя глянь, вырядился как покойник и шляешься ночью мертвец знает где!

- Мальчики! - внезапно раздался приближающийся женский голос. - Мальчики, не ссорьтесь!

И с этими словами перед ними как оборотень из ночи возникла ни кто иная, как сама дева Ангелина, она же Анжелина, она же Анжелика, она же Анжела для членов ее семьи, она же просто “моя возлюбленная”, в немного растрепавшемся от быстрого бега т покрытом пледом платье.

- Я вам сейчас все объясню! - сладко пообещала она. - Тут ... накладочка вышла, - смущенно призналась она.

- Ты! - выдохнул сэр Гарольд.

- Ты! - повторил то же самое Вильям.

- Да как ты! - прохрипел Гарольд.

- Да ты как! - перефразировал его Вильям.

Казалось, бывшие друзья, уже почти отошедшие от совместно пережитого шока встречи, сейчас вновь готовы вцепиться друг в другу в глотки.

- Дуэль! - крикнул сэр Вильям.

- Дуэль! - подтвердил его опасения сэр Гарольд.

- До первой крови! - уточнил сэр Вильям.

- Заметано! - ободрил его сэр Гарольд.

- Начинай! - разрешил сэр Вильям.

- В бой! - констатировал сэр Гарольд.

- М-а-а-а-а-а-а-а-ч-ч-ч-ч-ч-и-и-и-и-и-и-и-и! - внезапно завопила Ангелина.

И уже почти состоявшийся бой так и остался несостоятельным.

- Дак ты ... - начал было сэр Гарольд.

- Специально свела нас ... - продолжил было сэр Вильям.

- Для тебя это было ... - предположил сэр Гарольд.

- Развлечение! - ужаснулся сэр Вильям.

- Ах ты ... - почти разгневался сэр Гарольд.

- Никчемная графоманка ... - почти успокоился сэр Вильям.

- Графодочка, - поправил его сэр Гарольд.

- Графо-еще-одна-никчемно-потраченная-ночка, - заплетающимся языком все-таки выговорил сэр Вильям.

- Пошли отсюда, - предложил сэр Гарольд.

- Разумно, - подытожил сэр Вильям.

- Мальчики, мальчики, погодите, вы куда? Вы что, не собираетесь драться за меня?! - удивленно и испуганно спросила дева Анжелина, быстро окинув их обоих взором. - И зачем тогда я спрашивается специально просила вас надеть на себя эти ржавые консервные банки, и зачем я специально сдерживала себя больше месяца, и зачем я попросила своего отца купить на этот бал этого чертова красного бургундского, от которого у одного из вас окончательно снесло шлем и потекли эти розовые бургундские сопли?! - неистовствовала она.

- Я не сражаюсь с земляками! - ответствовал сэр Гарольд.

- Особенно за таких, как ты! - приветствовал ответствование сэр Вильям.

- Минутку, минутку, вы что, знаете друг друга?! - изумилась Ангелина, стараясь удержать на себе почти слетевший со спины плед.

- Немного ... - уклончиво ответил сэр Гарольд.

- Сражались когда-то в турнире, - развеял сомнения сэр Вильям.

- И-и-и ... и кто победил? - не нашлась спросить ничего более Ангелина.

- Неважно ... - уклончиво ответил земляк Вильям.

- Уходим, - подытожил земляк Гарольд.

- По бургундскому? - предложил рыцарь Вильям.

- На такой конец сгодится и оно! - уверил его рыцарь Гарольд.

И с этими словами два знавших друг друга почти пять лет земляка, два рыцаря без страха и упрека, два поклонника и покорителя дам и два любителя красного бургундского неспешной походкой, продолжая что-то говорить и одобрительно стучать друг другу латными рукавицами по плечам, направились прочь из скорбного места горечи, вечности, и любви, в этот день скорбно ставшей горечью в вечности.

Они удалялись — а виновница будущего торжества, взбалмошная дева Ангелина, она же Анжелина, она же, наконец, просто Анжелика, сидела на надгробном камне и плакала.

О чем плакала она в тот день? О чистой вечной любви, которую всегда так хотелось иметь, и которую всегда приходилось убивать в угоду принятым в обществе нормам? О гордом и непоколебимом мужском начале, колеблемом красным бургундским? О собственном бессилии решить что-либо силой? О собственном нежелании теперь что-либо решать? Да мертвец ее дери, если я знаю, о чем она думала в ту темную и траурную ночь!

Но, как бы то ни было, и эта казавшаяся вечностью ночь однажды закончилась ... а наутро из ничем непримечательных апартаментов графского замка раздался до боли знакомый голос:

- Ну и где, черт возьми, моя последняя припасенная бутылка бургундского?!

Мораль:

Чем меньше женщину мы знаем — тем легче жить нам будет с ней,

Чем больше тайн мы их узнаем — тем вместе жить нам лишь мертвей.

26.08.2008